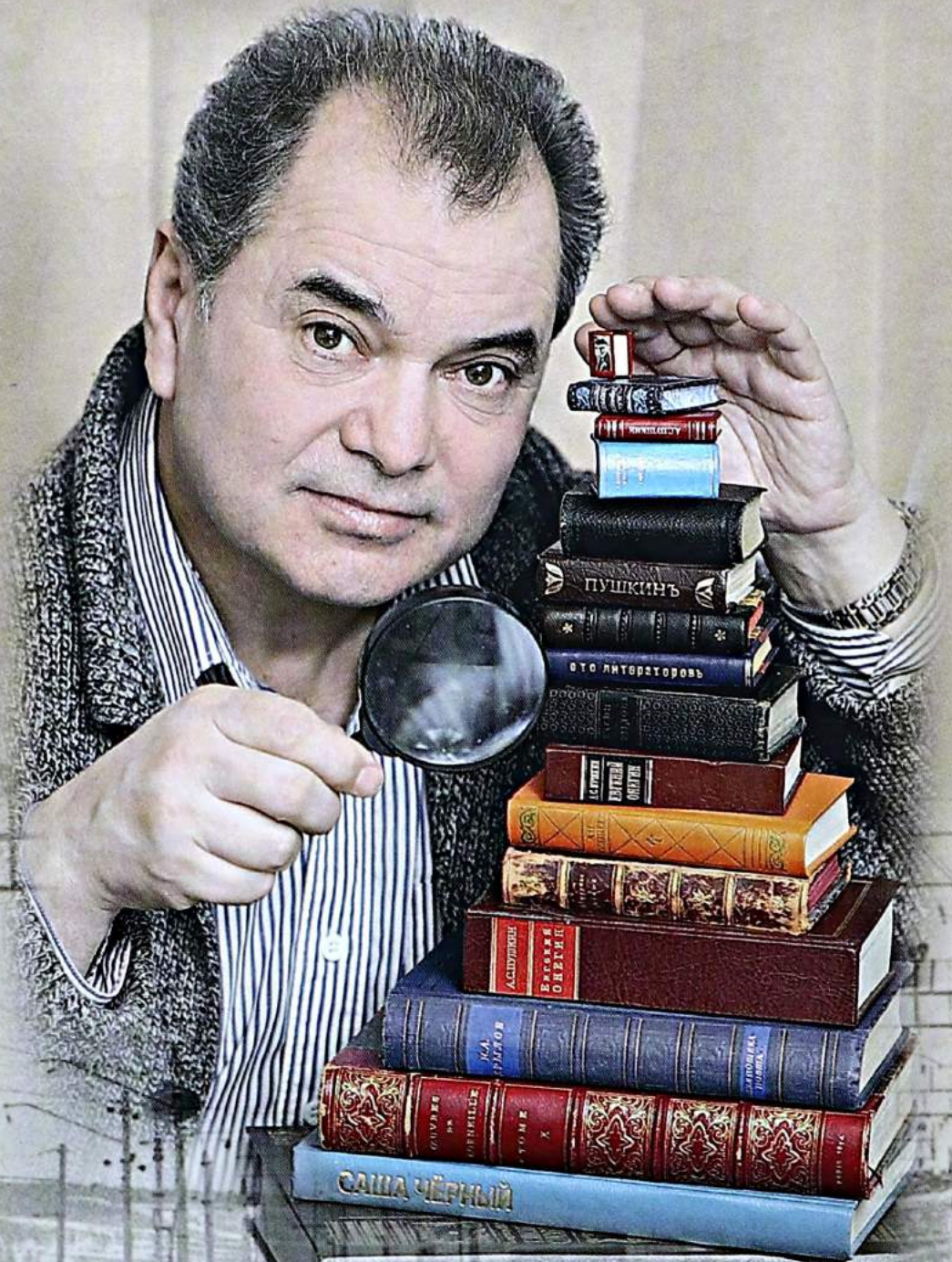

76.01
А 18

Вячеслав Аванесов

Встречи в пути

Э.к.

76.01
А18

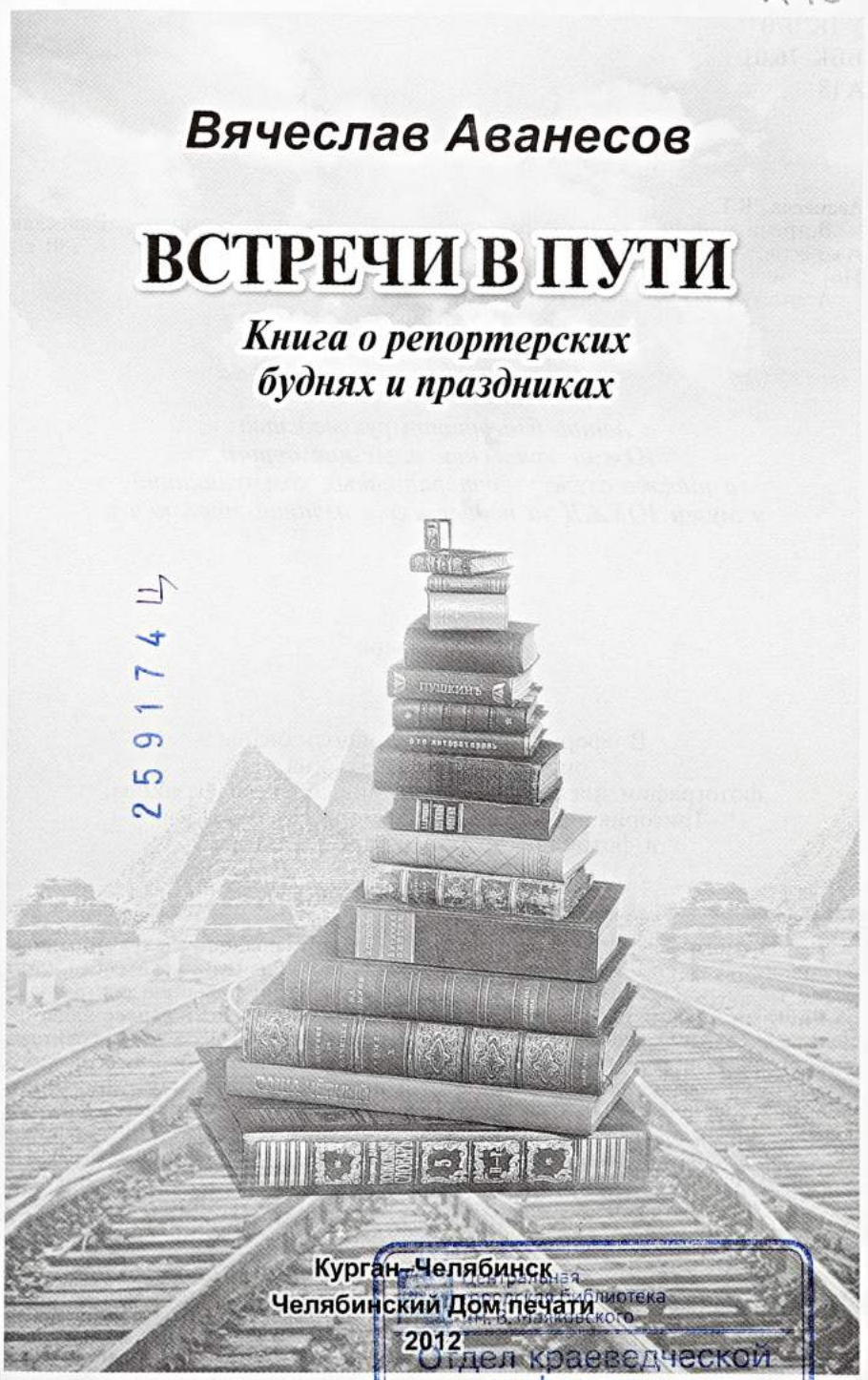
Вячеслав Аванесов

ВСТРЕЧИ В ПУТИ

*Книга о репортерских
буднях и праздниках*

259174 Ц

259174

Курган-Челябинск
Челябинский Дом печати

2012
Отдел краеведческой
информации

ул. Пролетарская, 41, тел.: 45-42-53

Э.к.

УДК 070
ББК 76.01
А18

Аванесов, В.Г.

Встречи в пути : книга о репортерских буднях и праздниках / Вячеслав Аванесов. – Курган : Челябинск : Челябинский Дом печати, 2012. – 280 с., [16] л. ил.

Агентство СІР Челябинской ОУНБ

*Автор благодарит руководство
Южно-Уральской железной дороги,
а также службу корпоративных коммуникаций
и музей ЮУЖД за поддержку в издании этой книги*

Редактор
А.Л. Казаков

В оформлении книги использованы
рисунки Николая Година,
фотографии Александра Алпаткина, Алексея Казакова,
Григория Леонтьева, Владимира Новгородова
и фотоиллюстрации из архива автора.

Автор книги – известный в Курганской области журналист, заслуженный работник культуры России. Большую часть жизни работал на Курганском областном радио корреспондентом, старшим редактором редакции новостей, встречался со многими героями своего края, а также известными в нашей стране людьми. Вячеслав Аванесов, по своей сути, репортер, таковым он себя всегда считает. Его интервью и репортажи звучали в программах областного и Всесоюзного радио, публиковались во многих областных и центральных газетах. Многие его интервью составили аудиокolleкцию «Голоса Кургана», запечатлевшую главные события жизни зауральского региона на протяжении тридцати лет.

Большинство героев книги – известные в стране люди, которые бывали в Кургане и оставили здесь частичку своего сердца.

ISBN 978-5-87184-533-2

© Аванесов В.Г. Курган, 2012

*Матушке моей Анне Георгиевне
Аванесовой и сыну Евгению.*

*Вместе со мной они с любовью
и любопытством всматривались
в жизнь.*

Автор

*Владимиру Рижанову
в знак дружбы!*

*Эта репортерская
книжка совсем легка,
чтобы читать её
серьезной. Всё же как
у писателей! Но это
мой вечер и
перехивалки.*

*© улаженое, Евг. Аванесов,
19 июня 2012. Курган*

Слово об авторе

Название книги «Встречи в пути» очень хорошо отражает суть отношения автора к жизни. Он родился и живет в Кургане — городе с богатой историей. Став одним из узлов, через которые прошел Транссиб, Курган — да и всё Зауралье — получили мощное экономическое развитие. И сегодня железная дорога является одним из самых крупных предприятий региона, обеспечивающих его стабильность. А если принять во внимание, что практически каждый третий житель Кургана работает на ЮУЖД, то этот город смело можно назвать железнодорожным.

Слово «путь» имеет разные значения в контексте понятий пространства и времени, но Вячеславу Аванесову в этой книге удалось объединить эти величины. Его «Встречи в пути» — это и есть те пространственно-временные точки, в которых сконцентрировались культура, интеллект и сознание целой эпохи. Открыв эту книгу, вы познакомитесь с удивительными людьми — Личностями, оставившими в истории России значительный след. И очень приятно, что все они с любовью отзываются о Зауралье и его столице. Собрал за несколько десятков лет уникальную коллекцию «звездных» интервью, автор бережно хранил её, чтобы поделиться с читателями.

Именно такой — патриотичный — подход к жизни и ко всему, что делает Вячеслав Аванесов, является его «фирменным стилем». На протяжении последних десяти лет он имеет непосредственное отношение к железной дороге — трудится пресс-секретарем Курганского региона ЮУЖД. Несмотря на регалии и огромный авторитет в профессиональной журналистской среде, Вячеслав не почил на лаврах, а до сих пор с присущим ему репортерским духом умеет оказаться в нужное время в нужном месте, и не просто сразу уловить суть момента, а найти в нем что-то необычное или красивое. Он с увлечением рассказывает о работе железнодорожников, оставаясь открытым и интересным собеседником.

Хочется, чтобы у этой книги было много читателей — разных возрастов и жизненных взглядов, — эти страницы помогут вспомнить или узнать часть своей истории, а значит — и часть самого себя.

Владимир ПЯСТОЛОВ,
первый заместитель начальника
Южно-Уральской железной дороги

Его голос знаком многим курганцам

Я очень рад, что мой давний друг журналист-репортер Вячеслав Аванесов решил наконец написать свою книгу. Я торопил его, напоминая чью-то мудрость, что книга — единственная компенсация пережитых разочарований.

Что и говорить, жизнь летит стремительно, мгновение за мгновением, многое забывается, уходит из памяти людей — твоих современников, но книга остается почти навсегда. А Вячеславу есть что рассказать о пережитом — об увиденном, о встречах с выдающимися людьми.

...Мы познакомились в 1967 году, когда я волею судьбы оказался в Кургане, в замечательном зауральском городе. И хотя я пребывал в Кургане ровно три года, работая в областной газете «Советское Зауралье», многое из той поры осталось в памяти. И главное — знакомства, дружба, встречи.

Дружба с Вячеславом Аванесовым длится до сих пор, значит нашим отношениям 45 лет. Срок вполне достаточный, чтобы понять и почувствовать не только нашу общую профессию — журналистику, но и обычные человеческие качества, которые искренне сближают. Вячеслав — добрый, честный, внимательный. Много раз своим телефонным звонком он извещал меня о курганских новостях, о том, что происходит в ставшем для меня родным крае. И в самые нелегкие для меня периоды жизни он поддерживал мудрым советом. Такие времена, наверное, бываю у каждого человека. Один пример. В своих мемуарах я уже писал, как однажды Вячеслава Аванесова, приехавшего в Москву по своим делам, работники спецслужб «пригласили» в спецномер гостиницы «Москва», чтобы он рассказал о библиотеке, а точнее — о крамольных книгах известного в столице библиофила Феликса Медведева. Это были непростые андроповские времена, когда человека могли арестовать за нарушение каких-либо тайных инструкций и запретов. Так вот, нынче это выглядит не только трагично, но и комично: Аванесов не заложил меня, а я владел книгами Николая Гумилева, Марины Цветаевой, Андрея Синявского, Александра Солженицина, других авторов, чьи имена вызывали аллергию у ретивых цензоров.

А сколько добрых воспоминаний сохранилось у нас от совместных с Вячеславом встреч со знаменитыми мастерами культуры: Ираклием Андрониковым, Юрием Нагибиным, Мариэттой Шагинян, Лилей Брик, Анатолием Рыбаковым, Анастасией Цветаевой... Сколько таких имен! Словно, звезд в небе — ярких, негаснущих. Я встречался с ними по заданию популярнейшего в 1990-х годах журнала «Огонек», где заведовал отделом поэзии. А мой курганский друг частенько был со мной рядом — любопытнейший человек, желающий все видеть и слышать! Все верно — репортер должен быть таким: не пропустить ярких мгновений жизни, чтобы потом об этом рассказать.

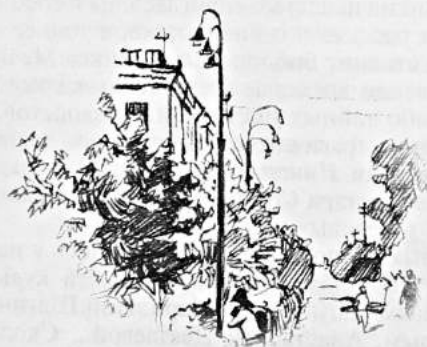
Я считаю Вячеслава одним из самых талантливых и ярких репортеров России. Он встречался с удивительными персонами Зауралья, Москвы и, пожалуй, всей России, взял сотни интервью. Много раз видел Славу

непосредственно в работе, с магнитофоном наперевес. Его темперамент, умение мгновенно врубиться в разговор, заинтересовать словом, вопросом всегда поражало меня. Мы вместе брали интервью — я для газеты, он — для радио у героев XX века Терентия Мальцева, Валерия Брумеля, Гавриила Илизарова, космонавта Виталия Севастьянова, Ираклия Андроникова, Евгения Евтушенко. И, включив интервью с ними в свою книгу, журналист Аванесов как бы продляет память о ярких личностях прошлых эпох.

Хочу отметить, что Слава как журналист обладает высоким чувством гражданственности, ощущением ответственности перед слушателями, читателями, подзабываемым ныне понятием патриотизма. Я уверен, что книга известного журналиста Вячеслава Аванесова хороший подарок всем, кто не только знает его лично, но и на протяжении многих лет слышал его голос в эфире. Голос, ставший для многих и многих родным.

Феликс МЕДВЕДЕВ

Справка. Феликс Николаевич Медведев — известный в России журналист, легендарный «огоньковец», лауреат многих престижных литературных премий в нашей стране и за рубежом. Известен большинству читателей как «живой классик жанра», мастер «непричесанных интервью». Его имя вошло в изданную в МГУ «Историю отечественной журналистики».

«Открой в минувшее окно»

— Я очень любопытен, просто фантастически! — вот так «запрос-то» раскрывает свой «секрет мастерства» Вячеслав Григорьевич Аванесов. — Считаю, для человека нашей профессии это первейшее качество. Когда я только приступил к работе на областном радио, тогдашний зампредседателя телерадиокомитета Николай Константинович Жиров посоветовал: «Всем интересуйся! Даже просто, идя по городу, читай объявления на столбах и заборах, афиши, плакаты; слушай, о чем говорят люди, — отовсюду черпай информацию!». Я всегда следовал этому правилу и до сих пор оглядываюсь на любой листок, висящий на заборе. А вдруг там — новость! Общаясь в свое время с прекрасным курганским журналистом Эрнстом Палешкиным, не уставал удивляться тому, как он запросто находил своих героев! Ему никогда не изменяло журналистское любопытство, его глаза всегда горели. «Неужели такое может быть?!» — радостно восклицал он. — А ты знаешь, как поют соловьи за Тоболом!»

Уверен, грош цена журналисту, утратившему способность удивляться. Равнодушие — смерть для репортера. Человек нашей профессии не имеет права жить только своими заботами, — он должен видеть улыбки людей и замечать их слезы, видеть все, что происходит рядом и даже далеко.

Я часто встречаюсь с молодыми журналистами и всегда говорю им: «Будьте любознательными, будьте любопытны!». Однажды в Москве на одном из семинаров перед нами выступал известнейший журналист Евгений Рябчиков. Он назвал главные, на его взгляд, качества репортера: здоровье и... доброе нахальство. Репортеру нельзя быть пугливым, стеснительным человеком. Евгений Иванович рассказал о давней истории. В 1933-м году «Комсомолка» поручила ему взять интервью у летчика Валерия Чкалова, который готовился к беспосадочному перелету через Северный полюс из Москвы в Ванкувер. Знаменитый на всю страну летчик оказался на обследовании в больнице, куда журналиста, конечно же, не пустили. Молодой и нахальный Рябчиков решился... подняться по стене старинного здания прямо в палату, где лечился Чкалов. Изумленный появившимся из окна репортером, героический летчик дал ему не только интервью, но и угостил чаем и фруктами, отправив его обратно, через широкие больничные двери. Спустя сутки интервью с Чкаловым читала вся страна.

— Что вас привело в профессию? — спрашиваю Вячеслава Григорьевича.

— Во-первых, желание замечать все самое интересное на свете. Мне доставляет огромное удовольствие получить интересную информацию; желание рассказать о событии радиослушателям. Первый журналистский опыт получил в пограничных войсках, где служил три года в Карелии. Несколько моих информаций были опубликованы в газете «Пограничник». Отслужив, пришел с этими информационными «коротышками» в курганскую газету «Молодой ленинец». Смотрите, мол, какой я «маститый» журналист! Конечно же, посоветовали прийти в газету позднее,

когда «перо станет острее». Потом была учеба на филфаке в пединституте, работа на заводском радио и в многотиражке, сотрудничество с областным радио, куда пришел в 1971 году после того, как подготовил передачу «Голубой звездопад» о Людмиле Тумановой, знаменитом сейчас человеке в Зауралье. Волшебный голос Людмилы, ее песни покорили радиослушателей. На Курганское радио пришло столько писем! Заместитель председателя комитета Николай Константинович Жиров прислал мне телеграмму «Поздравляю с успехом!» и пригласил на работу. Я попал в коллектив маститых радиожурналистов. Владимир Иванов, Тамара Солонина, Ольга Нарожная, Диночка Кривцун, Галина и Александр Быбины учили меня работе с магнитофоном и другим журналистским премудростям. К примеру, как брать интервью и как уважительно относиться к интервьюируемому и к радиослушателям. Это было «золотое» время областного радио, а для меня пора приобретения опыта.

– Как вы находили своих героев, как общались с ними?

– Держал ухо по ветру (смеется). У меня везде было много друзей, которые сообщали о событиях, любопытных фактах, интересных гостях. Известный в Кургане сосудистый врач Феликс Зусманович свел меня с одним из создателей советской атомной бомбы академиком Георгием Николаевичем Флеровым, приехавшим на лечение к доктору Илизарову. С внуком Пушкина – Григорием Григорьевичем Пушкиным – меня познакомил другой Феликс – спецкор «Огонька» Медведев. С некоторыми героями моей страны я знакомился лично, спешил к ним и, взяв интервью, радовался тому, что сейчас о них узнают мои радиослушатели. Это были безумно приятные и бесконечно трогательные моменты жизни.

Мой старший друг (он просил меня называть его так – друг!) давно ушедший из жизни поэт-фронтовик Илья Френкель посвятил мне стихотворение «Не жалею о прошлом», которое для меня стало в чем-то пророческим. Когда мне бывает трудно, я вспоминаю стихотворение. И на душе становится легче.

*Открой в минувшее окно,
Откинув ставни.
Подумай, что, пройдя, оно
Не стало давним.*

*Недалеко оно – вон там,
За поворотом.
Плывет, подобно городам
Под самолетом.*

*Немного даже впереди
Утрат и бедствий.
Забудь о них. Не бери.
Живи, как в детстве.*

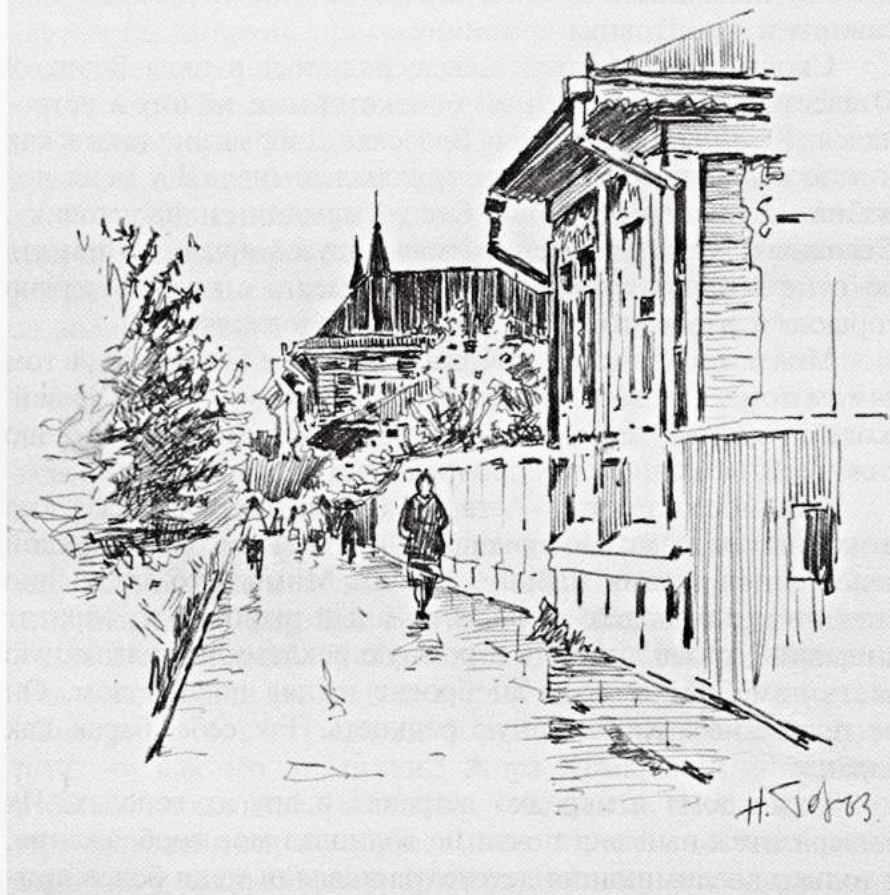
*Поверь, не каждый миг в былом
Напрасно прожит:
В твое крыло он врос пером,
Лететь поможет.*

Юлия ВАСИЛЬЕВА

Глава первая

ЖИЗНЬ-ПРОДОЛЖЕНИЕ: ВСТРЕЧИ, СВИДЕТЕЛЬСТВА, ЛЕГЕНДЫ

(1971–2001)

Коридоры детства. Мой дом на Советской

...Я еще не родился. Весной 1943-го года армянин из Степанакерта лейтенант Григорий Аванесов в тяжелом бою получил ранение. В медсанчасти штопавший его пожилой хирург сказал молодому офицеру: «Думал, не выживешь. А ты вот какой! Значит, жить будешь долго...».

Так начинался его путь ко мне. Медпоезд доставил 30-летнего Григория Аванесова в курганский госпиталь. Здесь он встретился с моей мамой – медсестрой Аннушкой. Матушка хороша собой – грех не влюбиться! Так в апреле 1944-го появился я – плод страстной любви русской красавицы и фронтовика-армянина.

Сколько таких детей, как я, родилось в годы Великой Отечественной и после нее! С некоторыми из них я встречался. Композитор и певец Вячеслав Добрынин, также как и я по отчеству Григорьевич, признался мне: «И у меня подобная жизненная история! Отец – армянин и фронтовик». Сегодня в Кургане у меня немало друзей-армян. В память об отце я крепко жму им руки и вместе с ними отмечаю горькие и радостные даты. Жизнь продолжается!

Моя жизнь началась в Кургане на улице Советской, в том самом доме, где жило немало дорогих моему сердцу людей. Когда я прохожу мимо отчего дома, то обязательно склоняю голову. В память о своих родителях и друзьях детства...

Дом моего детства – старый бревенчатый, в два этажа и на два подъезда. Почерневший от времени, как пожилой человек под лучами жаркого солнца. Мимо него ежедневно спешат сотни людей – рядом шумный рынок. Кто обратит внимание, разве лишь на огромную рекламу, закрывающую часть дома. И уж вряд ли бросит взгляд на сам дом. Он не похож на архитектурную редкость. Так себе: барак как барак...

Такие дома я нередко встречал в других городах. Их невыразительный вид почти не волновал мое воображение, и только воспоминания детства заставляли меня более при-

стально всматриваться в их очертания. Совсем недавно узнал: три таких дома в 1927 году были построены в Кургане – на Советской, Вольно-Пожарной и на улице Куйбышева. Строители не стремились придать им черты респектабельности. Рядом были дома похлеще, чем эти, но построенные в иную эпоху. Каменный дом купца Смолина и сказочный терем Дунаева своей архитектурной задумкой затмили славу иных новоделов советской эпохи. А эти деревянные скороспелые дома край как нужны были городской власти. В таких небольших квартирах нуждались многие горожане, а здесь, в самом центре, сам бог велел им жить и радоваться. Два дворика – передний и задний, с большим деревянным туалетом были яркой приметой моего дома. В этих двориках рождались все радости моего далекого детства.

А что? Детство было действительно радостным. Школа – под боком. Рынок – рядом. Водоколонка – и та через дорогу. К ней мы бежали с ведрами, проталкивали через узкую щель в окне талончики на воду и наполняли живительной влагой ведра. Впрочем, это был необходимый жизненный ритуал – ежедневный и обязательный: хочешь жить – беги за водой, приспичит – спеши на задний двор в туалет.

А было и другое. Длинные очереди за хлебом и сахаром, в которых мы стояли всем двором. В очередях можно было успеть вдоволь наиграться, наговориться и даже решить задачку. Такое удовольствие в конце концов завершалось долгожданной покупкой.

В нашем доме всё было интересно. В одной из квартир располагался склад известной в городе спортивной организации «Спартак». Поэтому все спортивные чины, а с ними и спортсмены-физкультурники заходили в наш двор. Мы запоминали их лица и потом на праздниках узнавали: «Смотри, а вот тот самый борец Демидов. А этот, который, ну, как его, помнишь? Жора Комарский – чемпион в беге!». Знакомство с такими «звездами» потом помогало нам определиться в спорте. Лично я увлекся классической борьбой у заслуженного тренера России, легендарного на

всю страну Анатолия Демидова и даже стал кандидатом в мастера спорта.

Дом на Советской был наполнен людьми самыми неожиданными. В одной из квартир на первом этаже жил художник Валериан Илюшин — ученик великого художника-передвижника Константина Савицкого. В Курган Валериан Федорович приехал в военные годы из солнечной Аджарии к своему сыну-фронтовику, да так и остался здесь жить. Тогда мы многого не знали о художнике. О том, что его учителем был известный русский художник Константин Савицкий... Не догадывались и о том, что Валериан Федорович был знаменитостью в нашем крае: носил звания «Заслуженный художник Аджарии» и «Заслуженный художник РСФСР». Я часто бывал в гостях у него. Меня тянуло детское любопытство: что такое художник и как он рисует? В его небольшой квартирке пахло масляной краской, нафталином и ржаными лепешками. На стенах удивляли старые полотна, написанные художником в годы учебы в Италии. Валериан Федорович жил с родственницей Анной Ивановной — пожилой женщиной, которая была удивительно добра ко мне и всегда угощала вкусными оладьями, на постном масле. После ее смерти у Валериана Федоровича появилась другая женщина — Наталья Севастьяновна. Мои посещения квартиры художника сразу же прекратились — тетя Наташа была женщиной строгой и вольностей не допускала. Зато сам художник тянулся к нам и всегда приглашал нас в свою изостудию во Дворец пионеров. Иногда Валериан Федорович звал меня на рыбалку. Я с желанием шел к реке, но вместо удочки брал с собой акварельные краски и листы бумаги — чтобы рисовать. Первые мои изобразительные опусы вполне устраивали известного художника. Он неторопливо рассматривал рисунки, аккуратно исправлял их и объяснял, что и почему.

Помню, как в годы учебы в ремесленном училище, меня, умевшего рисовать, попросили оформить стенгазету «За учебу». Я уже представлял будущую газету художественным явлением в жизни училища. Поэтому попросил лично

Валериана Федоровича написать заголовок и нарисовать в газете крейсер «Аврора» в момент выстрела из пушки по Зимнему Дворцу. Художник согласился и помог мне создать шедевр стенной печати. Так к училищной стенгазете прикоснулась рука самого известного в нашем крае художника, прославленного учителя многих ныне знаменитых курганских художников. Я же, тогда нахальный малый, с сожалением вспоминаю этот факт со стенгазетой, думая о том, что великий художник должен был творить только великие дела.

Во двор наш заходили ученики Илюшина. Здесь я впервые увидел известных ныне Вячеслава Пичугина, Бориса Лапшина, Анатолия Абрамова, Александра Петухова и других его «птенцов».

Наш дом можно было вполне назвать театральным. В нём жили артисты театра драмы. Фамилию одного из них я вспомнил неожиданно — Анатолий Заборовских, дядя Толя, который всегда приглашал юных обитателей двора к себе домой на семейный просмотр диафильмов. Но больше всех мальчишек впечатляла семья Колпаковых. Её хозяин был известный артист театра, поэтому и для нас он был персоной уважаемой — дядя Боря Колпаков. Борис Александрович вместе с Еленой Яковлевной воспитывал детей — Славу и Галю. Слава был значительно старше нас и поэтому уже не участвовал в наших дворовых играх и ссорах. Мы к нему внимательно присматривались и уже понимали: Слава «не нашего поля ягодка», мечтает стать артистом. Он эффектно шутил, четко и красиво говорил и театрально раскидывал руки. Однажды во время такой яркой театральной паузы из его верхнего кармана неожиданно выпали сигареты. Строгая родительница Елена Яковлевна, уверенная в том, что её сын не курит, на секунду опешила. А уже потом, осознав случившееся, на наших глазах отвесила оплеуху своему любимому сыну. Эта сцена стала уроком и для меня, разом понявшего, что курение — для здоровья вред. Слава Колпаков пошел по стопам отца — народного артиста России: он играл на курганской сцене, потом уехал в Казахстан и там получил

почетное звание «Народный артист Казахстана». Его сестра Галина долгое время с успехом служит в областном театре драмы.

В нашем доме я впервые увидел человека с кавказским лицом и пышными усами. Будущая мировая медицинская знаменитость Гавриил Абрамович Илизаров нередко приходил в гости к своему брату Исаю Абрамовичу, моему радушному соседу. Первым в нашем доме дядюшка Исай приобрел телевизор и частенько устраивал просмотры фильмов, приглашая к «телеящику» соседей, в том числе и меня. Я тянулся к этому человеку и к его удивительно доброй семье. Усы Исая Абрамовича и его брата волновали мое воображение. Кто же они по национальности? — нередко задавал себе такой вопрос. И думал: наверное, грузины. Только у них могут быть такие симпатичные кавказские усы. А потом мне в руки попала домовая книга. Я с любопытством открыл ее и к своему удивлению возле фамилии Исая Абрамовича в графе «национальность» прочитал: «Тат». Так вот оказывается кто он — татарин! И только значительно позже я узнал, что дядя Исай и все его братья и сестры по национальности таты. Есть такая национальность на Кавказе.

Через наш дом на Советской прошло немало людей. В годы Великой Отечественной войны в него вселились семьи, эвакуированные из Гомеля. Добрейшей души человек еврейка Сара Соломоновна помогала моей маме выхаживать меня в тяжелой болезни. От кого-то я узнал и о том, что в нашем доме в первый год войны жила мать известного композитора Тихона Хренникова. Курган приютил эвакуированную из Москвы старую женщину, которая вскоре скончалась и была похоронена на старом кладбище, где сейчас находится парк Победы. В начале 1980-х годов Тихон Хренников приезжал в Курган. Он встретился в областной филармонии с работниками культуры, дал небольшой концерт. Уже позже я узнал о том, что в тот самый приезд знаменитый композитор разыскал могилу матери и поклонился ее праху.

Кто же еще жил в нашем доме? Легендарная в Кургане личность — Дмитрий Иванович Уваров, который в то время был директором школы-интерната, а затем возглавил областной отдел народного образования. Его уважал весь дом, признавая в нем дар воспитателя. Помню, как однажды вечером Дмитрий Иванович неожиданно окликнул всех находившихся во дворе мальчишек. «Смотрите, спутник!» — Дмитрий Иванович показал пальцем в темнеющее небо, где была отчетливо видна проплывающая яркая звезда. Мы все с удивлением смотрели на это явление. Первый спутник в то время действительно бороздил небо. А то, что происходило на наших глазах, было картиной фантастической. Спутник, тот самый спутник! Летели секунды и минуты, а спутник всё «летел» на одном месте. Кто-то из соседей прервал наше любование: «Это же облака плывут, а звезда стоит на месте. Это просто иллюзия». И все-таки наше воображение не погасло. Тот «спутник» запомнился, и потом в нашем дворе мы создали кружок любителей спутника, до поздней ночи всматривались в небо и среди многочисленных звезд отыскивали одно земное тельце — маленький спутник, который быстро проплывал в небе.

В нашем доме жил Володя Вохменцев. Он был старше всех нас и может быть поэтому хотел «систематизировать» наши детские игры. Чаще он устраивал военные игры, которые готовили нас к службе в армии. Мы были разведчиками, выслеживали шпионов и диверсантов. Свой «разведцентр» оборудовали в сарае на заднем дворе, соорудили там перископы и жадно всматривались в них, надеясь на то, что никто нас не заметит. Володя Вохменцев, человек организованный и талантливый во всём, придумал для мальчишек нашего двора своеобразное «суворовское» училище. Мы учились различать погоны, воображали себя офицерами и мечтали уже о будущей службе в армии.

Наш дом на Советской — старый бревенчатый барак. В нем жили и радовались, умирали и рождались. Мы впитывали в себя опыт старших, учились уважению и готовились

к жизни. Мы шили брюки-дудки и бриолинили волосы. К тому времени многие соседи уже выехали из того деревянного барака и жили в благоустроенных квартирах. Художник Валериан Илюшин переселился из старого деревянного дома – в новый кирпичный. Народный артист РСФСР Борис Колпаков, игравший на сцене Ленина, расширил свои апартаменты в другом доме. Семья Исаия Илизарова, брата «Микеланджело ортопедии» Гавриилы Илизарова, также съехала с нашего двора в новый пятиэтажник. Мои друзья и наставники после воинской службы постепенно возвращались в наш дом. Володя Вохменцев солдатскую службу запомнил на всю жизнь. Он участвовал в боевой операции и был контужен. Головные боли до сих пор донимают его. Саша Котелков в армии был водителем и однажды ему посчастливилось везти в служебной «Волге» Юрия Гагарина. А я три года служил на пограничной заставе в прекрасной Карелии. Да и другие мальцы выросли и стали хорошими людьми.

А что дом на Советской? Он все еще стоит. Но уже поговаривают, что жизнь его сочтена. И на его месте, видимо, поставят высотку. Но мой старый дом – обитель любви, уважения и непостижимых склок, по-прежнему частичка моего сердца. Спустя годы кто-то из бывших его жильцов будет тепло вспоминать то время, когда жил дом и жили в нем люди – известные, знаменитые и просто обычные соседи. Дом на Советской, старый бревенчатый барак...

2004 г.

С магнитофоном наперевес

Что больше всего запомнилось в жизни?... Детство, мама, сын Женя. Но вместе с этими дорогими для меня людьми запомнились годы работы на областном радио. В сентябре 1971 года меня пригласил на Курганское областное радио Николай Константинович Жиров. Он руководил этой службой в Курганском Государственном телерадиокомитете. Фронтвик, внимательный, с высокой меркой ответственности – так бы я сказал о нем. До этого у меня был небольшой опыт работы на радио. Под пристальным вниманием редактора молодежи выпускника МГУ Адольфа Алферова я готовил небольшие передачи о жизни молодежи завода колесных тягачей. Здесь я работал заместителем секретаря комитета комсомола вместе с будущим заместителем председателя облисполкома (сейчас бы сказали так: вице-губернатором) Нелли Ладыгиной. Она секретарь комитета комсомола, я ее верный заместитель. В то счастливое для меня время я написал «Голубой звездопад». Это передача о песнях-«ласточках» Людочки Тумановой, своего друга, прикованного по воле судьбы к кровати. До сих пор мы дружим с ней, вместе проводим дни рождения, выезжаем на природу. Она как яркий огонек, на который слетаемся все мы – ее друзья.

После «Голубого звездопада» я стал корреспондентом редакции новостей, в чем, конечно же, благодарен Людочке Тумановой. Потом я рассказывал о ее песнях в программе «Юность» Всесоюзного радио, сопровождал ее на запись популярной в те годы телевизионной программы «Шире круг». До сих пор первые ее слушатели пишут ей письма. А сейчас уже и их дети и даже внуки.

Не сразу я вышел в эфир. Мешал местный говор. «Говори медленнее, не торопись», – советует мне Тамара Петровна Солонина. Она старший редактор радионных новостей. Человек-памятник. Тамара Петровна везде – в президиуме профсоюза работников культуры, в райкомах, горкоме и в обкоме КПСС, ее уважают, к ней прислушиваются.

259174Ц

Мой старший редактор требовательно относится к информации, учит меня, как создавать короткие информации, заставляет меня чаще звонить в районы, узнавать, чем живут люди на селе. Их жизнь — вечный круговорот в природе, с утра, когда еще солнышко не проснулось и до позднего вечера, а то и до ночи. Зимой они ухаживают за скотом, ремонтируют технику. Весной — задерживают на полях влагу и готовятся к севу. Весной — сев и обязательно в оптимальные сроки. Летом — борются с сорняками. Терентий Семенович Мальцев, на которого опиралась вся зауральская армия агрономов, частенько сетовал: не увлекайтесь гербицидами, всю живность из-за них загубили. Говорит: «Зайдите в лес, птичек не слышно».

Тамара Петровна была мастером радиорепортажа. Порой это были короткие радионовеллы — чистые, изумительные по ритмике, которые позволяли слушателю не только слышать, но и видеть. Вспоминаю один из ее репортажей с места отправки детей в пионерский лагерь. Звучит ее веселый голос на фоне шума улицы, детского смеха. Неожиданно она говорит:

— Рядом со мной на высокой березе за всей этой невообразимой кутерьмой наблюдает старый ворон. Черный как смоль, с длинным клювом. Послушай, тебе интересно?

— Карр-р!

Эта птица почему-то запомнилась мне больше всего, она стала важным элементом репортажа. Потом и я не раз использовал этот неожиданный поворот в репортаже: у меня пели птицы, завывал ветер, хрустел снежок под ногами. Этот звуковой пассаж вносил в репортаж достоверность. Да и мне самому было интересно услышать в звуке мгновение дня, а слушателю — особенно.

В репортаже важно все, что не видит радиослушатель: шум ветра, цвет неба, шелест деревьев и — улыбка на твоём лице.

Улыбка? Тамара Солонина хорошо знала: когда репортер улыбается, его речь эмоциональна и привлекательна. Радио-

слушателям нравится не «сухарь» в эфире, а человек добрый, приветливый, который обращается именно к тебе.

Мне кажется, сейчас радиорепортаж не звучит в программах радиостанций. Чаще всего слышу длинные беседы, интервью, комментарии. Конечно же, без них не обойтись. Зато телевидение стало интереснее: много неожиданных поворотов, документальных записей, важных нюансов, отчего, порой, по коже мурашки...

Часто вспоминаю своего старшего наставника Владимира Александровича Иванова. Вместе с ним мы работали над выпусками последних известий, вместе бежали на репортаж. Владимир Александрович учил меня работать в студии перед микрофоном.

— Представь себе, что перед тобой сидит всего один человек, и ты рассказываешь ему то, что тебя заинтересовало. Найди такие слова, такую интонацию, чтобы ты был ему интересен.

Поначалу свои радиоматериалы я перечитываю по десять раз. В студии на видном месте толстенный словарь ударений под редакцией моего однофамильца Рубена Ивановича Аванесова. Я перелистываю его страницы в поисках нужного слова. Радио не прощает небрежности.

С Ивановым я проработал на радио много лет. Его прошлая жизнь была очень насыщенной. Он был свидетелем блокады Ленинграда, десятки раз тушил немецкие зажигалки и однажды едва сам не сгорел на крыше своей старинной пятиэтажки. В самые трагические дни города на Неве Иванов работал в молодежном театре. Его память сохранила все, что связано с теми скорбными днями: четкий звук метронома, транслировавшийся по радио, тревожные завывания сирен и голос диктора из динамика радио: «Граждане, воздушная тревога...». Когда метроном отсчитывал секунды, ленинградцы могли быть спокойны — в небе нет фашистских самолетов. Запомнилось ему чтение стихов по радио блокадной поэтессы Ольги Берггольц, с которой моему наставнику приходилось встречаться. Он помнил, как

по замерзшим улицам города везли на саночках мертвецов. Владимир Александрович хранил многочисленные газеты тех суровых ленинградских дней, документы, связанные с театром. Все это позднее он передаст в архив театра. Когда мои первые учителя Тамара Солонина и Владимир Иванов ушли из жизни, я их стал чаще вспоминать. Мне, зрелому человеку, не хватало их мудрости, вечной заботы обо мне и о моей семье. Не хватало их громких голосов, которые наполняли наши тесные комнаты и коридоры на радио.

Не уверен, что о людях вчерашнего радио знают нынешние радиожурналисты. Мне кажется, молодежь делает свою карьеру с белого листа. Впрочем, и это правильно. Зачем смотреть назад, когда жизнь бежит так быстро. Оглянуться некогда!

Со своим магнитофоном «Репортер» я объездил всю Курганскую область, встречался с героями своего времени — земледельцами, рабочими, писателями, художниками, артистами, с теми, кто своим трудом украшал нашу жизнь. Встречи были разными. Иногда моими героями были заезжие гастролеры, случайные гости нашего города — знаменитые артисты, легендарные спортсмены, советские космонавты. Жалею, что такие встречи были слишком короткие и вопросов моим гостям я задавал не так уж много. В глазах таких людей хотелось выглядеть эдаким репортером, спешащим за короткой новостью. Чаще всего вопросы были такие: что привело вас в наш город и какие планы. Случаи были курьезные. При встрече с Яном Френкелем неожиданно отказал магнитофон. Задаю вопросы, Ян Абрамович вежливо отвечает, а индикатор уровня записи на нуле. Я извиняюсь, вновь включаю магнитофон, и начинаю все с начала. Композитор вновь рассказывает, а упрямая стрелка даже не дрогнет! Здесь мне в пору умереть от позора или хотя бы провалиться этажом ниже. Только на третий раз магнитофон включается, а Ян Френкель как настоящий интеллигент по-доброму успокаивает меня: «Не волнуйтесь, в жизни все бывает...».

Двукратному олимпийскому чемпиону боксеру Борису Лагутину, едва успевшему проснуться в гостиничном номере «Москвы», задаю наивный вопрос: что вы знаете о нашем городе? Тот смотрит в окно и замечает на фасаде соседнего дома огромный плакат с надписью «Курган — спортивный город». Гость переводит взгляд на меня и так не спеша, со знанием дела, отвечает: «Знаю, что ваш Курган — спортивный город...».

В разговоре с артистом Леонидом Куравлевым неожиданно забываю его имя и начинаю лихорадочно вспоминать: Анатолий, Валерий, Николай? Артист замечает мою неловкость и сам спрашивает меня: «Если вы хотите знать о моих планах, то я их сейчас вам представлю». Я понял: к любому интервью, даже к самому короткому, надо всегда тщательно готовиться, перевернуть горы литературы, чтобы знать тему своего разговора с героем. Когда в Курган к доктору Илизарову приехала знаменитая актриса старого кино Юлия Солнцева, я с трудом уговорил ее на встречу. Потом побежал в библиотеку, открыл толстенные энциклопедии, узнал все о ее жизни. Но, увы, интервью не состоялось. Юлия Солнцева, легенда кино, вдова Александра Довженко, одна из самых красивых советских актрис 1930-х годов утром отбыла из Кургана. Оказалось, курганская клиника не лечит прогрессирующую болезнь суставов, чем долгое время страдала моя героиня.

В 1988-м я собирался на учебу в Москву. Редактор курганского телевидения Наташа Круглова, узнав о поездке, посоветовала навестить Тамару Владимировну Иванову, вдову нашего земляка писателя Всеволода Иванова. «Она расскажет тебе о многом», — сказала Наташа. Встреча состоялась в Переделкино, и я записал ее рассказ на магнитофон. Для меня Тамара Владимировна Иванова была не менее интересной, чем ее знаменитый муж писатель Всеволод Иванов, с которым она прожила большую жизнь. Тамара Иванова сама была историей в советской литературе, многие знаменитые писатели, в том числе и Максим Горький, считали за честь дружить с ней.

Жизнь на радио — более 30 лет (!) — дала возможность встречаться с людьми, удивляться их необычной жизни. Многие интервью моих героев мне удалось сохранить, и я передал их в областной архив. Думаю, когда-нибудь, лет эдак через 10-15 и более кто-то из исследователей нашей прошлой жизни проявит к этим записям интерес. Голоса моих героев со всеми неповторимыми интонациями будут жить, рассказывать о моем времени. Значит, о нас не забудут.

2011 г.

Всеволод Ив́анов. Время и Литература

— Вас не оглушает мой громкий голос? Когда я была актрисой театра Мейерхольда, то меня хорошо слышали не только в зале, но и прохожие на Тверской...

Моей собеседнице 88 лет. Седые пышные волосы отливают синевой. Строгие глаза говорят не о старости, а о чем-то другом, возможно, о серьезной прожитой жизни. У нее длинные пальцы аристократки, никогда не носившей дорогих украшений. Она сохранила красоту, уважительна и строга, на нее хочется неотрывно смотреть и слушать. Так бывает, наверное, при встрече со знаменитостями. Она носит самую распространенную в стране фамилию — Ив́анова, но с ударением на вторую гласную: Тамара Владимировна Ив́анова, вдова одного из самых известных русских писателей советского периода Всеволода Ив́анова, автора знаменитого «Бронепоезда 14-69», многих нашумевших книг и философских размышлений о жизни, судьбах, о поколении. А ее поколение — это М. Горький, В. Мейерхольд, К. Федин, А. Фадеев, И. Бабель, Б. Пастернак и многие другие люди, оставившие яркий след в истории страны. Она дружила с ними и оставила о них воспоминания.

— Мы вместе с Всеволодом с 1927-го года, — рассказывает моя собеседница. — То, что было до 27-го года, я тому не свидетель. Мы прожили такое страшное время.

О Кургане Всеволод мне рассказывал немного. Он был наборщиком в типографии, мечтал о литературной деятельности. Много читал. В Кургане он написал первое письмо М. Горькому, вложив в конверт свой рассказ.

Но это было так далеко, Всеволод встретился на моем пути уже иным — слишком серьезным, страдающим и удивительно упорным. Вы понимаете, времена были такие страшные, что говорить о каких-то анекдотах не приходится. А скорее — об основных чертах характера Всеволода Ив́анова.

Он прежде всего интернационалист. До сих пор немногие сохранившиеся от нашего поколения писатели всех респуб-

лик считают его своим. Потому что для них все люди были равны. Это основное.

Не переносил антисемитизма категорически. После XX съезда, в тот период, который Эренбург окрестил «оттепелью», Всеволод согласился быть членом редколлегии «Литературной газеты». Как потом мне рассказывал Косолапов, заместитель главного редактора, редколлегия представляла собой сплошные споры между главным редактором Кочетовым и членом редколлегии Ивановым. Всеволод говорил, что он не пешка, чтобы подписывать своим именем материал, с которым он не согласен. Основное разногласие у них вышло по поводу альманаха «Литературная Москва». Это был альманах без редколлегии и без главного редактора, в создании которого участвовала группа писателей, таких, как Крон, Казакевич, Алигер. Остальных я не помню – это было содружество писателей, они хотели издать альманах без того, что тогда называлось госзаказом, и без редакторского нажима. В этом сборнике был напечатан рассказ «Рычаги» Яшина, там была прекрасная статья Крона о драматургии. Альманах подвергся страшной критике на страницах «Литературной газеты».

Всеволод Иванов написал письмо протеста, потом вышел из состава редколлегии и потребовал, чтобы причины выхода его из редколлегии были стенографически зафиксированы. Копия письма сохранилась, но опубликовано оно не было.

А много времени спустя, по-моему, после третьего съезда писателей, был прием в каком-то загородном помещении, где не было даже зала, а был раскинут громадный шатер. И в этом шатре поперек стоял стол президиума, за которым сидел Хрущев и все его сподвижники. Там был и «примкнувший к ним Шепилов». Это было любопытное мероприятие. До того, как всех пригласили под этот шатер усесться за столы, все прогуливались. Невдалеке был ручей, в который запустили форель. На одном берегу удил эту форель Паустовский. На другом берегу в некотором отдалении удил рыбу Шолохов. Они терпеть не могли друг друга. Со мной

под руку прогуливалась Фурцева. Всеволод Вячеславович беседовал с Молотовым. А потом, когда всех пригласили к столу, то Никита Сергеевич стал в прямом смысле издеваться над своими соратниками. Он был не в меру красноречив, лицо его выражало раздражение.

И тут разразился ливень. В это время под крышей шатра выступали артисты. Их выступление происходило под страшные удары грома. И вдруг произошло то, что никто не ожидал: дождевая вода полилась с края шатра прямо на президиум. Начался переполох. Переставляли столы. И тут Хрущев обрушился на Маргариту Алигер. А она тогда была еще молодая, такая маленькая и голос у нее детский. Алигер начала говорить, что она была октябренком, потом была пионеркой, затем комсомолкой, коммунисткой. А после нее выступил Леонид Соболев, который сказал примерно так: «Когда я читал альманах «Литературная Москва», то взглянул на себя в зеркало и увидел, что поседел от ужаса, что наша молодежь будет читать такое крамольное издание».

И тогда Никита Сергеевич произнес знаменитую речь. Он сказал, что за одного беспартийного Соболева не даст двадцать партийных Алигер! И, представьте, маленькая Маргарита выдержала, устояла, а большой Соболев грохнулся в обморок. Его вынесли на носилках.

– На третьем съезде писателей Всеволод Иванов, выступил с очень острой критикой. Кажется, это была первая речь, глубоко задевшая верхушки писательского союза.

– Да, он произнес пророческую речь. Он сказал, что в литературе появилось невероятное явление: парадные таланты и даже гении. И что самое удивительное. Их творчество измеряется не качеством литературы и мастерством, а высотой того кресла, на которое им удалось взобраться. И это вредно не только потому, что они наполняют рынок своими серыми, бездарными произведениями. Но это вредно потому, что это тормозит развитие литературного процесса, развращает молодых, делает из них амбициозных карьеристов, которые стремятся пробиться любой ценой к власти, показать, что,

взобравшись на какое-нибудь административное кресло, они будут иметь шанс напечататься.

Почему у нас нет молодых членов Союза? Потому что по Уставу, прежде чем подать заявление в Союз, надо иметь две опубликованные книги. А, как известно, у нас не изжит книжный голод. У нас не хватает типографий, а все типографии заняты той самой административной литературой, о которой, увы, пророчески говорил Всеволод Ив́анов, что в литературных кругах она называется «секретарской литературой».

— *Всеволод Ив́анов много помогал молодежи. Об этом вспоминали многие уже маститые писатели, отмечая его защитничество и стремление помочь.*

— Основными качествами характера Всеволода Ив́анова были принципиальность и стремление помочь именно молодым. Девять последних лет своей жизни он был председателем приемной комиссии в Союзе писателей и выпускной государственной комиссии. Он прочитывал все дипломные работы выпускников-студентов, кого забраковали оппоненты, и не жалел своего труда. При этом он никогда не получал за свою общественную работу никакой зарплаты, как получали ее прежние работники.

И что самое характерное: наибольшее количество его неопубликованных произведений, а таких на момент его смерти было невероятное количество, падает именно на тот период, когда после первого съезда писателей он был первым председателем правления Литфонда и секретарем Союза писателей СССР.

Когда я попадаю в какой-нибудь Дом творчества, я обязательно вижу молодых, которые мне говорят: я уже был зачислен на выгон из Литинститута, если бы не Всеволод Ив́анов! И какой-то молодой или молодые мне говорят: меня не приняли бы в Союз писателей, если бы не заступничество Всеволода Ив́анова.

Вот это для него характерно. За всю мою долгую жизнь, в которой мне очень повезло, потому что я была близка и

даже дружила со многими выдающимися людьми, такого, как Всеволод Ив́анов, я встретила одного.

Всю жизнь, исписывая невероятное количество бумаги, — у него был не черновик, а варианты, — он требовал от себя одного: высочайшего качества. Он записывал в дневник, что в такой стране, где был Чехов и Достоевский, быть плохим писателем непозволительно. Поэтому тот, кто взялся за литературный труд, обязан всю свою жизнь употребить на самоусовершенствование. И он, будучи, как он любил себя называть, интернационалистом, читал и впитывал в себя литературу многих республик.

— *О Всеволоде Вячеславовиче ходили легенды, что он имел блестящее образование. Его считали лучшим стилистом в литературе.*

— Когда в конце 1921 года Всеволод приехал в тогдашний Петроград и Горький ввел его в содружество «Серапионовых братьев», то М.М. Зощенко очень скоро его спросил: «Брось, Всеволод, валять дурака, а скажи прямо: какой университет ты окончил?».

На самом деле он закончил только четыре класса церковно-приходской школы. Но он всю жизнь не переставал учиться и был энциклопедически образован. Если на то пошло, он окончил не один университет, а много факультетов многих университетов. Столь разнообразными были его интересы. Он писал, что учение бесконечно, потому что жизнь меняется, предъявляет к человеку новые и новые требования. Если он перестанет учиться, то он впадет в порок самоуспокоенности. А писателю это категорически противопоказано. И он не только не переставал учиться, но не переставал совершенствовать свою душу. Потому что считал, что писатель обязан не только быть энциклопедически образованным. Он должен еще быть нравственно безукоризненным. Поэтому он изучал все философские системы, особенно те, что совершенствовали душу. Я всегда изумлялась его усилиям именно в этом отношении.

— Кроме литературы, что привлекало его — обыденное, жизненное?

— Он был замечательным охотником — бил птицу влет. Когда охотился вместе с Фадеевым, тот не скрывал, что умирает от зависти — он все время мажет, а Всеволод попадает.

В конце своей жизни Всеволод не только разрядил все свои ружья, но он отказался даже присутствовать на охоте. Он говорил, что убийство противопоказано душе человека.

— Вспоминал ли Всеволод Вячеславович Курган?

— Я не помню, чтобы он говорил о Кургане. Так, совсем немного. Может быть, от того, что вся его прошлая жизнь была для него единым географическим пунктом — юностью.

Но каждую осень Всеволод ездил в какие-то нехоженые места в нашей стране. Верхом по тайге, на резиновой лодке по порожистой реке по границе Китая. И все время хотел побывать на родине. Но так и не собрался. Видимо, от того не собрался, что слишком горькие были воспоминания с ней связанные. И подсознательно, хотя он каждый год говорил, что вот теперь я обязательно побываю в Павлодаре, в Кургане, в Лебяжьем, он так туда и не доехал.

— А что за история, связанная с его несостоявшимся расстрелом? Об этом вспоминал Сергей Есенин в беседе с Городецким.

— Это довольно трагическая история, происшедшая в Омске. При Колчаке Всеволод партизанил. А уже потом, когда белых разбили, Всеволод стал работать в типографии. И вот как-то пригласили его в соответствующий отдел и спросили: Всеволод Ив́анов? — Да, Всеволод Ив́анов. — Писатель? Он с гордостью ответил: конечно... А дальше — как снежный ком. Красные приговаривают его к расстрелу. За что? Оказывается, у Колчака был ближайший сотрудник, пресс-секретарь Всеволод Никанорович Иванов. Так вот этот однофамилец чуть не стал причиной страшного приговора. Ведут Всеволода на расстрел, а навстречу конвою — красногвардейский

командир. Он остановил конвой и спросил: «Куда?» Ему комиссар с шуткой ответил: «На Духонинскую ярмарку». «Как? — изумился командир, — моего красногвардейца, партизана и на расстрел! Отдай его мне под расписку...».

Вот так и закончилась эта черная история. Всеволод потом напишет, что именно с тех пор идет его дорога смертная. Его литературные враги мстят ему посмертно. Еще при жизни перестали его публиковать. Когда он умер, то неопубликованного у него было столько, сколько и опубликованного.

Мне очень многое удалось показать читателю. Но это еще далеко не все. После смерти Всеволода Вячеславовича его свели как к автору одного «Бронепоезда». Когда в 1984-м году вышло первое издание моей книги «Мои современники, какими я их знаю», я получила более пятисот писем читателей, в которых они мне писали: мы только из вашей книги узнали, что Всеволод Ив́анов написал так много. А думали, что он автор только «Бронепоезда».

И сейчас я могу сказать, что недостаточно книг Иванова выходит в издательствах, а те, что попадают на прилавок, раскупаются мгновенно...

Мы долго говорили в тот день с Тамарой Владимировной. О Всеволоде Ив́анове, его друзьях, о дружбе. Это был нелегкий разговор: острый, со старческими обидами. А у кого их нет! И подошли к имени, с которым семью Ивановых связывала дружба на протяжении более чем 30 лет — Борис Леонидович Пастернак.

Тамара Владимировна процитировала мне строчку из его стихотворения: «Но кто мы и откуда, когда от всех тех лет остались пересуды, а нас на свете нет». И заметила строго: пересудов не хочу, а о том, как мы дружили — все отзывается теплотой в сердце.

Мы вышли на прогулку. В морозном воздухе писательского городка чувствовался запах сосны. Мы бродили долго, и Тамара Владимировна говорила о многом. А потом, уже перед самым завершением прогулки, Тамара Владимировна

вскинула трость и указала ею на большой дом Пастернака: «Я вам сейчас покажу, где жил Борис Леонидович».

Мы зашли в заснеженный двор и по узкой тропинке прошли к дому. Два молодых человека, охранявшие строение, низко поклонились моей даме и уважительно распахнули двери: заходите, пожалуйста...

Впечатления были потрясающие. Мне показалось, что Борис Леонидович где-то здесь, вот-вот выйдет и пригласит в кабинет. Мы обошли комнаты, по узкой лестнице поднялись в овальный зал. Из большого окна в глубине сада хорошо был виден дом Ивановых.

— Мы были хорошими соседями. Ходили друг к другу, переговаривались через забор о каких-то новостях. Борис Леонидович даже читал у забора стихи. А сейчас... Все уже позади и от дома веет мрачной тишиной. Но недавно были «грозы» — дом Пастернака хотели уничтожить и даже сжечь. В доме, по требованию общественности, должен быть мемориальный музей. Но председатель Союза писателей СССР Георгий Марков не хотел этого. Он так и говорил: только через мой труп... По его приказу здесь был устроен погром. Дом поэта на моих глазах был разгромлен. Хотели сначала отдать его Чингизу Айтматову и для него делали ремонт: красили стены в неотразимый цвет. Но тот благоразумно отказался.

Только потом заключили договор с Литературным музеем. Теперь опозоренные стены этого мемориала охраняют по очереди сотрудники музея. У меня, как у свидетельницы этого мерзкого погрома, была громадная переписка со всеми министерствами, прокуратурами и так далее. Закончила я письмом к М. С. Горбачеву. Получила ответ не письменный, а устный. Мне позвонил некто Потемкин и сказал: «Я звоню вам из ЦК по поручению адресата. Им ваше письмо получено, и он наложил положительную резолюцию: открыть музей».

Сейчас мимо моего дома протоптана такая тропа. Идут к Борису Леонидовичу...

Москва, Переделькино

1982 г.

Гавриил Илизаров. Гений — великий и обидчивый

Нашему Кургану повезло на ярких людей, известных всей стране. И со всеми мы встречались лично, ехали к ним в гости, записывали для радио. Открытием для многих из нас стал выдающийся хирург Гавриил Абрамович Илизаров. Было время, когда его называли шарлатаном, хотя его методы лечения больных покоряли весь мир. Не всем светилам медицины нравился этот неприветливый на первый взгляд человек. Он устал от обид, от непонимания и не признания. Многие считали его «одиноким волком медицины». А он открыл новую страницу в мировой травматологии и ортопедии.

При жизни о нем ходили легенды. Говорили: знаменитый доктор не очень хотел, чтобы у него были ученики, так как он любил всё делать сам. Наменяли на особенность его характера: неулыбчив и неразговорчив. Действительно, он был особенным человеком — мало спал, редко когда использовал отпуск и подозрительно относился к тем, кто шел в науку с «пустым багажом».

В моих архивах сохранились высказывания о Гаврииле Абрамовиче Илизарове — великом чудеснике XX века. Его голос сохранили многочисленные магнитофонные записи, в записных книжках остались высказывания о нем, как о простом и самом лучшем человеке. Кто были его ученики? Молодые люди, с медицинским, а, порой, и техническим образованием. Они были талантливы и настойчивы. Общение с Учителем сделало из них больших людей. Они стали известными учеными, продолжателями его дела, руководителями крупных лабораторий. Через кафедру усовершенствования врачей при жизни Илизарова прошли тысячи специалистов. Сегодня они распространяют методы своего Учителя по всему миру.

Один из первых его учеников кандидат медицинских наук Валерий Сафонов вспомнил такой случай из давней институтской жизни.

— Мы были так молоды, о чем вспомнить без улыбки уже нельзя — горячи, стремительны и... очень музыкальны. После встреч с пациентами и трудных операций многим из нас хотелось быть ближе к музыке. Вот так мы с Сашей Бочановым создали вокально-инструментальную группу «Серебряные кольца» (кольца — это в честь знаменитого аппарата Илизарова!). Играли на довольно примитивных инструментах, из которых было трудно извлечь мелодию. Был у нас старый усилитель, который все время ломался. Вот так вечерами собирались, репетировали и всегда были недовольны игрой. А потом решили пойти к Гавриилу Абрамовичу. Пришли в его кабинет. Он принял нас по-отечески радушно: усадил в кресла, стал расспрашивать о жизни. А мы об одном — о музыке и о том, что нет хороших инструментов и другой аппаратуры. Гавриил Абрамович задумался, открыл свои бумаги, что-то поискал. А потом стал решительно набирать телефонный номер. Куда звонил — мы не знали. С кем говорил — не догадывались. Помнится, что он сказал в трубку такое: «Никогда бы вас не попросил об этом, знаю, что заботы у вас государственные». Мы напрягли слух, поняли, что там, на другом конце провода, какой-то то важный чин. Директор института, знаменитый хирург-травматолог просил оказать содействие в приобретении не медицинского оборудования, а музыкальных инструментов для института. Помнится, мы напугались и даже, кажется, сжались от напряжения. А вдруг тот важный чин отругает нашего директора, откажет ему! Но, судя по дальнейшему разговору, такого не произошло. Разговор был самым милым. Гавриил Абрамович постоянно произносил одно слово: «Спасибо... Спасибо... Большое спасибо». А потом положил телефонную трубку и сказал, как-то волнительно и немного заикаясь: «Ну, вот, обещал. Инструменты будут. Через неделю пришлют в порядке шефской помощи. Слышали? Я сказал — мои врачи хотят заниматься музыкой. Но помните — медицина прежде всего!..».

Вот так мы стали обладателями великолепных инструментов, а «Серебряные кольца» гремели по всему Кургану.

Уже позднее мы от нашего Учителя узнали, что в тот раз он говорил с министром культуры СССР. Вот так-то!..

Среди друзей Гавриила Абрамовича Илизарова было немало самых великих людей. С одними его сводили многочисленные поездки по миру, с другими он встречался как со своими пациентами. Кто-то находил его в Москве и считал за честь встретиться со знаменитым хирургом. Первым человеком, поверившим в талант Илизарова, был знаменитый музыкант Мстислав Ростропович. Этот неугомонный человек всегда кого-то спасал, спешил кому-то помочь. Вот так жизненная неуспокоенность и привела его в Курган. Тогда он привез на лечение к Илизарову своего учителя, композитора с мировым именем Дмитрия Дмитриевича Шостаковича.

Олимпийский чемпион в прыжках в высоту Валерий Брумель считал Илизарова своим спасителем. Известный путешественник и телеведущий Юрий Сенкевич привез Илизарову своего друга, с которым он плывал на лодке «Ра», итальянского путешественника и писателя Карло Маури. После лечения в курганской клинике Маури уехал домой здоровым, впервые без ортопедической обуви, и описал свое «курганское путешествие» в книге «Микеланджело ортопедии». Итальянские газеты взахлёб рассказывали о волшебнике из Кургана. Вот так началось стремительное продвижение илизаровского метода в Европу.

Рассказывают, как на Кубе произошла его встреча с Фиделем Кастро. Жаркая Гавана. Конгресс медиков. Илизарова уже предупреждают: сам Фидель хочет пожать вам руку. Доктор согласен: Фидель так Фидель... В назначенный час происходит их встреча. Кастро рад. Он говорит приятные слуху слова, жмет доктору руку и фотографируется на память.

В Курган на 60-летие Гавриила Абрамовича приезжали многие его друзья и бывшие недруги, когда-то не признававшие методы лечения Илизарова. Помнится выступление одного из его бывших оппонентов — главного специалиста Центрального института травматологии и ортопедии. При-

сутствующие в зале встретили его сначала с недоверием, а потом стали бурно аплодировать. Всем было понятно: непризнание Илизарова прошло. Теперь он уже не «шарлатан», как его когда-то называли, а крупный ученый, создатель мирового направления в медицине — чрескостного остеосинтеза.

Прошлое непризнание, газетная хула, доходившая порой до оскорбления, основательно попортила ему нервы. Может быть, поэтому он так легко обижался и, порой, мог долго таить обиду. Ленинскую премию в области медицины Илизарову, создавшему новое направление в мировой медицине, присудили в паре с хирургом-травматологом из Грузии А. Гудушаури. Илизаров кипел от негодования: «Не признавали — меня, душили — меня, ставили подножки — мне. И премию — напополам!» Я лично был свидетелем этого негодования, когда на утреннем заседании члены бюро горкома партии поздравляли Гавриила Абрамовича с высочайшей наградой. Секретарь горкома Владимир Ушаков успокаивал лауреата: «У вас впереди будет еще столько премий!» Так и случилось. В честь 60-летия Гавриилу Абрамовичу было присвоено звание «Герой Социалистического Труда». Но больше всего он ценил Международную детскую премию «Улыбка». Он столько детей поставил на ноги!

Министры и премьер-министры, космонавты и музыканты, артисты и самые невероятные по значимости люди — все хотели познакомиться с курганским кудесником. Многие из них встречались с ним у себя дома. А кто-то считал за честь встретиться со знаменитым хирургом в Кургане. Об этом говорят многочисленные фотодокументы в музее Российского научного центра «Восстановительная травматология и ортопедия» имени академика Г.А. Илизарова. Как жаль, что сам ученый рано ушел из жизни. Несомненно, что он еще не раз удивил бы мир новыми открытиями. Теперь дело академика Илизарова продолжают его ученики.

Дмитрий Шостакович. На фоне курганской жизни

Рядом со мной в моем небольшом городе жили удивительные люди. Нам хорошо было вместе: дружили, пили чай, а то и вино, размышляли о жизни, спорили и рисовали картину будущего. Их жизнь казалась мне фантастикой, ибо в ней было такое, о чем мне хотелось скорее рассказать всем.

С директором Курганской областной филармонии Валентиной Ароновной Шухман я познакомился сразу же, как только пришел на радио. Сначала были короткие встречи. Она любила рассказывать о репертуаре филармонии, о гостях, любезно представляла мне концертные программы.

Эти встречи переросли в дружбу. Валентина Ароновна звонила мне: «Приходите, есть новости». А новости эти порой выходили за рамки филармонии. Она прекрасно знала, чем живет эстрада, над чем работают художники и кто из высоких гостей собирается приехать в Курган. Как-то она поделилась со мной приятным сообщением: есть решение правительства о строительстве в Кургане новой филармонии. Потом я часто встречал В.А. Шухман в окружении московских архитекторов — в числе других она принимала проект нового здания, вносила изменения, что-то предлагала. Когда началось строительство филармонии, Валентину Ароновну можно было часто видеть на строительных планерках.

В свое беломраморное детище, которое стало украшением Кургана, она вложила немало сил. К нам зачастили самые известные артисты — в лучшую филармонию!

Помню, очень давно у нас зашел разговор о Дмитрие Дмитриевиче Шостаковиче и о лечении его в клинике Г.А. Илизарова. Валентина Ароновна как-то просто заметила: «С Шостаковичем я дружила». Тогда об этом был непродолжительный разговор и многое забылось.

В 90-ю годовщину со дня рождения композитора я попросил ее более подробно рассказать о тех незабываемых

встречах. Сначала мы пили чай. Сухой шоколадный торт показался нам необыкновенно вкусным. А потом я включил магнитофон.

– Я проработала в филармонии много лет – больше 25 и, конечно, за это время я познакомилась с огромным количеством великолепных людей, музыкантов-исполнителей.

Но самым главным событием моей жизни было знакомство с Дмитрием Дмитриевичем Шостаковичем.

– В Курган Дмитрий Дмитриевич приехал лечиться к доктору Илизарову?

– У Дмитрия Дмитриевича, во-первых, очень плохо действовала правая рука. А он пианист, кроме того, что он великий композитор. Ноги плохо ходили. У него была болезнь, которую в народе называют «атрофия мышц». И болезнь прогрессировала.

Он узнал, что где-то за Уралом, в Кургане есть доктор Илизаров. А Илизарова тогда еще только-только стали признавать. В то время он руководил филиалом Ленинградского института травматологии и ортопедии имени Вредена. И Дмитрий Дмитриевич был уверен, что в Кургане ему помогут.

На эту тему со мной разговаривал в Министерстве культуры Александр Александрович Тищенко – он работал в управлении музыки. Потом к секретарю обкома партии П.А. Матвееву с письмом-просьбой обратился поэт Евгений Долматовский и попросил того помочь Шостаковичу в лечении.

Такое же письмо от Шостаковича получила и я. Таким образом, все было готово для того, чтобы пригласить сюда композитора. Илизаров дал согласие: он возьмет этого больного, хотя, сказал он, это не его профиль.

Видимо, болезнь очень донимала композитора – иначе бы Дмитрий Дмитриевич не смог решиться ехать в Сибирь, в далекий и незнакомый Курган.

И вот здесь взялся за дело Слава Ростропович. Я его так называю потому, что он, в первый приезд к нам в Курган,

сразу мне сказал: «Валя, никаких отчеств. Зови меня просто Слава!». И это продолжалось все время.

Ростропович был в Ленинграде, там он разыскал на симпозиуме Илизарова. Было решено: привезти в Курган Шостаковича.

Слава вызвался сам сопровождать Дмитрия Дмитриевича и дать в Кургане шефский концерт. Я была в командировке. И когда приехала, то оказалось, что все билеты на концерт Ростроповича розданы партактиву, а поэтому никакие любители музыки не могли попасть на его концерт. Тогда я позвонила Ростроповичу и договорилась, что он даст открытый концерт для любителей музыки.

25 февраля 1970 года поздно вечером мы встречали в аэропорту Шостаковичей. Ростропович прилетел с концертмейстером Аминтаевой, а Дмитрий Дмитриевич со своей женой Ириной Антоновной, очень скромной женщиной.

Гости просили: пожалуйста, встречайте нас скромнее, не надо шумихи – без телевидения и газетчиков. Но избежать журналистов не удалось. Когда вышел Дмитрий Дмитриевич из самолета, засверкали блицы, зажглись юпитеры. Потом сюжет два раза показывали по Курганскому телевидению.

Дмитрию Дмитриевичу помогли сойти по трапу. Шостаковичи направились в гостиницу «Москва», где жили несколько дней, потому что не готова была палата у Илизарова.

Дмитрий Дмитриевич, действительно, очень болел. Я даже не представляла! Когда утром я пришла в гостиницу, он сидел такой больной! Он сказал: «Валентина Ароновна, извините, не могу у вас принять пальто». Я ему: «Что Вы, Дмитрий Дмитриевич!» – и сама повесила пальто. Он даже пуговицу на пальто застегнуть не мог – так болели руки. И, конечно, большое счастье, что рядом с ним всегда находилась Ирина Антоновна, которая прошла с ним все годы его тяжелой болезни. Она научилась водить машину, возила Дмитрия Дмитриевича на дачу и с дачи, отвозила документы, все-все делала лично сама.

Через несколько дней в клинике доктора Илизарова была готова комната, Слава Ростропович в этом принимал участие. Линолеум не могли достать — он нашел.

Интересный факт: наше УВД (тогда начальником милицейского ведомства был Кожухов) получило команду из Москвы от министра внутренних дел СССР Щелокова: помогите Шостаковичу всем, чем можете! Тот был соседом Ростроповича по даче. И милиция оказывала большое внимание Дмитрию Дмитриевичу, пока он выздоравливал в Кургане.

Через несколько дней Шостаковичи переехали в клинику. Тогда была 2-я городская больница, сам же центр Илизарова еще строился. И Дмитрий Дмитриевич во все три приезда жил в этой комнате.

В то время гостивший в Кургане Ростропович решил привлечь внимание общественности к Шостаковичу. В знак благодарности Слава провел столько встреч! Он встречался и в милиции, и в музыкальном училище, и в институте. В филармонии состоялась встреча с Ростроповичем, на которой присутствовали музыкальная общественность и работники культуры. Он не повторялся — такой оратор блестящий! А уж виолончель его была божественна.

И вот Илизаров начал лечить Дмитрия Дмитриевича. Он построил ему «шведскую стенку» в его комнате, поставил ступеньки (во время болезни Дмитрий Дмитриевич едва поднимался по ступенькам). Нашли автобус и на нем даже ездили на прогулки. Дмитрий Дмитриевич осторожно заходил и опускался по ступенькам. Гавриил Абрамович учил своего знаменитого пациента ходить по всем законам медицины. Дмитрий Дмитриевич имел привычку держать руки за спиной, а это очень искривляло походку. Гавриил Абрамович много с ним работал и учил его ходить так, чтобы мышцы работали — все для результата! У Гавриила Абрамовича, знаете, был дар внушения больному, этот дар он использовал во благо здоровья...

Во всяком случае Дмитрий Дмитриевич стал выходить из тяжелого состояния. Когда он лучше стал себя чувствовать,

мы привезли ему пианино. По вечерам в кабинете Илизарова он музицировал.

Лечение помогало. К маю Дмитрий Дмитриевич уже свободно играл! Когда в Курган приехал сын Максим, тот был изумлен результатами лечения. Дмитрий Дмитриевич даже в больнице дал концерт для сотрудников и больных.

Конечно же, Дмитрий Дмитриевич был очень занят — с семи часов утра и до позднего вечера. Он много ходил, лечился и, кроме того, слушал музыку. Я удивлялась. Дмитрий Дмитриевич всю музыку — Бетховена, Шопена и Шумана, всех — изучал в консерватории и слушал тысячи раз на концертах. И тем не менее слушал вновь и вновь. Ирина Антоновна купила проигрыватель. У нас тогда был прекрасный музыкальный магазин, купила много пластинок самых выдающихся исполнителей. И когда Шостаковичи уезжали в последний раз в Ленинград, то подарили мне этот проигрыватель и много пластинок.

— А где же сейчас этот проигрыватель?

— Дома. И пластинки эти есть. Самые различные исполнители: Ойстрах, Рихтер, Нейгауз. Потрясающие имена! Симфонии — это Кондрашин, Рождественский, Светланов. Самая высокая музыка! Дмитрий Дмитриевич все это слушал и вместе с тем работал над музыкой к кинофильму «Король Лир» Козинцева.

— То есть, эта музыка рождалась в Кургане?

— Да, в Кургане.

— В ней столько страсти, переживаний!

— Что вы! Дмитрий Дмитриевич был же автором музыки к «Гамлету». А «Король Лир» — это совсем другая музыка. И он из Кургана много разговаривал по телефону с Козинцевым и писал ему.

Кстати, несмотря на то, что у Дмитрия Дмитриевича были такие больные руки, он очень много писал. Отсюда он отправлял письма Мариэтте Шагинян. Они были опубликованы в «Новом мире». Конечно, Дмитрию Дмитриевичу было тяжело. Он же не привык к такому ритму жизни, какой был дома.

– Рассказывал ли Шостакович о своей жизни?

– О его жизни я знала почти все – об успехах и переживаниях. Но однажды Дмитрий Дмитриевич сказал мне о том, как важно не терять присутствие духа – ни при каких обстоятельствах! И вспомнил о своей давней опере «Леди Макбет», которая в 1934 году была поставлена в Большом театре. «Леди Макбет» имела огромный успех. Опера нравилась руководителям культуры. Ее особенно хвалил Максим Горький. Но вот после посещения спектакля Сталиным началось невообразимое. В «Правде» вышла разгромная статья «Сумбур вместо музыки». В ней Шостаковича пытались обвинить в том, что тот потакает извращенным буржуазным вкусам. Ясно, опера не понравилась Сталину. Ее сняли из репертуара. Спас Горький – он выступил в защиту Шостаковича. Кажется, в следующем году было исполнено великолепное произведение – Пятая симфония. По-существу, она реабилитировала композитора. «Все в жизни меняется. И чаще от худшего к лучшему. Важно не падать духом», – сказал мне тогда Дмитрий Дмитриевич. Он имел ввиду не обстоятельства болезни и выздоровления.

– С какими просьбами Дмитрий Дмитриевич обращался к вам?

– Никогда, никаких просьб! Он был настолько деликатен. И Ирина Антоновна такая же скромнейшая. Она сама ездила на рынок, а ведь с продуктами было не ахти как. Им, правда, высылали посылки из Москвы один или два раза. Ирина Антоновна сама вылетала на 2-3 дня в Москву, чтобы привезти что-то.

– Чем любил полакомиться великий музыкант?

– Что-нибудь печеное. Я когда могла, старалась что-то привезти. И видела, с каким удовольствием Дмитрий Дмитриевич ел. Ирина Шостакович рассказывала о его особой любви к пельменям. Может быть, потому, что его родители из Сибири. Дмитрий Дмитриевич любил сам готовить пельмени из различных видов мяса.

Мы много ездили в лес. Он очень радовался общению с природой. Иногда давал мне незначительные поручения. Как-то он мне позвонил и попросил дать телеграмму в Вашингтон, поздравить Рихтера, который был там на гастролях. А так Шостаковичи старались все делать сами.

– А сколько же лет было тогда Дмитрию Дмитриевичу?

– Он с 1906 года. В 1970-м году ему было 64, а Ирине Антоновне значительно меньше. В письмах своему другу Дмитрий Дмитриевич писал о том, что его Ирина такая прекрасная, изумительная, но один недостаток – слишком молода! Думаю, Бог ему послал такую женщину!

В лесу, когда мы гуляли, он рассказывал мне о своих давних встречах – он встречался с Анной Ахматовой в Комарово. О Михаиле Зощенко, которого он глубоко уважал. Дмитрий Дмитриевич рассказывал о том времени, когда они были в эвакуации. Это было тяжелое время для него. Вместе с ним в эвакуации находился Иван Козловский – знаменитого певца военные вывезли из Москвы вместе с мебелью и прочим имуществом. У него там была прекрасная квартира, где всегда очень вкусно кормили. И Дмитрий Дмитриевич говорил мне, что грешным делом с удовольствием ходил туда, чтобы поесть.

Дмитрий Дмитриевич с сожалением рассказывал о том времени, когда его очень сильно и, на его взгляд, несправедливо били. Он еще говорил так: несмотря на это, всегда был счастливым человеком, потому что все его произведения были исполнены при его жизни Мравинским, Ростроповичем, Ойстрахом, Рихтером, другими мастерами. А ведь написал он более ста произведений! И вместе с этим был земным и простым. Он любил когда и рюмочку выпить. Я помню, один из руководителей области Николай Николаевич Брызгин лежал вместе с ним в клинике Илизарова со сломанной ногой, то вечерами они играли в карты. А чем еще заниматься вечером! Ему ничто человеческое не было чуждо.

Он был всегда приветлив. Первый его вопрос: как вы себя чувствуете? Как будто бы не он болен, а я.

— Сколько раз композитор приезжал в Курган?

— Три раза. В общей сложности шесть месяцев.

— Лечение в Кургане помогло Дмитрию Дмитриевичу?

— Конечно, помогло! В последний раз Шостаковичи были в Кургане в мае-июне 1971 года. Он был в прекрасной форме! Здесь он смог написать 15-ю симфонию. А вот когда в сентябре вернулся домой — было холодно. У них в квартире не топили. Дмитрий Дмитриевич простудился, на фоне простуды случился второй инфаркт. Встречалась с ним в Ленинграде несколько раз, и Шостакович меня приглашал на концерты в консерваторию. Там исполнялись его симфония и другие произведения. А в Малом зале звучали его квартеты. Он написал в то время 14-й квартет. Конечно, ему трудно было подниматься по лестнице. Но, во всяком случае, это был не тот человек, который приехал в феврале 1970-го к нам в Курган. Он был в лучшей форме!

После первого лечения, когда Дмитрий Дмитриевич уехал к себе в Ленинград, я приехала в этот город. Шостаковичи знали о моем приезде и пригласили меня к себе в Репино. Я приехала. Дмитрий Дмитриевич был в приятном состоянии.

У них гостил давний друг Дмитрия Дмитриевича по консерватории И. Гликман. Дмитрий Дмитриевич шутил, был весел, а потом, глядя на меня, сказал Гликману: «Эта моя курганская хранильница...». Он так ласково посмотрел на меня. А я ему тогда так сказала: «Вас хранил весь наш Курган...».

1989 г.

Мстислав Ростропович — земной и вечный

Со знаменитым виолончелистом и дирижером Мстиславом Ростроповичем жизнь сводила меня дважды. Встреча в декабре 2000 года была последней, о чем я глубоко сожалел. Ведь он прожил еще немало, обещал вернуться, но в череде многочисленных концертов по всему миру, к сожалению, не нашел времени навестить Курган. Он по-своему любил наш город и всегда признавался в этом. Здесь у него было немало друзей из числа преподавателей музыки и музыкантов. В свой последний приезд в Курган Мстислав Леопольдович так сказал о нашем городе: «Курган — это город надежд». Конечно же, музыкант имел в виду нашего доктора Илизарова, к которому с надеждами на выздоровление ехали люди со всех концов мира.

Первый приезд Ростроповича в Курган в 1970-м был связан с болезнью его учителя Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. О себе он рассказывал мне весело, смеялся и шутил. Говорил быстро, то на полутонах, то неожиданно громко.

— Надо было помочь Шостаковичу. У него болели руки, болезнь прогрессировала. Ему было очень тяжело. Пытаюсь дозвониться до Илизарова. Он был в Ленинграде на конгрессе ортопедов-травматологов. Я сидел в квартире и ждал звонка. И мы в первый раз услышали голос друг друга. Договорились на следующий день встретиться в Москве. Илизаров сказал мне: «Я завтра буду в Москве и поговорим о лечении Шостаковича. Но как мы встретимся?» Я ответил, что буду ждать его на вокзале у головного вагона. Он говорит: «А как я узнаю вас?». На что я ответил Илизарову: «Вы знаете, я очень похож... на обезьяну». Илизаров как-то смутился, что-то, заикаясь, произнес и согласился встретиться. Потом я позвонил Шостаковичу и спросил, видел ли он когда-нибудь на фотографии лицо Илизарова? Дмитрий Дмитриевич подумал-подумал и сказал: «Вылитый Сталин. Вылитый...». И вот я стою с идиотским выражением лица на вокзале. На мне короткая рыжая шубка — чем не обезьяна! И вижу:

навстречу мне идет «Иосиф Виссарионович». Я воспитанный человек, поэтому не бросился к нему с объятиями, мол, узнал. А он сразу же: «А-а, вот это вы!». Я потом ему сказал: «Ну, Гаврила, я тебе никогда этого не прощу. Я сказал, что похож на обезьяну, и ты как будто узнал!» Я ему об этом частенько напоминал, и мы всегда от души смеялись. Вот так я привез ему первого знаменитого больного. И потом на субботнике своими руками строил илизаровский корпус.

— Как это случилось? Неужели собственными руками кирпичик к кирпичику!

— Это была удивительная история. Я приехал в Курган навестить Шостаковича вместе с оркестром свердловской филармонии под руководством Павермана. Была пятница. Когда мы ехали по дороге повсюду были плакаты «Все на ленинский субботник!» Вот что! Я приехал в Курган и пошел к самому главному начальнику (тогда еще Солженицын у меня не жил, и я был в фаворе!). Говорю ему: «Завтра мы с оркестром приедем на субботник, будем работать на законсервированном здании илизаровского центра. Дайте нам 200 пар рукавиц, кирпич, раствор, дайте нам крановщика!». А он — мне: «Где же я возьму все это!» Я ему в ответ: «В Москве я скажу, что вы сорвали мне субботник!». Этот начальник гнал всю ночь грузовик кирпича...

Это был единственный дом, который я строил в своей жизни! У меня потом неделю болела спина — не мог согнуться!

Мстислав Ростропович любил шутить над собой. Помоему, это важная черта многих гениальных людей. Вот он смеется:

— С утра, пока моя Галина (Вишневская, супруга музыканта. — В.А.) не выпила чашечку кофе, к ней лучше не подходить. Рано утром я прилетел в Петербург, спешу домой и радостный направляюсь в ее спальню. Говорю ей: «Галя, мне 70 лет, я три ночи не спал, а чувствую себя молодым!» Она недовольно посмотрела меня и произнесла: «Всему миру, кроме тебя известно, что ты абсолютный кретин!..»

При этом Мстислав Ростропович смеялся как ребенок. Таким нас запечатлел фотограф: нам обоим весело.

Журналисты не раз задавали ему такой вопрос: как начиналась его предмузыкантская юность?

— Во время эвакуации в Оренбурге я потерял отца. Мне было 14 лет. Потом поехал в Московскую консерваторию. Поступил. Жилось трудно. Приходилось подрабатывать. Я работал в Доме архитектора, делал рамки, окантовывал картины. За это получал рабочую карточку. А потом жизнь стала отлаживаться. Но я всегда жил надеждами. Бетховен сказал: «Если я не вижу ничего в прошлом, я думаю о настоящем. Если ничего хорошего не вижу в настоящем, — думаю о будущем». Поэтому я советую всем всегда думать о будущем.

В истории с Солженицыным Мстислав Леопольдович проявил себя настоящим человеком, не напугавшимся угроз власти.

— Я вошел в кабинет к Фурцевой (тогда министр культуры. — В.А.) Она расплакалась. Я эти слезы никогда не забуду! Она мне сразу сказала: «Что вы делаете, Слава! Что вы творите! Немедленно выгоняйте Солженицына с дачи!». Я ей сказал: «Что вы! Никогда в жизни! Я собаку не выгоню, а человека тем более!».

Тогда я думал: жизнь кончена. За два дня до моего выгона из страны я все-таки по секрету от Вишневской встретился с моим соседом по даче Кириллиным, он был заместителем Косыгина. Я ему сказал:

— Передай Косыгину, правительству, что я готов отсидеть в тюрьме столько, на сколько вы меня посадите — если вы считаете меня виноватым. Но после этого дайте мне заниматься музыкой.

А в это время мои концерты отменили, гастрольные поездки отменили.

— Дайте возможность, я без музыки жить не могу.

Кириллин за день до отъезда меня вызвал на улицу, за участок, и сказал:

– Я говорил. Уже поздно. Уезжай...

Выгнали. Думал: все – конец моей жизни наступил. А сейчас я могу сказать, что тогда наступила новая эра моей жизни, которая дала возможность путем музыки, общения с людьми вызвать симпатию к русским людям. Потому что я русский человек!

... Когда после долгой жизни на чужбине Ростропович возвратился домой, одним из первых, встретивших его в нашей стране, был его друг Гавриил Илизаров.

Ростропович всегда верил в Россию. На моем магнитофоне сохранились последние строки того самого интервью – веселого, грустного и оптимистического:

– Россия будет самой великой, процветающей страной.

2001 г.

Клара Румянова.

Ее голосом говорили птицы и звери

Несколько лет назад в Москве скончалась популярная актриса Клара Румянова. Лишь в «Комсомолке» промелькнула короткая информация о кончине актрисы и где-то еще в газетах – скупое и непонятное. Прозвучали такие слова: золотой голос мировой мультипликации, талантливая и неповторимая. Такое я уже слышал не раз. А вот какой она была в жизни, как ее воспринимали современники и чем она была для нашей российской культуры? Может быть, об этом хотелось услышать тогда, когда на Донском кладбище недалеко от могилы ее матери упокоилась душа Клары Михайловны Румяновой.

Для меня весть о ее кончине была горька. Я не раз бывал у нее в гостях, бережно хранил письма ее и мамы, актрисы Анны Петровны. Что вспомнилось мне о нашей короткой дружбе и прежде всего о том, как мы познакомились?

В начале 1970-х я получил письмо из Москвы. Большие буквы на конверте: «Курган, радио, звукорежиссеру Вячеславу Оганезову». Человек, писавший это послание, явно со мной был не знаком: звукорежиссером я не был, в написании фамилии ошибка. Да, бог с ним. А что же в самом письме, кто его написал?

Все оказалось просто и одновременно интригующе. Актриса Московского театра киноактера Клара Румянова написала мне о том, что на студии грамзаписи «Мелодия» готовится к выпуску пластинка поэтических сказок курганского поэта Леонида Куликова, читать которые доверили ей. В письме – сплошные восторги: язык сказки превосходный, уральская напевность, с детства знакомый ей наш зауральский говорок. Она хочет прочитать сказки именно такой языковой интонацией, какая запомнилась ей в нашем крае в 1941-м году.

Так вот оказывается что! Клара Румянова в военные годы жила недалеко от Шадринска, в селе Большая Погорелка!

Жила в большом коллективе дома детей военнослужащих, который вывезла из Украины под бомбежками и обстрелом ее мама — Анна Петровна Румянова. В первый раз девчонкой вышла на сцену в городе Шадринске. Первая любовь со всеми переживаниями — в Шадринске. Вот так — почти земляки!

Завязалась переписка. Клару Михайловну интересовало все: как живет ее родной Шадринский район, часто ли я бываю в Шадринске, какие виды на урожай, какие надои молока и как живет ее родное село. Столько вопросов! И в каждом письме было непременно: будете в Москве, обязательно к нам в гости.

И вот я в Москве. Волнуясь, набираю номер телефона Клары. Голос, доносившийся из трубки, сразу очаровал меня. В нем особая мелодика, которой обладают только лишь артисты. «Славочка, вы приезжайте на Мосфильмовскую. Это совсем рядом с нашей киностудией. Направо переулок и — первый дом, где мы живем. Смелее...». Видимо, она почувствовала застенчивость в моем голосе. А ее уверенное требование — «смелее» — рождало во мне самые невероятные ассоциации. «Сколько же ей лет? — думал я. — Наверное, за сорок — молода еще! А как я войду в дом, что скажу и что изображу на лице при встрече — независимость (вот, мол, какой я из Кургана!), гордость (а что, я из Кургана — и ничего себе парень!)? А может быть, надо будет поцеловать ее ручку — кажется, так надо вести себя при встрече с дамой?». Какой я глупый провинциальный молодой человек, — смешной и наивный! Кларочка (я потом всегда называл ее так) открыла мне дверь — совершенно молодая и красивая, в светло-коричневом брючном костюме, похожая на 20-летнюю девушку. Мое сердце так забилося! Через минуту я был представлен маме, заботливо проведен на кухню, где уже в честь меня был подготовлен королевский ужин: цыпленок «табака» с распростертыми лапками под гранатовым соусом, бутылочка красного вина и фрукты. Я долго не мог подобраться к цыпленку, судорожно вспоминая о том, как бы

покультурнее его распотрошить. И только Анна Петровна ласково, почти по-матерински подсказала мне: кушайте как вам удобно...

Мы проговорили почти до ночи. Они вспоминали о далеких годах жизни в Шадринском районе, а я все разговоры записывал на свой магнитофон «Репортер».

— Когда мы приехали с детьми в Погорелку, все село заботилось о нас, — вспоминала Анна Петровна. — Жители несли нам то, в чем дети особенно нуждались: матрацы, перины, подушки, одеяла, вязаные варежки и носочки. Кто-то нес картофель, морковь, а кто-то баловал нас свежей выпечкой. Это были трудные годы. С фронта доносились тревожные сводки: где-то отступали, где-то с тяжелыми боями шли вперед. Детишки ждали письма из дома, плакали. А когда такая весточка с родины неожиданно приходила, то ее обсуждали всем детским коллективом. Были часто и горькие письма: отец погиб на фронте. А были и такие: немцы уничтожили все село и ребенок остался круглым сиротой. Всех надо было душевно согреть... За два года, что детский дом находился в Погорелке, мы не потеряли ни одного маленького человечка. Болели, выздоравливали и снова болели.

А Кларочка вспоминала свою историю. Ей было тогда 12 лет. Она была старшей помощницей мамы, могла заниматься с детьми, устраивала концерты и не раз выезжала с малышами в соседний Шадринск.

— Мы выступали в госпитале перед ранеными бойцами. Я пела, и мой голос очень нравился всем. Помню, как один офицер погладил своей перебинтованной рукой мою голову и со слезами на глазах сказал: как похожа на мою дочку. Я заплакала и тоже вспомнила о своем отце, который тоже был на фронте. Мы с мамой не дождались его — погиб... В Шадринске я была часто. Это был маленький уральский городок — небольшие домики были уютными и смотрелись как со сказочных картинок. Я на всю жизнь запомнила шадринскую речь, слегка окающий говорок, какой-то особенный.

Уже потом, когда я стала актрисой, я не раз использовала тот уральский говор в своих спектаклях. Когда мне доверили читать сказки вашего поэта Леонида Ивановича Куликова, я связалась с ним по телефону и попросила разрешения прочитать его сказки именно тем языком, который я впитала в себя в далекой шадринской жизни...

В кино Клара снималась мало. Всего лишь несколько фильмов: «Сельский врач», «Воскресение», «Двенадцать стульев». Да и в тех, на мой взгляд, она сыграла небольшие роли, которые, как мне казалось, не подходили к ее характеру — очень энергичному, порой, взрывному. Я как-то спросил ее об этом. «То, что мне предлагают в кино — не нравится. А в хорошем фильме сниматься не предлагают», — такой был ее ответ. Тогда по Центральному телевидению показывали сериал «Вечный зов». Вот в этом фильме она бы хотела сняться. Просила — не предложили.

— У меня не простой характер. Если что-то не нравится, — скажу в глаза. Поэтому не всегда складываются тесные отношения с режиссерами. Свое мнение о жизни я никогда не скрываю. А это многим не нравится.

В составе группы «Товарищ Кино» ей приходилось много ездить по стране. При встречах со зрителями она не только пела и рассказывала о кино. Она могла с горчинкой сказать о жизни, критично заметить о том, что ей не нравится. Это не входило в планы Театра киноактера. Ее предупреждали и даже отстраняли от поездок по стране. Мы с Кларочкой переписывались. Приезжая в столицу, я спешил к ней в гости. Румяновы всегда были рады. Беседы на кухне кончались далеко за полночь. Клара приглашала меня в свой театр, и я, сломя голову, бежал на очередной спектакль, в котором она была занята. Я следил за ее творчеством по отечественным фильмам и мультфильмам, иногда мог видеть ее в телевизионных программах. Фильм «Ну, погоди!» мог смотреть часами — там был ее голос. Спустя годы именно этот голос в мировой мультипликации американцы признали лучшим голосом планеты! А потом те встречи прекратились. Кларочка ненадолго

вышла замуж, и я уже понимал, что мои посещения могут не понравиться ее мужу. Впрочем, спустя годы думается иначе. Конечно же, надо было позвонить, а может быть и прийти, ибо для нее и для ее мамы я был «ветерком», залетевшим из их родного Зауралья. Именно так она как-то мне сказала.

Мой товарищ историк кино Сергей Алексеев встречался с ней в Москве на кинофестивале, брал у нее интервью для молодежного телевидения.

— Вспоминала ли она меня? — спросил тогда я Сергея. И в услышал в ответ: нет... Значит, забыла. А, может быть, ей было просто не до меня. Времена те были для нее трудными. В 1990-м году ушла из жизни Анна Петровна — ее мама, единственно близкий ей человек. Клара сразу оказалась одна. А потом развалилась страна, развалилась российская киноиндустрия, закрылся театр Киноактера, и Клара Румянова, как и многие звезды бывшего советского кино, оказалась за бортом жизни. Кларе Румяновой жилось очень трудно. Она сказала кому-то из журналистов: «Я не могу радоваться жизни — нет страны и мамы моей тоже нет...».

Озвучивать мультяшки ее, самую знаменитую актрису мировой мультипликации, уже не звали. Все, что показывали для детей из рисованных и кукольных фильмов, она считала ерундой. А озвученные ею мультфильмы жили уже за границей и разговаривали на английском. Она, подарившая стране волшебные сказки, осталась совершенно никому не нужной с пенсией в полторы тысячи рублей. Но и в такой ситуации Клара не сдавалась: вела исторические исследования о российских женщинах-героях, сотрудничала с издательством «Самовар», в лучших студиях записывала на магнитофонные кассеты стихи Чуковского, Маршака, Барто, работала над радиоспектаклями.

Ее любимым праздником был день 9 мая. Кларочка шла к могиле Неизвестного солдата и в память о погибшем на войне отце — боевом комиссаре Румянове — возлагала цветы. Она вспоминала прошлое, считая то время самым золотым.

Нина Высоцкая. Жила памятью о сыне

Еще одна встреча в Москве. В марте 1982-го года судьба привела меня на Малую Грузинскую, 28. Было это так. Я приехал в столицу по пути из Ленинграда, где участвовал в семинаре репортеров. Мой друг, московский журналист Феликс Медведев сказал: «Сегодня вечером иду на квартиру Высоцкого, к его маме. Хочешь, возьму и тебя».

Неожиданно-негаданная встреча с мамой Владимира Высоцкого поразила меня. Простая и сердечная — она сразу же угостила нас клюквенным морсом, а потом напоила чаем. И поделилась новостью: «Сегодня на правлении кооператива меня утвердили хозяйкой Володиной квартиры».

Это была первая моя встреча с мамой Высоцкого. Не каждому она открывала двери квартиры сына — только самым верным его друзьям. После смерти бывали здесь Алла Демидова, Валерий Золотухин, кто-то еще из таганского театрального гнезда. Признаюсь: в тот вечер меня одолевали чисто обывательские интересы. Я подавлял в себе желание быть любопытно-назойливым и старался спокойнее воспринимать дом бунтаря моей эпохи.

Нина Максимовна показала рукописи его стихотворений, открыла альбомы, где на фотографиях был запечатлен её сын, да и она сама на фоне старого Парижа. «Вот это я у Марины Влади. А это я, в красном берете — в Париже на первомайской демонстрации...».

Что было в душе у нее — я и не догадывался. Казалось, разлука с сыном сделала её сильнее. Она не смахивала слёзы, голос её не дрожал. Но потом, в кабинете Владимира Семеновича, она неожиданно взяла в руки каску, подаренную ему на одной из встреч строителями, и прижала ее к щеке: «Володя надевал её и всегда подшучивал над собой — как я в ней, нравлюсь?».

И вновь мы смотрели пожелтевшие фотографии, где Володя совсем мальчишка — в перекроенном военном ки-

теле и брюках-галифе, старше — в студенчестве, в модном клетчатом пиджаке.

В тот вечер мы запозднились. Нине Максимовне была приятна наша компания. С Феликсом её связывала совместная работа над архивом Высоцкого. А я для неё был гостем из Сибири. Она призналась: «Володя уважал сибиряков». Мы прошли по всем комнатам большой квартиры. Заглянули в недостроенную комнатку-сауну, которую он так мечтал иметь. Зашли в спальню, где на подиуме стояла большая кровать — на ней он провел последние часы жизни. На покрывале лежала засохшая роза. Рядом сиротливо прислонилась к стене гитара с двумя грифами. В кабинете увидел его библиотеку, которую Высоцкому помогал собирать мой московский друг. Последнее приобретение — 4-х томный словарь Даля.

Сколько потом было таких встреч с мамой Владимира Семеновича! И каждая из них была чем-то особенной. Я ехал в столицу и обязательно звонил Нине Максимовне. Она приглашала меня совершить почти ежедневный для нее ритуал — ближе к вечеру на Ваганьковское, на могилу сына. Вместе с ней частенько была добровольная помощница — учительница одной из московских школ. Мы наводили на могиле порядок: разбирали цветы, благо, их было так много: ярко — красные розы и гвоздики, тюльпаны, другие цветы. Было ощущение невероятного людского поклонения. Цветы в огромном количестве несли на могилу поклонники Владимира Семеновича. Каждый вечер — гора цветов! К утру цветы таинственно исчезали. Куда? Говорили: в распоряжение цветочных продавцов, вновь — по второму кругу.

С Ниной Максимовной мы говорили о многом. О тех днях, когда Володя родился, о том, как радовалась она удачам сына и переживала его невзгоды. С таким хрипловатым громким голосом, — вспоминала Нина Максимовна, — Володя родился. Когда услышала его первый плач, удивилась необычному детскому тембру. Голос с годами мужал, изменялся, но хрипотца оставалась.

Откуда в нем было такое точное познание войны, которое оставило отпечаток на его песнях? Кто-то даже считал, что автор песен — человек, воевавший на Великой Отечественной. Он, по-детски остро переживший войну, эвакуацию, впитавший в себя разговоры с отцом, Семеном Владимировичем, который защищал Москву и брал Берлин, не мог не знать, что такое война. В переездах он видел, конечно, военные составы, бойцов, направляющихся на фронт, раненых, которых перевозили на лечение в глубокий тыл, эвакуированных в товарных вагонах, — все это оставило глубокий след в его детской памяти. А потом еще и творческое переосмысление того самого военного времени. Вот поэтому так понятны и глубоки его песни о войне: о смерти истребителя, о друге, который не вернулся из боя, о братских могилах, на которых не ставят крестов...

Нина Максимовна была всегда близка с сыном. Даже в разводе, когда Володя жил вместе с отцом и его второй женой Евгенией Степановной, она бесконечно переживала за него и старалась быть ближе к сыну. Она хранила в памяти все, что казалось ей важным в судьбе сына. После десятого класса Володя заявил о желании учиться в театральном. Его отговаривали всей родней — Нина Максимовна, Семен Владимирович и даже дед. Приводили доводы: артист — не профессия, а всего лишь увлечение. Для жизни нужна специальность основательная. И пошел Володя, а вместе с ним его близкий друг Игорь Кохановский, в Московский инженерно-строительный.

Нина Максимовна вспоминала о том времени, когда Володя учился в МИСИ: особого рвения к учебе не прикладывал, думал о чем-то своем, отвлекался и чаще всего с шутками-прибаутками отвлекал своих друзей от обязательного черчения, которое, вероятно, было ему особенно в тягость. А однажды, словно в отчаянии, закричал: «Больше не хочу!». Тот самый последний чертеж, замазанный тушью, Нина Максимовна хранила дома. Недавно его показали по телевидению: измазанный тушью лист ватмана. За этот

лист ей предлагали большие деньги. Отказала. «Это память о сыне», — сказала она. И даже после того, как Володя решил уйти из института, его отговаривал, кажется, декан факультета: «Куда в театральный с такой фамилией? Вот если бы Качалов или Массальский...». Доводы его не убедили. В тот вечер, когда решалась судьба — быть строителем или артистом — Володя признался маме: «Когда-нибудь ты будешь гордиться мной».

Гитара у Володи появилась в день его семнадцатилетия. Его никто не учил игре на семиструнке. Чаше всего мелодию сам подбирал, строил аккорды и напевал. Но уже в театральном гитара зазвучала по-особенному. Появились первые его песни, которые понравились товарищам. На студенческих вечеринках и концертах он уже пел. Не все его музыкальные опусы нравились маме. В них, как она называла, блатных песнях, было много откровения и, как ей казалось, чего-то непристойного. Вот если бы романс! Да и какой он исполнитель романсов, если характер у него стремительный, взрывной. А потом она прислушалась к одной из его песен — «Охота на волков». Услышала текст, мелодию и поняла — это глубоко, это задевает за душу. Так и стала «Охота на волков» самой любимой ее песней. А песня уже «путешествовала» по всей стране. Евгений Евтушенко прислал с Севера телеграмму: «Слушали твою песню двадцать раз подряд. Становлюсь перед тобой на колени».

Нина Максимовна поняла: его песни — это его характер, продолжение его жизни. Когда он приходил к ней с магнитофоном, она уже знала: сейчас услышит новые песни. И уже старалась внимательно прислушаться к тому, о чем пел Володя. А после фильма «Вертикаль», после того, как там прозвучали щемящие сердце песни, стало ясно: это здорово и не каждому суждено так петь.

Утро одного летнего дня она запомнила навсегда. Неспешно шла по улице и вдруг что-то заставило ее подойти к витрине газеты «Советская Россия». Стала ее рассматривать и неожиданно наткнулась на заголовок «О чем поет

Высоцкий?». Неизвестный автор высмеивал песни ее сына, как не отвечающие советской действительности. Она еще долго читала статью, сердце колотилось, а потом вдруг сразу подумала о Володе: как он прочитает это, как переживет...

Действительно, Володя очень переживал. Уже потом, гораздо позже, она увидела у него дома ту самую газету. Она была измята. Видимо, Володя не раз читал ее, комкал, нервничал. Ему казалось: эту оценку его песенного творчества дала вся страна. После этого, об этом мне говорила Нина Максимовна, у него открылась язва желудка.

А песни все равно звучали из динамиков переносных магнитофонов и из окон домов. Люди включали их в момент своей радости или горя. Песни тревожили, заставляли о чем-то вспомнить. Те тяжелые для нее дни, когда не стало Володи и когда она готовилась к последней встрече с сыном, ей не запомнились. Она была в глубоком шоке. Только тогда, когда гроб с телом сына установили в салоне машины, она неожиданно посмотрела за окно: вокруг было много людей. Сначала они шли за машиной, которая постепенно набирала скорость. Ей было странно: почему люди бегут вслед за ее печалью и горем.

Нина Максимовна пережила своего сына на 23 года. Она умерла 7 сентября 2003 года на 92-м году жизни и была похоронена рядом с ним. Чуть ли не четверть века судьба отвела ей жить воспоминаниями о сыне. Она участвовала во многих его вечерах памяти. Ее с почтением называли матушкой Высоцкого и вместе с его сыновьями Никитой и Аркадием она старалась быть главным хранителем его памяти.

Мне приходилось встречаться со многими людьми, бывавшими на его спектаклях и концертах. И всегда спрашивал: «Каким запомнили Высоцкого?» Чаще всего в ответ слышал такое: «Впечатление от встречи с большим талантом». Помню разговор со знаменитым курганским хирургом Гавриилом Абрамовичем Илизаровым. Я поинтересовался: «Встречался ли он с Высоцким?» И узнал такую историю. Пьер — сын

Марины Влади и Робера Оссейна — ломал руку и долго не мог ее вылечить. Долгое лечение не дало результатов. Тогда Высоцкий решил позвонить в Курган мировой знаменитости Илизарову. Тот согласился по приезду в столицу посмотреть мальчика и определиться с операцией. Во время московской встречи в гостинице курганский хирург провел консультацию. К сожалению, Высоцкого с ним не было — тот был в отъезде. Гавриил Абрамович осмотрел руку сына Марины Влади и посоветовал ему не ехать в Курган — такие операции легко делают в столичном ЦИТО.

...Бережно храню небольшого формата посмертную книгу Владимира Высоцкого «Нерв» с предисловием Роберта Рождественского. Сколько своих нервов потратил я на приобретение этой книжицы! Нина Максимовна не смогла подарить — она получила из издательства «Современник» всего лишь 10 авторских экземпляров. Но в тот месяц, когда книга была напечатана, она не сразу поступила в продажу. Вагон со всем тиражом «Нерва» затерялся где-то в железнодорожных тупиках. И, как только нашелся, началась невиданная охота на «Нерв». Я же за большую цену приобрел книгу в Москве. Нина Максимовна оставила на ней свой автограф. Теперь книга в моей библиотеке как память о двух великих для меня людях — о Владимире Семеновиче Высоцком и его маме — Нине Максимовне Высоцкой.

2003 г.

Нина Турбина. Крестная дочь Ивана Бунина

Мне позвонил писатель Виктор Потанин.

— Может быть тебя заинтересует? — в его словах явно проскальзывала интрига.

И рассказал о том, что ему, только что получившему российскую литературную премию имени Ивана Бунина, позвонила по телефону пожилая дама и сказала: она имеет отношение к знаменитому русскому писателю. И даже намекнула на некую родственность с ним: в далекие годы Иван Алексеевич крестил ее.

Я вздрогнул: крестная дочь лауреата Нобелевской премии живет в Кургане! Мне не верилось. Может быть, в меру своего преклонного возраста она что-то путает. Или просто фантазирует...

— Нет, — сказал Потанин. — Я побывал у нее. Все, о чем говорила женщина, похоже на правду. Я уговорил ее дать тебе интервью. Она согласилась. Спешите...

На пятом этаже грязного заводского общежития я стучу в дверь. Долго никто не откликается. Потом из-за двери слышится почти детский голос: кто, зачем?

Вот так я оказался в небольшой чистой квартирке, где есть стол, кровать, большой шкаф. И даже старый черно-белый телевизор.

Нина Константиновна Турбина — так зовут мою героиню — похожа на постаревшую сказочную Дюймовочку: невысокого роста, в светлом платье с кружевным воротничком, сверху покрытым красным газовым шарфиком. У нее пушистые светлые до голубизны волосы и удивительные глаза. Они, кажется, излучают молодость.

На большом портрете, висящем над кроватью, запечатлена Нина в пору своей красоты. Я уже подумываю о том, что неплохо бы перефотографировать портрет. Пригодится!

Мы пьем чай, мило беседуем. А мне не терпится включить магнитофон. Всматриваюсь в ее лицо, в руки. Неужели она когда-то знала Бунина?

— Я вам сейчас скажу, — наконец-то начинает свой рассказ Нина Константиновна. — Иван Алексеевич с 1870 года. А моя мама с 1876. Они дружили семьями. Мама и Иван Алексеевич вместе росли в Ельце, жили в соседних наемных квартирах и, несмотря на разницу в возрасте, дружили. Но все это было до меня. О той жизни я знаю немного. Как жаль! Некоторое время жили в Киеве, где в Политехническом учился папа. Там же родился мой старший брат, а через четыре года — второй брат. А уж я появилась на свет через девять лет. Как мама говорила: девять лет бог не давал детей...

Воспоминания тревожат мою собеседницу. Чай остывает. Она подходит к шкафу, тянется к верхней полке, пытается достать фотоальбом. И чуть не падает.

— У меня так бывает. Кружится голова. Видимо от старости.

Я обещаю обратиться к врачам, чтобы они обследовали ее.

— Хорошо бы, — Нина Константиновна с благодарностью смотрит на меня.

— Я была маленькой и, как думаю, красивым ребенком с кудрявыми черными волосами и большими синими глазами. Да вот я, полюбуйте!

Со старой потрескавшейся фотографии на меня смотрит ангелочек. Справа от него — человек в шляпе. А это кто?

— Иван Алексеевич. Он только что пришел к нам в гости. А мы как раз фотографировались. На высокой треноге стоял огромный фотоящик, которого я так боялась, потому что голова фотографа вместе с ящиком была закрыта плотной темной тканью. Мне было страшно.

Иван Алексеевич говорил маме: моя крестница — самая красивая. Мы постоянно были вместе. Я родилась в Ельце. И у Бунина квартира была в Ельце. Мы снимали большой дом, и он часто к нам приходил. Однажды вечером у нас гостили мамыны приятельницы. Все знали: придет Иван Алексеевич. Он пришел, поздоровался и со мной также — особо. Потом мне говорит:

– Ниночка, что ты видишь за окном?

Я ему отвечаю:

– Сумерки. И очень холодно...

А старший брат дополняет меня:

– Ветер. И уже снег пролетает.

Иван Алексеевич подошел к окну и стал говорить о том, что он видит: и синее небо, и серый воздух, и еще что-то – много-много. Он все говорил, а мы слушали. Я сижу на маленькой скамеечке и со всей детской непосредственностью отвечаю:

– Мне же со скамеечки ничего не видно.

Потом вскакиваю, что бы меня все видели, и всматриваюсь в сумерки... Вижу: сарай для дров с большим замком и больше ничего. Это было мое видение. У Ивана Алексеевича – другое.

Вместе с отцом мы отошли к столу и стали рассматривать, как устроен граммофон. Ивана Алексеевича это тоже интересовало. А потом, когда все собрались за столом, он стал читать. Я только помню: о какой-то аллее. Читал выразительно и мне очень понравилось. Я даже представила эту аллею – зеленую, через которую лучи солнца не пробивались. Отец держал меня на коленях. После чтения папа сказал мне: запомни, Ниночка, это очень большой писатель. Я запомнила это на всю жизнь.

Иван Алексеевич называл мою маму не Александрой Михайловной, как все, а просто: Шура, Шурочка. А она его уважительно: Иван Алексеевич. Как-то он ей сказал: «Я должен уехать». Куда-то засобирался, в Африку, что ли. Он стал просить маму, чтобы я поехала вместе с ним. И что он будет ухаживать за мной, как за родной дочкой. И что наймет старого матроса, он будет укладывать меня спать, кормить. А мама – одно: «Ну, что вы! Ниночка на другой день будет горько плакать и проситься домой. Нет-нет! Ей еще рано путешествовать». Иван Алексеевич был очень разочарован.

Я ничего не знала о прошлой жизни моего крестного. Потом, кажется, от кого-то услышала такое: еще до меня

Иван Алексеевич привез итальянку необычайной красоты. И как будто она умерла при родах. А я напоминала ему того не родившегося ребенка. Все может быть...

Мы еще долго беседовали. У магнитофона замигала лампочка – садились аккумуляторы. Я задал Нине Константиновне последний вопрос: неужели за всю свою долгую жизнь она так никому не рассказала о знакомстве с Буниным, о том, что он был ее крестным отцом?

– А кому это было нужно. Я не раз слышала, что он бросил Россию, уехал, кажется, во Францию, не захотел возвращаться на Родину. Знакомство с такими людьми тогда не поощрялось...

А как она оказалась в Кургане? Во время войны ее вместе с дочкой эвакуировали из Украины в Зауралье. Жила в городе Щучье, работала на заводе. Дочка заболела и умерла. А Ниночка, Нина Константиновна Турбина, осталась одна-одинешенька. Потом позвали в Курган. Здесь она прожила много лет. Когда по курганскому радио услышала о том, что писателю Виктору Потанину первому в стране присудили литературную премию имени Ивана Алексеевича Бунина, вспомнила о многом: о милом детстве, о родителях и о крестном отце – нобелевском лауреате Иване Бунине, который так любил ее. Тогда она позвонила Потанину.

2001 г.

Феликс Медведев. Его герои — кумиры эпохи

Знаменитый в нашей стране журналист Феликс Медведев когда-то жил в Кургане. В конце 1960-х годов судьба закинула его в этот город. Работал корреспондентом газеты «Советское Зауралье», удивлял читателей занимательными историями своих героев.

Что было дальше в его жизни? Москва, столичная жизнь, иногда голодная, иногда сытная. Здесь и произошло с моим другом то, к чему, думаю, он всегда стремился. Он стал известным журналистом. В 1980-х заведовал отделом поэзии в самом читаемом тогда журнале «Огонек», за свои журналистские материалы был удостоен всевозможных премий в нашей стране и за рубежом, в том числе премии Союза журналистов СССР.

Сейчас его знает вся читающая Россия. Его печатают в самых популярных изданиях России. Он издает книгу за книгой, герои которых — знаменитые люди мира. Его показывают по многим телевизионным каналам. А по его многочисленным интервью, беседам и эссе учатся студенты журфака МГУ. Известность к нему пришла давно.

— Мы с тобой прожили большую жизнь, — как-то сказал мне Феликс. — Ты в Кургане. Я — в столице. Ты помнишь нашу курганскую жизнь? Мы вместе спешили на интервью, мчались в командировку. Вместе покупали по блату палку колбасы или килограмм мяса. А что? И такое было. Помню, как однажды ты достал какое-то редкое лекарство моему маленькому Феликсу, и я был очень рад этому.

В нашей далекой уже курганской жизни было много интересного. Феликс, приехавший в Курган из Владимира, сразу очутился «на первых ролях». Незабываемые книжные аукционы, которые проходили в 1970-х годах на сцене театра драмы, он вел вместе с известной в городе Светланой Кукарской. В зале негде упасть яблоку, публика начитанная, на любой вопрос — лес рук. Но самый начитанный — он,

Феликс! Из Владимира он приехал молодым поэтом, которого признавал сам Андрей Вознесенский — сохранилось письмо его маме, в котором поэт просил обратить внимание на поэтический талант ее сына. Меня, дружившего с Феликсом с 1971 года, удивляли его глубокие познания о книгах и серьезные библиофильские наклонности. Он знал всё о великих поэтах и писателях, мог наизусть прочитать Гарсиа Лорку и блеснуть знаниями о Павле Антокольском, дать прочитать опубликованную на Западе биографию опального тогда Евгения Евтушенко и восторженно рассказать о поэтах «серебряного века».

А как он очутился в Кургане? Мне казалось — все просто: приехал вслед за любимой девушкой, ставшей ему женой. Но позже Феликс рассказал мне такую историю, просто трагическую. В конце 1960-х он привез из Москвы знаменитое письмо Солженицына к делегатам съезда писателей. Этот серьёзный по тому времени документ из письменного стола областной Владимирской газеты благодаря «доброжелателю» перекочевал в местный КГБ. Понятно, там этой бумаге дали ход, после чего Феликс вынужден был покинуть столицу знаменитого золотого туристического кольца. В Курган он приехал вместе с женой Ларисой, у которой в нашем городе жили родители и брат.

— Я сейчас видел, как на вокзале ты лихо спешил к электричке. По-прежнему вечно торопишься, спешишь. Неужели нет времени остановиться, передохнуть и успокоиться?

— Всевышний дает мне здоровье, чтобы бежать, перепрыгивать при случае даже через турникет. Здоровье дает, это не моя заслуга! Но всему когда-то придет конец: суставы устают, кости стареют, человек выдыхается. У меня был хороший знакомый. Когда-то мы с ним задумывали приезд Мадонны в Россию для пропаганды ЛДПР. Скажем, «звезда» прилетает к нам, ЛДПР платит ей хорошие деньги, мы совершаем с ней какое-то турне по стране, она пропагандирует Жириновского. Вот таких проектов у нас с ним было много — странных и необычных. Так вот он, мой

друг, один из первых приватизировал храм. Представляешь? Он первый в самом элитном районе России владеет этим храмом! Он священник. Если туда придти, то его можно увидеть на службе. И вот однажды, это было уже давно, он улетал в очередной раз в Париж. Я его провожал в аэропорту. Случилось так, что он опаздывал к рейсу, а билет еще не был куплен — кассир что-то капризничала. И этот солидный человек вытащил из портфеля «Полароид» — это чудо века, и как мальчишка вскакивает на парапет перед билетными кассами, делает снимок и тут же вручает его изумленному кассиру. Она сразу же оформила ему билет, и через несколько минут он был уже в самолете. Так и я: спешу, опаздываю, прыгаю — изумляю. А что делать? Скажу, что я уже давно не мальчик. Я родился 22 июня 1941 года...

Москва для меня всегда была тем самым городом, «где живет Феликс». Мои частые поездки в столицу всегда были радостными, с неизменной кошмарной беготнёй с ним по столице. Мы спешили в книжные магазины и на книжные развалы, где мой друг выкладывал за какую-нибудь антикварную книжицу последние деньги. Феликс вел меня к знаменитым писателям, где я постигал его репортерские уроки. Я с испугом смотрел на знаменитостей, впитывал премудрости медведевского журналистского натиска и с благодарностью получал от маститых писателей книги с их автографами. Сколько таких книг у меня дома — не счесть!

— *Ощущаешь ли ты свой возраст? Не пора ли на диван, растянуться и предаться дрёме. В старости, наверное, тянет к спокойной жизни.*

— Я тебе сейчас скажу такую вещь. Я много печатаюсь в разных газетах, которые просто выхватывают у продавцов. Сейчас я в штате газеты «Версия». Мне приятно там работать в память об Артеме Боровике, с которым мы дружили, работали вместе в «Огоньке». Потом он организовал холдинг «Совершенно секретно» с Юлианом Семеновым. Артем всегда все годы, когда я ушел из «Огонька», приглашал меня работать и в журнал «Лица», и в «Совершенно секретно»,

в том числе и в газету «Версия», где он был редактором. И чтобы ты думал! Я пришел в эту газету. Что скрывать — я в возрасте, как говорят, сто раз пенсионер: сиди дома, пиши мемуары, читай газетки. И всё! А я, как говорят, моложе молодого. Бегаю, кручусь, пишу — жизни не хватает! Я беру интервью, из номера в номер пишу воспоминания, статьи свои переиначиваю. Мой новый коллектив молодой, я пришел — ни одного человека не знаю. Да и по возрасту, и по статусу известности никак не вписываюсь в эту творческую среду. А на днях мне сказали: тебе очень многие завидуют и ревнуют к твоей славе. Молодые завидуют! А мне какой годок! Это хорошо. Жизнь мою, как и любого другого, не повторить. А моя была особенно интересной, потому что были такие встречи с людьми! И тогда, когда много лет назад я работал в Кургане, у кого-то из молодых и маститых в «Советском Зауралье» было такое же чувство. Мне тогда было 35, я был наиболее напористым и нахальным.

Каждая очередная публикация медведевских заметок в «Огоньке» становилась событием для читателей. По крайней мере, я чувствовал это по признаниям многих его поклонников. Телефон в квартире Феликса не смолкал ни на минуту. Бедная его жена Мила! Она была вынуждена в сотый раз выслушивать признания в любви к ее мужу от древних старушек и нахальных дам, требующих к телефону обязательно ее мужа. Как могла Мила оберегала своего знаменитого Феликса от такого напора влюбленных в него читателей и устало произносила: «Его нет, будет нескоро. Позвоните в редакцию...». Купить «Огонек» тех горбачевских лет было непросто. Лично я с трудом покупал этот журнал по великому знакомству и много лет хранил всю эту «огоньковскую» коллекцию как самые раритетные издания. Как-то в вагоне метро я видел такую картину. Спешащие на работу пассажиры увлеченно читали «Огонек». Почти у всех он был открыт как раз на той самой странице, где Феликс рассказывал о древней старушке, бывшей княжне

Мещерской, которая в своей старческой бедности сохранила для страны полотно знаменитых художников. После такой публикации бывшая княжна и нищая советская гражданка стала героем на весь Советский Союз!

— Почему в твоём доме нет компьютера? Неужели ты работаешь по старинке, на этой жутко стучащей машинке, которая не даёт заснуть соседям?

— В этом вопросе я, конечно, ретроград. Отстал от жизни, от века, от времени. И не знаю почему. У меня есть старенькая машинка, которую мне подарил когда-то мой дед, мадьяр, знаменитый врач и поэт Золтан Парташ. Он в 1922-м году приехал из Будапешта. До 8-го класса я носил его фамилию. Когда мне исполнилось 12 лет, он повел меня в магазин на площади Маяковского и купил мне, помню, за 1200 рублей первую пишущую машинку. Когда она состарилась, я её выбросил, купил новую. И привык к пишущей машинке. Но компьютер уже не освою. С техникой я не дружу. Единственно, что я могу делать — определить, сколько времени на часах. Да и то мои часы идут всегда на 10 минут вперед. Моя жизнь быстрая, рывками и урывками. Я все часы со времен армии держу на 10 минут вперед, чтобы у меня несколько минут было в запасе. А машинкой пользуюсь до сих пор. Сейчас свои статьи я диктую по телефону своим помощникам. Когда-то я встречался с колумбийским писателем Маркесом — автором знаменитого романа «Сто лет одиночества». Нобелевский лауреат с грустью признался мне: «Я не пользуюсь компьютером и очень жалею об этом. Если бы им пользовался, сколько бы написал романов!». Кстати, сейчас Габриель Гарсиа Маркес написал потрясающий роман, который все мужики мира хватают — роман на 104 страницы о проститутках. Конечно, это не личная жизнь Маркеса, а его отношение к женщине. В романе престарелый журналист, которому 90 лет, вспоминает свою жизнь и имена женщин, с которыми он когда-то спал. Их 517! Он рассказывает подробно, как это было. Это мировой бестселлер, его уже украли и перепродают!

— Твоя нынешняя журналистская работа отнимает у тебя немало времени, которое ты бы мог, к примеру, отдать написанию книг. Не захочется ли тебе когда-нибудь забросить журналистику и отдаться другому делу?

— Быть такого не может, что я когда-то брошу журналистику. Какой я журналист — большой или малый, все равно это дело моей жизни. А в нем, в моем деле, это встречи со знаменитыми людьми. Я не аналитик-журналист. Я не копаюсь в тонкостях какого-то социального или иного процесса. Меня интересует биография человека. Я беру интервью и делаю эссе об этом человеке. И это востребовано, потому что я встречаюсь с кумирами нашей эпохи. Не знаю — к радости это, или к худшему, но без кумиров мы не можем жить, без тех людей, чьи лица мы видим на экране телевизоров, на обложках толстых журналов. Наша жизнь с ними красивая. Поэтому то, что я наработал в свое время в журнале «Огонек», то, что было наработано в телевизионной передаче «Зеленая лампа», которая шла 4 года по московскому и общероссийскому каналам, то, что я делаю сегодня в еженедельниках «Мир новостей» и «Версия», где я представляю знаменитых людей, — это помогает мне писать книги. Вот сейчас по предложению издательства я затеял серию книг о кумирах XX века. О тех, с кем я встречался и кого знаю, о тех, чья жизнь прошла через мою жизнь. Мне это страшно интересно. Книга «Красавицы, кумиры, короли» 3 года назад вышла в свет, а сейчас ее уже нигде не купить. Она уже стала раритетом. В ней красивые женщины, красивые мужчины, это короли жизни, те, кто наверху, те, кто победил обстоятельства, прошел через дрязги и тяготы жизни. А тот, кто победил, тот всегда пример для людей, которые еще чего-то не достигли.

...Благодаря Феликсу я перезнакомился со многими героями его публикаций — известными писателями, актерами, художниками и другими личностями конца XX века. Вот я сказал — конца века! Но действительно: я жил в своем отведенном мне Богом времени, пытался своими глазами увидеть

всё и услышать то, чего бы я никогда не услышал, живя в родном Кургане. Какие они — эти главные герои времени, как они говорят, о чем они переживают и чему радуются? При мне Сергей Михалков громко распекал строителей, которые покрасили стены его подъезда масляной краской, не предупредив об этом жильцов. Детский поэт, автор знаменитого «Дяди Степы» произносил знакомые мне выражения из ненормативной лексики, умиляя этим меня и Феликса. По просьбе моего друга я отвозил на Профсоюзную улицу рукопись воспоминаний Анне Михайловне Лариной, чьи мемуары так и не увидели свет в «Огоньке». Но ее интервью и предсмертное письмо партии ее знаменитого мужа, члена ленинского Политбюро Бухарина первым опубликовал в «Огоньке» Феликс. Только после этого Горбачев реабилитировал главного идеолога сталинского режима. Удивительно! Вдова Николая Ивановича Бухарина, которого так любил Ленин (какие далекие времена!), была еще жива и при встрече подписала мне книгу американца Стива Коуэна о своем муже. Анна Михайловна так написала на титульном листе: «Вячеславу Аванесову в дни моей радости».

Уйдя из «Огонька», Медведев продолжил серию своих бесед на телевидении в популярной тогда программе «Зеленая лампа». Передача записывалась в его квартире, я был свидетелем этого волшебного телевизионного действия. Гораздо позже на телевидении появятся подобные программы Урмаса Отта, Андрея Караулова и Артема Боровика. Но первым создать интереснейшую передачу-интервью сумел он — Феликс Медведев.

— *Легко ли работать с кумирами? Встречаясь с ними, что ты испытываешь — радость, удивление или разочарование?*

— И то, и другое. Огорчений бывает немало. Когда-то я взял интервью у Марины Зудиной — известной молодой актрисы, жены Олега Табакова. Все было нормально. Я показал ей текст, и она попросила меня убрать кое-какие пассажи, касающиеся, скажем, ее ребенка от Табакова. Она считала, что хватит на ребенке делать ей собственный пиар.

Она попросила меня убрать то место, где я рассказывал о том, как Табаков разводился со своей прошлой женой актрисой Крыловой. В частности, там есть такие признания самого Табакова (я это не придумал!): прежде чем решиться на брак с Зудиной, он пошел на кладбище, где похоронена мама, склонил перед могилой голову и рассказал о своей любви. Потом он ушел от Крыловой, оставил ей квартиру, там двое детей — все сложно и трагично, они прожили 34 года. Зудина просила меня категорически убрать этот пассаж, который она сама преподнесла мне в беседе. Естественно, я это сделал. Что вы думали! Я же не последняя инстанция в газете — есть редактор, главный редактор. А они понимают, что на это признание читатели обратят внимание и обязательно захотят купить газету. Не сказав мне ни слова, они восстановили этот пассаж. Всё! Мои отношения с Зудиной, с Табаковым, с театром МХАТ, с пресс-секретарем МХАТа закончились. Марина думает, что я это сделал специально. А я в этом не виноват.

Совершенно классический скандал был в моей биографии с актером Гафтом. Мы с ним давно были в хороших отношениях. Это интереснейший человек, он не всех журналистов принимает. Поэтому я дорожил дружбой с этим человеком. Мы с ним долго беседовали, все было нормально. Валентин посмотрел интервью — все хорошо! Газета должна выйти на следующий день. Я ушел домой. И вдруг где-то в час ночи на дачу звонит Гафт и высказывает мне свое недовольство уже опубликованной в еженедельнике нашей беседой. Оказывается, ему уже позвонили из типографии и в общих чертах обрисовали интервью. «Какой заголовок ты придумал в газете!», — гневно говорит он мне... И вновь повторяется та же история, что и с Зудиной. Что сегодня заголовок в газете — это рынок! По заголовку покупается газета. И тот же редактор, не сказав мне, поставил совершенно «желтый» заголовок: «Кто заложил Гафта?» Что значит — заложил? Валентин Гафт рассказал мне сначала просто интимно, по-дружески, не называя имя, что когда-

то, в свое время он заметил, что его перестали пускать за границу. Он пытался понять — в чем дело? Прошел год, второй, третий. Но однажды, по-моему, в 1991-м году, Гафт спросил Олега Калугина, помните такого генерала КГБ, который сейчас живет в Америке, — почему его перестали пускать за границу? Тот посмотрел документы и ответил: на вас доносы в КГБ писала... ваша бывшая жена, и, конечно, вас стали придерживать. В моей беседе не было упоминания жены. Просто — близкий человек. Не было бы такого заголовка — все было бы нормально. Но именно этот кричащий заголовок на обложке, где был портрет Гафта, создал полную иллюзию мерзости когда-то близкого человека. Мои отношения с этим большим актером были надолго прерваны.

За многие годы мой друг написал десятки книг интервью. При мне «старожил» МГУ, декан факультета журналистики Ясен Николаевич Засурский произнес такую доверительную фразу: «По книгам Медведева учатся наши будущие журналисты». От упоминания знаменитых медведевских собеседников замирало сердце и рябило в глазах. Что с ними вытворяла эпоха — поднимала на пьедестал и сбрасывала вниз, вручала немислимые премии и отнимала последние крохи! Все они словно паноптикум, музей восковых фигур! А ведь с каждым из них бывший курганец, неистовый собиратель человеческих историй, старался выложиться и душой, и сердцем, каждого пытался вытянуть на исповедь. С писателем Виктором Шкловским он встретился за день до его смерти. Французский драматург Эжен Ионеско поведал ему о своей жизни за несколько дней до кончины. С будущим нобелевским лауреатом Иосифом Бродским, числящимся в те годы для Родины отщепенцем, общался по телефону — в Нью-Йорке его не застал. А с легендарной Гретой Гарбо вообще вышло фантомное интервью. Добился встречи с Жаклин Кеннеди, потому что... уж очень она ему нравилась. Еще бы! Красавица, каких свет не видывал! Рассказывал, как во время интервью, пытаясь разговорить Франсуазу Саган (живого классика французской литерату-

ры!), пытался соблазнить ее — явно для эпатажа! Правда, и она, опоздав почти на час, кинулась на шею Медведева, сто раз извинилась и бросила чисто французское: «Я виновата, хотите дам интервью прямо на ваших коленях». Он был первым, кто не побоялся в ранге журналиста знаменитого журнала, выступить на радио «Свобода» в Мюнхене. Это было честное интервью советского журналиста о времени и о себе. О том, каким авторитетным он был для многих, говорит такой факт: однажды домой ему позвонил один из самых всесильных тогда, второй по счету во властной верхушке человек, — Анатолий Лукьянов. Больше часа они проговорили о поэзии, и о книгах.

— Кто герои твоих сегодняшних газетных интервью? С кем бы ты хотел еще встретиться?

— Вот здесь я хочу сказать следующее. Конечно, я в возрасте. Как бы я не хорохорился, против прожитых лет не попрешь. Годы идут. Устают душа и тело. И мне, действительно, от того, что я с тысячами людей перевстречался, о каждом написал, мне уже мало что интересно. Я стал это замечать в себе. Пойти на пятый-десятый раз встретиться с Киркоровым, с каким-то народным артистом или выдающимся политиком — мне уже не хочется. Мне хочется встретиться с теми, о ком я так и не сумел написать в силу каких-то причин. Или с теми, кто мне очень интересен.

— А может быть, с теми, за интервью с которыми заплатят больше!

— А что, и в этом твоём вопросе с явной подковыркой есть доля правды. Я журналист-работяга, всегда хочу заработать. Сейчас мне поступил заказ взять интервью у Татьяны Дьяченко. Она живет в Лондоне с Юмашевым. Не знаю: откажет — не откажет. Ведь мы с Юмашевым работали в «Огоньке», были в нормальных отношениях. Разве мог я подумать, что Юмашев, ходивший в стоптанных ботинках, парень, как говорят, ниже травы, тише воды, сделает такую карьеру! С Татьяной Дьяченко я хотел бы встретиться. Сейчас думаю, как найти ходы к ней. С Березовским я в Лондоне

встречался. Мое интервью с ним было опубликовано в том же «Мире новостей» — три полосы, огромный материал! С Примаковым Евгением Максимовичем я давно мечтал встретиться. Еще несколько имен я могу назвать — чтобы был мой интерес. С Мадонной я сделал интервью. Оно было опубликовано в «Мире новостей». Но сейчас у меня больше устремлений в прошлое. Я никак не закончу мемуары. Никак не закончу три книги. Они будут состоять из встреч, интервью, разговоров с людьми, которые представляют XX и уже XXI век. Вот это надо закончить. В 2000–2001 годах Ф. Медведев издал великолепную книгу «Я устал от XX века» (интервью на грани фолла, настоящий бестселлер! — В.А.) Для этого надо больше сидеть за столом, а я ношусь по Москве, по людям, правда, реже езжу. Хотел встретиться с Алисой Фрейндлих. Ей исполнилось 70 лет. Она редко дает интервью и с ней мне пока не удалось встретиться. Хотел бы, честно скажу, взять интервью у Славы Япончика — Вячеслава Кирилловича Иванькова. Но он сейчас в «Матросской тишине» и когда выйдет — не знаю. (Интервью не состоялось. В. Иваньков был убит в Москве в 2011 году, похоронен на Ваганьковском кладбище. — В.А.). Меня такие персоны тоже интересуют, я кое-кого знаю и общаюсь с ними. Они тоже люди своего времени. Алимжан Тахтаунов, «Тайванчик», с которым я хорошо знаком. Я писал о нем и о его восьмимесячном заключении в итальянской тюрьме. Конечно, ему нелегко реабилитироваться. Недавно он создал футбольный благотворительный фонд страны, вошел в московскую тусовку. Интересный человек, с которым, думаю, также бы хотели встретиться мои читатели. Возможно, эти мои мысли кому-то покажутся странными, самонадеянными. Я живописую жизнь моих современников и на самом деле не в меньшей степени живописую свою жизнь. Потому что все мои герои — это близкие по группе крови люди: ведь жили мы в одном времени и переживали общие «страсти по Матфею», по вождям народов, по трагическим персонажам, ушедшим от нас в мир иной. Потому что к чужим жизням

я отношусь профессионально, серьезно и «проникаюсь» ими не только при личной встрече, но и копаясь в подшивках газет, в архивных досье. И потому еще, что свою жизнь я всегда примерял к той судьбе, которую изучаю и которую записываю на диктофон для своих читателей. Ведь задавать вопросы типа «как вы начинали» или «кем вы мечтали быть в детстве» — это не журналистика, а ее профанация. Интервью, как человека, с которым общаешься, надо пережить. И, сливая свою судьбу с жизнью кумиров, я, конечно же, переживаю свое прошлое. Каждый раз. Могу об этом сказать иначе, повторив чужую мысль: «творите о себе мифы, боги начинали именно так».

— *Кстати, ты был хорошо знаком с американским журналистом Полом Хлебниковым, который недавно трагически погиб. Как вы познакомились?*

— Действительно, когда его убили и о Поле Хлебникове узнала вся страна, то я оказался единственным, а может и еще кто-то, близко знавшим его. Еще при Горбачеве я много раз ездил в Америку и однажды на приеме у посла Дубинина я познакомился с его братом Михаилом. Он и свел меня с Павлом. Но кто знал, что так сложится судьба, что он станет известным журналистом, будет руководителем русского отдела журнала «Форбс». Никто этого не мог предположить! И вдруг он в Москве. Естественно, я с ним встретился. И случилось так, что я взял у него интервью перед этой страшной трагедией. Кто мог подумать, что его убьют! ТВЦ сделало передачу, в которой я рассказал о Поле, о своих встречах с ним и его семьей. Очень жаль, что его уже нет — красавец, умный, хороший парень! Все-таки несмотря на свои знакомства в России, он хотел надолго, а то и навсегда остаться в России. Но, живя в нашей стране, он должен был знать наши реалии. Сейчас мы сделали вывод, что он, не понимая Россию до конца, влез в те сферы, за которыми были только пуля и смерть. Ему просто отомстили. Это, скорее всего, связано с чеченцами и по-видимому с той серьезной темой, в которой много крови. Я собирался ехать

в Америку, договаривался с его братьями Петром и Михаилом, чтобы они дали нам интервью. Они не соглашались. Но потом наша компания «Совершенно секретно» все-таки сумела с ними встретиться и телевизионная передача вышла в эфир. Я делаю отдельную книгу о нем, она будет небольшой — на 200 страниц. Дело в том, что когда-то, в 1980-х годах, я взял интервью у его дяди Аркадия Небольсина, у братьев Михаила и Петра (журналиста «Нью-Йорк Геральд Трибюн»). Я думаю, это будет интересно читателю.

— Вот здесь мы подошли, пожалуй, тоже к самому главному и — печальному. Многие знают Медведева, как азартного, импульсивного человека. Охота за своими героями доставляет ему огромное наслаждение, вводит в творческий экстаз. Эта азартность привела его, как он сам любит говорить, к роскошному пороку — игре в казино. Он постиг многие тайны этой дьявольской игры, страдает во время больших проигрышей и радуется выигрышам. Сегодня на всех телевизионных каналах России при упоминании «казино», показывают его лицо, как главного игрока, отдавшего этому роскошному пороку не только годы, но и все свое состояние, — большую квартиру в центре столицы, уникальнейшую библиотеку с автографами Пушкина, Кольцова, Державина, Блока.

— Что поделаешь! Весь мир в плену азарта. Многим хочется выиграть, испытать невиданное чувство сладострастного ожидания. А вдруг выигрыш, а вдруг повезёт! За последние 15 лет я провел немало времени в казино. Бывали дни и недели, когда я вообще не покидал это заведение. Я играл легко, рискованно, без оглядки. И в эти часы я ни о чем не жалел. Ни о проигранных зачастую не только своих, но и чужих, заимствованных деньгах, ни о бессонных обмороках, ни о времени, которое надо было потратить, наверное, на что-то другое — важное, полезное. Рядом со мной, порой, были самые известнейшие персоны — политики, бизнесмены, герои кино- и телеэкрана. Я видел, как они радовались и как огорчались. Мой игровой баланс, к сожалению, это огромный минус в пользу хозяев экзотиче-

ских ристалищ. Поэтому в моей жизни были долги, которые всегда так нелегко возвращать. Я прошел сквозь это и могу с уверенностью сказать всем тем, кто верит, что только в казино можно стать богатым или завладеть по воле случая огромной суммой. Это все-таки черная аура, иллюзия и от нее надо вовремя избавиться. Тысячи людей, завсегдаев казино, потеряли всё — семью, квартиры, машины, исчезли сами из жизни. И всё по воле своего необузданного азарта. Я сейчас написал книгу о казино и в ней будет немало советов: как не проиграть в казино и как избавиться от этого роскошного порока. Я пытался вместе со своим другом — твоим сыном Женей Аванесовым создать общество борьбы с этим пороком. А что будет со мной? Дай бог — время лечит. Подожду, проживу.. И выдюжу. (Надо учесть, что это интервью Медведева я записал задолго до официального запрета казино в России. — В.А.).

Поэт Евгений Евтушенко, с которым Феликса долгие годы связывала работа над трехтомной антологией русской поэзии, в минуту наплыва чувств с ходу вписал автограф в одну из своих книг: «На мою прославленность все взъелись. Я недопрославлен. Всё брехня. Потому что есть Медведев Феликс, перезнаменитивший меня».

В 2011 году моему другу исполнилось 70 лет, и он удивил своих читателей, издав сразу пять книг о прожитой жизни, о своих героях, — с кем дружил, с кем приходилось встречаться. Ему стоит позавидовать!

2011 г.

Валерий Хорошаев: «Готов убрать все “морщины” Кургана»

Курганский художник Валерий Хорошаев — радостный человек. Он всегда предстает передо мной как с обложки глянцевого журнала: этакий щеголь — одет «с иголочки», всегда выбрит, подстрижен, слегка ироничен, иногда многословен, но все по делу. Хорошаев начитан, да еще как! Может легко рассказать о любом авторе — будь то писатель, политик или художник. Впрочем, во всем образе мастера — доброжелательность и уважительность. Одним словом — не обидит.

Разговор о жизни проходит в его мастерской. В двух тесных комнатах с высокими потолками на меня смотрят его картины и картины друзей. Акварельные листы сочны и прекрасны, макеты интерьеров завораживают, печатные доски удивляют. Старый гобелен, впитавший запахи мастерской, хранящий дух многочисленных гостей, давно украшает одну из стен мастерской. Древняя книга, матово отливающая золотым обрезом, спокойно дожидается того момента, когда торопливый посетитель захочет ее открыть. А еще мольберт с нарочито закрытым полотном. Попробуй догадаться, что там, под тканью?

Хотелось говорить о многом. К примеру, о его картинах. А начинаем разговор о любви к литературе.

— Ты начитанный человек. Откуда в тебе любовь к книге?

— Когда я еще учился в училище в Свердловске, я всегда много читал. Еще мой дед Николай Ефимович меня к этому приучал. Когда я приезжал к нему летом, то всегда у него для меня лежали «Робинзон Крузо», «Дети капитана Гранта» и другие книги. Он говорил: «Это тебе надо обязательно почитать». Он сам был лирически-романтический человек. Эта связь с книгой привела меня в Свердловское издательство. И здесь я впервые начал заниматься оформлением книг. Конечно, больших книг мне не давали,

но оформлял небольшие. Например, «Таран четырех» — о летчиках времен Великой Отечественной войны. Они повторили подвиг Николая Гастелло. Я встречался с одним из писателей, который написал эту книгу, интересовался, расспрашивал. И эта книга получила известность и сразу попала на первую графическую выставку в Свердловске. Думаю, благодаря не моим иллюстрациям, а тому, как она интересно была написана. Я был молод, чуть больше 20-ти, учился на третьем курсе художественного училища. После этого сделал большую серию иллюстраций по сказам Павла Бажова. Несколько таких работ были напечатаны в журнале «Уральский следопыт».

И еще одно из радостных событий того времени, когда готовился к печати сборник античных поэтов. Я подумал: как создать иллюстрации об авторах, чьи труды дошли к нам из древней Греции? И тогда сделал гравюры на гипсе. Это были надломы античных амфор, рельефов. Необычный подход к оформлению вызвал фурор в издательстве. Я долго искал материал, из которого можно было сделать иллюстрации: заливал гипс на стекло и делал такие гравюры. К сожалению, эта книга так и не вышла из издательства. Бывало и такое!

Столкновение с книгой, с различной литературной реальностью проходит через всю мою жизнь. Работал над иллюстрациями к стихам Марины Цветаевой, к Солженицину, Дюрренматту, Бодлеру, ко многим другим писателям, в том числе и курганским. И вот этот литературный момент, я думаю, и поныне проходит через все мое творчество. Всегда я стараюсь найти какую-то поэтическую, романтическую сторону. Все это приходит само собой. Я долго над этим размышлял. И пришел к выводу, что занятие литературными изысканиями пришло не случайно. Словно откуда-то свыше мне подсказали: иди так и непременно так!

— Долгие годы ты создавал «лицо» Кургана, да и сейчас готов убрать все его «морщины», чтобы сделать свой город моложе.

– Могу сказать с гордостью – я был первым профессиональным дизайнером интерьеров в Кургане. Много моего труда вложено в узнаваемые курганские здания: в аэропорт, центральный универмаг, во Дворцы культуры заводов Химмаша, Курганприбор. Участвовал в оформлении интерьеров нашей филармонии, в реконструкции театра драмы, Дворца молодежи, многих банков, кинотеатра «Курган», нового выставочного зала, который украшает моя шестиметровая хрустальная люстра, других важных городских зданий. Я работал тесно с моими хорошими друзьями-архитекторами Геннадием Захаровым, Артуром Булыгиным. Кстати, мой младший брат Владимир – тоже архитектор и на должности главного архитектора города работал с 1990-го по 2011 год. Они всегда говорили: ты, Хорошаев, вечно находишь какой-нибудь неожиданный поворот в создании интерьеров! Я и сам был несколько удивлен, когда впервые вдруг на выставке интерьеров в Тюмени искусствоведы пригласили меня на телевидение, а там перед видеокамерами пошли размышления о романтизме в акварели. Конечно, я был уже подготовлен всей своей предыдущей жизнью к этому разговору.

– *Для Кургана ты человек не посторонний. Печать твоего радостного труда заметна повсюду. Тебя это радует?*

– Радует. Поэтому я всегда говорю так: это мой город, я участвовал в том, чтобы он стал краше. Нельзя забывать и о том, что я еще оформлял многие музеи города – свыше двенадцати музейных экспозиций! Моя лебединая песня – музей декабристов. А потом экспозиция музея города, часть экспозиции в краеведческом музее, на многих предприятиях Зауралья. В том числе и музей нашего знаменитого хирурга Гавриила Илизарова. Музеи – это же народная память. Память на века!

– *И все-таки как ты оказался в Кургане?*

– Мой отец Михаил Яковлевич военный, офицер, прошел две войны – Финскую и Отечественную, в 1956-м году вышел в отставку. И мы из Свердловска переехали сюда в Курган. Что дальше? Десятилетка, пытался учиться в Омском

медицинском институте, который серьезно испугал меня своими латинскими премудростями. После первой зимней сессии я благополучно его покинул. Потом служил в армии. Затем пытался поступить в Московский полиграфический институт и не добрал каких-то полбалла. Я и до сих пор не могу представить эти полбала. А когда я вернулся в Свердловск, я встретил там своего друга Гену Тимеева. Он мне говорит: «А мы в художественное училище поступаем». И я с этими документами поступил в училище.

– *А в это время в училище учились воспитанники Валериана Илюшина – нашего великого художника, ученика Константина Савицкого.*

– Конечно же! Со мной учились курганцы Толя Морозов, Герман Травников, Боря Синицын. Они, правда, были немного старше меня. Позже я подружусь с Валерианом Федоровичем. Мне кажется, он гордился всеми нами, знал каждого из нас и верил в то, что мы будем не просто хорошими художниками, но и хорошими людьми.

– *А почему ты выбрал акварель? Ведь много и других видов изобразительного искусства? Акварельные листы своеобразны, но не долговечны. А работы маслом живут веками.*

– Акварель достаточно долго будет радовать. Сохранились же акварельные листы из прошлых столетий. У каждого художника разные увлечения. Мне в годы юности нравилось заниматься гравюрой. Тогда было повальное увлечение этим. Я делал цветные линогравюры. Тогда большие художники, как Виталий Волович, Геннадий Ушин делали большие работы. Когда я в 1969-м году приехал в Курган, то привез с собой именно гравюры. Пришел в Союз художников, меня посмотрели, и Саша Петухов сказал:

«О-о, к нам приехал еще один художник!». И эти же гравюры пошли на первую зональную выставку в Челябинске. Вот так я сразу попал в струю художников Кургана. И после этого все зональные выставки проходили с моим участием. В Свердловске был хороший печатный цех, в Кургане ничего не было. И заниматься гравюрой стало сложно. Но худож-

ника формирует среда. А среда в Кургане была такова, что акварель была основным увлечением художников. Акварелью занимались Травников, Петухов, Годин и другие. И вот общая среда и Всесоюзные выставки акварели всех нас подтягивали. Так родилась эта страсть, которая потом переросла в одно из основных занятий. Но кроме этого я, конечно, занимаюсь масляной живописью. Но основное направление — это городской пейзаж. И здесь можно увидеть улочки Рима, Флоренции, Петербурга, Москвы и российской провинции, в том числе и наши прекрасные города Курган, Шадринск. Меня увлекает такой урбанистический пейзаж.

— *Какими ты запомнил известных курганских художников, которые сейчас, увы, на том свете? Например, Валериана Федоровича Илюшина?*

— Он был человеком из другой эпохи. Он искренно не понимал, зачем устраивать выставки, если на них не продают работы художников! Его дипломная картина была приобретена меценатом за большие деньги, на которые он объехал всю Европу. Наивно верил в добро и когда обжигался, страдал. Борис Евлентьев создал изумительный портрет Илюшина, который сейчас находится в Курганском художественном музее. Он изображен именно таким: спокойным, доброжелательным, рассудительным. Валериана Федоровича любили все художники.

— *А Александр Петухов? Мне кажется, он торопился жить.*

— Да. Он говорил: «Жизнь коротка, а дорога к познаниям не кончается». Саша все время стремился к познанию нового, к самообразованию. Частенько спрашивал меня: «Что нового в толстых журналах? Что прочитать?». А потом читал Ремарка, Сэлинджера, позднего Катаева, Трифонова. Я видел на его столе в мастерской книги Набокова, Бунина, Есенина. Он любил работать под музыку Баха, Малера, Моцарта, Рахманинова, Прокофьева, Шостаковича. Таким образом, он насыщался творчески.

— *Ты был дружен с большим художником Володей Пшеничниковым. Что притягивало тебя к этому мастеру?*

— Он был надежным человеком, убежденным в правоте своего предназначения. Как-то глубокой ночью, возвращаясь из мастерской, Володя встретил на автобусной остановке человека... из Монголии. А автобусы уже не ходили. Разговорился с ним. Оказалось: тот привез на лечение к Илизарову свою дочь, а сейчас направляется в гостиницу. «Зачем в гостиницу! — сказал Володя. — Переночевать можно у меня». Они подружились. Потом Володя узнал: его гость — крупный партийный деятель Монголии. Он дважды организовал Володе путешествие по пустыне Гоби, познакомил с монгольскими художниками. Так создалась знаменитая коллекция акварельных листов Пшеничникова под названием «Пустыня Гоби». Она рассказывает об этом удивительном природном явлении. Какая мистическая, галактическая красота!

— *Картины художника живут не только в его доме. Они как ласточки разлетаются по свету. А где твои работы, в каких музеях и домах?*

— Мои работы находятся в фондах нашего музея. В Томском, Тюменском музеях, в Ирбитском музее графики, в Кагалыме, в других музеях, откуда до меня иногда долетают весточки о моих работах. А уж в частных коллекциях — не сосчитать! В Великобритании, во Франции, много работ в Италии, Болгарии, Венгрии, Японии, в США, Сербии, Канаде, даже в Австралии.

— *Возможно, поэтому твое имя занесено в Международную энциклопедию искусств — за подвижничество, за глубокое проникновение в культуру других народов и наций.*

— Может быть, громко сказано. Но верю в то, что мои работы с радостью живут во многих странах и этим самым доставляют кому-то удовольствие.

— *Недавно ты выиграл конкурс на лучший бренд города Кургана. Видимо, сказались твои познания в истории Кургана.*

– Я много работал с историческими документами, фактами, различными легендами, мифологиями. Поэтому я поставил себе такую задачу: бренд должен заключать то зерно, из которого вырос наш город. Я представил древо, под сенью которого мы сейчас живем. Эта крона, которая нас укрывает, этот курган, – все выросло из Царева кургана, у которого когда-то основались наши пращуры. Они пришли сюда не просто как на вольницу, чтобы погулять. Нет! Алексей Михайлович, отец Петра I, издавал специальные приказные грамоты, на основании которых шли по российским просторам поселенцы. И они остановились на берегах степной реки Тобол, и было построено знаменитое Царево городище. Это был форпост Российского государства. А почему военное поселение? Так ведь нападали на поселение различные кочевники. Сколько их было! А потом уже встали на охрану регулярные войска. Драгунский полк, вооруженный мушкетами, копьями, саблями, здесь стоял. Сейчас в витринах нашего музея есть это оружие – это реально существовавшие артефакты. Из этого острога родился город Курган. Это и есть основа, исторически оправданная. Она более верна, чем какие-то вещи другого плана, которые то появляются, то исчезают. А это культурно исторический факт!

– Чего, на твой взгляд, не хватает в облике Кургана?

– Город мне нравится. Особенно главная площадь, которая является памятником архитектуры 1950-х годов. Она была спроектирована известным архитектором В.Я. Гофратом. У нас это довольно обширный культурный «ландшафт»: театры, филармония, музеи, выставочные залы. Хотелось бы добавить несколько штрихов на исторических объектах Кургана – создать монументальные мозаичные клеммы. К примеру, здесь была первая аптека, почта, гимназия, здесь работал первый врач Кургана, здесь жил первый градоначальник, а здесь было первое реальное училище... Такие места мы обозначили в планах программы «Любимый город», принятой городской Думой. Это бы обогатило городскую

среду. В нашем Кургане жили и другие персонажи: крупные промышленники, купцы, которые создавали экономическую основу. Они создавали продукцию, торговали ею, к примеру, в Англии. Мало кто знает, что один из наших купцов Смолин являлся членом Французской академии наук, Географического общества Франции. А промышленник Балакшин получил Золотую медаль в Париже и Мадриде за свои турбины. И другие известные в те времена лица были достойными людьми. И мне хотелось, чтобы в память о них появились скульптурные произведения, пусть даже малой формы. Неплохо бы изобразить первого фотографа Алексея Кочешева с его фотоаппаратом рядом с его домом. Что бы у нас появился скульптурный портрет казака, основавшего наш город. Чтобы были обязательно представлены все сословия, создававшие и прославлявшие наш город: купцы, мещане, артисты, поэты и художники. Думаю, когда-нибудь в нашем городе обязательно появится памятник великопному детскому писателю Леониду Куликову.

...Не было ни одного года, чтобы я куда-нибудь не уезжал. Я постоянно в дороге. Приезжаю домой и с удивлением смотрю на улочки нашего города, которые, конечно же, нуждаются в ремонте. Нет, сейчас дороги стали лучше. И все-таки что-то меня тревожит, что-то коробит, что-то радует. Но в целом я люблю наш город.

2011 г.

Илья Френкель. Песня — пароль дружбы

«Позволительно спросить: где я родился? Отвечаю: 6 ноября 1903 года в Кургане». Эта строчка в сборнике известного советского поэта Ильи Френкеля, признаться, обрадовала меня. Появился репортерский «зуд» — вот бы с ним встретиться! Старейший поэт воевал на гражданской и Отечественной войнах, был зачинателем советской массовой песни, среди которых самая известная «Давай закурим». Такая биография есть не у каждого литератора.

Но ехать в столицу не потребовалось. В 1973 году Илья Френкель вместе с женой Эминэ-ханум приехал в Курган. Здесь мы и познакомились. Стоял май, на улицах города цвет ранет. И мы как на празднике шли по улицам Кургана...

В годы Великой Отечественной войны родилось немало самых душевных песен, которые поют и поныне. Пример тому «Катюша», «Землянка», «Спойте, друзья, ведь завтра в поход», «Эх, дороги». Одна из таких лирических песен «Давай закурим!» появилась в 1942 году. А еще раньше, в ноябре 1941 года, стихотворение под названием «Песенка Южного фронта» было напечатано во фронтовой газете «Во славу Родины». Его автор — старший батальонный комиссар поэт Илья Френкель, автор знаменитого предвоенного марша «Заводы, вставайте» — первого антигитлеровского запева, прозвучавшего по радио 22 июня 1941 года сразу же после выступления Молотова.

О другом своем стихотворении с легкомысленным названием «Давай закурим!» он всегда вспоминал с удовольствием, так как именно оно поставило поэта в ряд самых именитых фронтовых писателей.

В моем радиоархиве хранятся воспоминания поэта — душевные откровения о войне, о людях и — об этой песне.

...Поздняя осень 1941-го на Южном фронте. Снег. Теплый ветер превращает его в слякоть. Из непролазной грязи бойцы едва вытаскивают технику.

Вот в такую тяжелую осень появилось это стихотворение. Что в нем было главное? Уверенность в победе — выстоим, победим и будем вспоминать этот день и друзей-товарищей. А обращение «Давай закурим!» часто звучало на фронте. Оно было сродни душевному призыву к другу: выпьем чайку, что ли, согреемся!

— Военному человеку, — говорил поэт, — закурить означало еще и предметное ощущение связи с домом, с кругом близких. Даже в пословице «Солдат дымом греется» это «греется» связано с теплом, так необходимым в суровое время, в тяжелом и долгом походе. Лишенному уюта и отдыха огонек папироски, запах табака напоминает о чем-то приятном, скрашивает одиночество, успокаивает. «Давай закурим!» — чем плох этот пароль дружбы! Ведь не ко всякому встречному подойдешь с такой просьбой. Тут должно быть чувство доверия.

*Об огнях-пожарищах,
О друзьях-товарищах
Где-нибудь, когда-нибудь
Мы будем говорить.
Вспомню я пехоту,
И родную роту, и тебя —
За то, что дал мне закурить.
Давай закурим, товарищ, по одной.
Давай закурим, товарищ мой!..*

Стихи увлекли близкого друга поэта композитора Модеста Табачникова. Он написал к стихотворению музыку, в одной из командировок в Москву познакомил с песней Клавдию Шульженко. А скоро вышла пластинка с удивительным фронтовым шлягером «Давай закурим!».

— Откуда взялся этот припев? — вспоминал поэт. — Установил я только одно. За моей спиной — годы встреч со множеством людей. И часто поводом к общению служило: нет ли закурить? А то и просто приглашение: давай закурим! Чиркнет огонек, выдохнется струйками колечко дыма — лед разбит. Завязалась беседа, иногда знакомство, иногда и больше, и надольше. Даже некурящий, особенно в состоянии

напряжения бывает не откажется, а то и первый попросит: дайте-ка затянуться... Что же, значит дело не в пагубной привычке, а в стимуле общения.

Песня сделала Илью Френкеля популярным. Он был самым заветным гостем на всех ветеранских встречах. В самых тесных дружеских компаниях за песню провозглашали тост и пили вино – как за человека! Песня «Давай закурим!» встала в ряд таких фронтовых лирических шедевров, как «Катюша», «В землянке», «Эх, дороги», «Споемте, друзья, ведь завтра в поход».

Поэт рассказывал мне, что в годы войны обратились к нему с необычной просьбой – написать песню о ребенке, которого убила война. Мало ли было таких трагедий! Но стихотворение не сложилось – эта тема слишком давила на сознание поэта.

Уже после войны он напишет немало поэтических книг, в которых наряду с «мирными» стихотворениями будут по-прежнему соседствовать стихи о войне и мире. Он останется верным своему званию – фронтовой поэт. Появились и новые песни – теплые, как южный ветерок. В 1950-е годы вся страна пела антивоенный марш «Вставайте, люди, в защиту мира!». Известную многим шуточную песенку влюбленного «Одесский порт», которую исполнял на всех своих концертах Леонид Утесов, я частенько слышал на улицах праздничного Кургана. Едва родившись, «Одесский порт» попал под острие критиков. Илья Львович с улыбкой рассказывал мне, как ругали эту песню с высокой трибуны. Не понравился им герой, который «не поэт, и не брюнет», но умеет любить и готов ждать свою любимую. Критики потом отстали, а песню до сих пор исполняют самые популярные коллективы.

И все-таки тема страшной войны всегда присутствовала в творчестве Ильи Френкеля. В 1973 году, когда он приехал погостить на свою родину в зауральский город Курган, на встрече с читателями поэт прочитал свое давнее стихотворение о войне:

*...Все мы,
все, оглушенные войнами.
Все, кто жег и кто строил мосты,
Все, казавшиеся беспокойными,
Злыми, добрыми или довольными,
Ляжем в угольные пласты...
Но по-прежнему будут вольными
И грядущей жизни достойными
Человеческие мечты.*

Наша дружба продолжалась долго. Она проникала во все мои дела – в репортерские, семейные, какие-то другие, незаметные, но для моего сердца приятные. Приезжая в Москву, я непременно гостил у Ильи Львовича. Тот знакомил меня со своими фронтовыми товарищами. С одним из них, писателем-сатириком Владимиром Поляковым, сценаристом фильма «Карнавальная ночь», мы не раз гуляли по Москве. Владимир Соломонович показывал мне старинные улочки, знакомые ему с детства. Одним из самых близких друзей Ильи Френкеля был Моня – Модест Табачников, автор музыки к песне «Давай закурим!». Весной 1975 года на его «Москвиче» мы с Монею ездили по квартирам генералов Южного фронта, собирая подписи под их письмом в адрес Леонида Ильича Брежнева. Старые командиры надеялись, что генсек, так любивший незамысловатую фронтовую песенку «Давай закурим!» и знавший авторов лично, особо отметит заслуги поэта и композитора. Письмо до генсека не дошло.

Прошли годы. В марте 1994 года ушел из жизни Илья Френкель. Но живет его песня «Давай закурим!», в которой отразилась эпоха, люди и – ненависть к фашизму. Ветераны знают: песня помогала приблизить Победу.

1998 г.

Прилетали в Курган герои

...Маршал Советского Союза Филипп Иванович Голиков не раз навещал Зауралье. Приезжал в свою родную деревню Борисово, что в Катайском районе, где в годы Гражданской войны создавался его полк «Красные орлы». В годы Великой Отечественной командовал войсками Юго-восточного и Северо-западного фронтов, участвовал в битвах под Москвой и Сталинградом.

В 1973 году я находился в Москве на курсах при Государственном Комитете по телевидению и радиовещанию. Уж очень хотелось встретиться с маршалом, расспросить о войне. Репортерский магнитофон был со мной. Буквально за день до отъезда мне позвонил его помощник: приезжайте, Филипп Иванович готов встретиться, но без магнитофона и фотоаппарата. Встреча была слишком короткой. Маршал болел и смог только лишь пожать мне руку. Вот так.

Именем Филиппа Ивановича в Кургане назван широкий проспект в Заозерном жилом массиве.

В Кургане побывало немало легендарных героев Великой Отечественной войны. Гостил у нас Алексей Маресьев. Его принимали так радостно, что он соглашался ехать куда угодно, лишь бы доставить приятное людям. От частых пеших походов Алексей Петрович до крови натер правую культю. Пришлось отстегнуть протез и поставить самый простой — деревянный. Такая нога на время сняла боль, но по песку в пионерском лагере идти было нелегко — деревяшка легко проваливалась. Но дети этого не замечали. На праздничной линейке они восторженно сканировали: «Ма-ре-сьев!». А он поднимал вверх обе руки и приветливо улыбался. Алексей Петрович тогда признался: «Не люблю, когда меня называют легендой. Я как и все фронтовики — ничем не лучше». Рассказал, что о книге «Повесть о настоящем человеке» Алексей Петрович узнал по радио, когда транслировали из нее отрывки. «Всё в ней верно, хотя... Вот роман с девушкой придуман. Но, в общем, красиво». В Кургане его непременно спрашивали: «Почему Борис Полевой изменил в романе его

фамилию Маресьев на Мересьев? «Наверное, подстраховался, — сказал Алексей Петрович. — А вдруг бы я не оправдал его доверия. Мало ли что — а если бы загулял, запил. Тогда многие фронтовики прикладывались к спиртному. Случись такое — книжку пришлось бы запретить...».

Герой Советского Союза Михаил Петрович Девятаев приезжал в Курган в 1970-е годы. Его фронтовая биография прославилась удивительным побегом из немецкого плена, когда он вместе с девятью советскими пленными угнал фашистский сверхсекретный самолет «Хейнкель» и доставил важные сведения о готовящихся к применению на фронтах боевых ракетах ФАУ-2. Однако за свой подвиг был арестован и отправлен в концлагерь. Ему пришлось всё испытать: унижение от немцев и от своих, а затем всенародное признание его подвига. Вот как он сам рассказывал об этом:

— Когда возвратился домой, такого натерпелся! Более 10 лет не признавали. Для всех я все равно был бывшим пленным. Жену Фаю даже выгнали из секретарей комсомольской организации. Люди боялись ко мне подходить. Работать не давали. А однажды услышал в свой адрес: «Сволочь». Такое было время. А в 1957-м году вышел Указ о присвоении мне звания Героя. И тут наступили иные времена. Те, кто еще вчера избегали меня, стали искать повод для встречи, чтобы зафиксировать уважение. Вот так-то!

Сколько на моем репортерском пути встречалось фронтовиков — много, очень много. И у каждого были свои фронтовые истории. Порой, о некоторых эпизодах своей боевой юности они вспоминали с улыбками и шутками.

В мае 1975 года я спешил в Москву по заданию областного радио — записать репортаж о фотографировании молодых героев нашей страны у Красного Знамени Победы. Мне удалось узнать, каким было победное Знамя. Что чувствовали бойцы, когда Знамя Победы развевалось на крыше рейхстага. Как горел поверженный рейхстаг?..

Не каждому журналисту удалось задать такие вопросы фронтовикам. К радости, мне это удалось.

Василий Шатилов. Победное – пятое знамя!

Один из знаменитейших комдивов 1945-го года, причастных к водружению легендарного знамени Победы над куполом рейхстага, Василий Митрофанович Шатилов приезжал в Курган морозной зимой 1974 года. Мне посчастливилось с ним встречаться и даже совершить поездку в г. Щучье в одной компании с ним в обкомовской «Волге». Седой генерал показался мне удивительным человеком – приветливым и даже каким-то родным. Таких, как он, солдаты обычно называют одним теплым словом – батя. Генерал-полковник со звездой Героя Советского Союза называл меня сынком и все время обращался ко мне с вопросами. «Не замёрз?», – спрашивал меня и одобрительно говорил: «Ничего, скоро приедем к моему Литваку, у него и согреемся». Скажу, что Леонид Петрович Литвак – бывший командир взвода дивизии, которой командовал наш гость. Шатилов ехал именно к нему, чтобы позвать руку и вспомнить, как Литвак вместе с другими бойцами первым ворвался в горящий рейхстаг.

Уже потом, в гостях у Литвака, седой генерал смахивал набегавшие слёзы и торопливо задавал вопросы: «А помнишь Неустроева, вот был герой!.. А Илью Сьянова? А Петра Пятницкого?..».

Мне, тогда молодому журналисту, хотелось задать много вопросов Василию Митрофановичу, но, боясь показаться назойливым, я не спешил к разговору об этом. На обратном пути в Курган, разгоряченный теплой встречей, генерал был готов ответить на любые мои вопросы. И я спросил о знамени, которое его бойцы Егоров и Кантария водрузили над куполом рейхстага: каким оно было?

– Девять дивизий штурмовали Берлин и в каждой из них было свое знамя. Наше было пятым, – рассказал Василий Митрофанович. – Эта цифра «5» значилась на древке полотнища...

– Что собой представляло древко?

– Оно было обычным, но мы его покрасили чернилами – красными, нашлись такие в штабе, – в цвет хлопчатобумажного полотнища. Вверху на знамени была звезда, под ней – серп и молот. И по всему красному полотнищу белыми буквами начертали название нашей дивизии: «150-я ордена Кутузова стрелковая Идрицкая дивизия».

Боевой генерал, видевший на своём веку много смертей, о каждом погибшем в апреле 1945-го года солдате и офицере рассказывал с болью в сердце. Он считал всех своих солдат знаменосцами, ибо они приблизили развязку войны. Рассказывая о том, как 30 апреля Михаил Егоров и Мелитон Кантария (как позже оказалось, в водружении знамени участвовал еще один боец дивизии Алексей Берест – светлая ему память!) пробирались в пылающий рейхстаг, Василий Митрофанович рассказал подробности того события:

– С минуты на минуту ждали приказа – пойти на рейхстаг. Был мандраж, нервничали. Всем было понятно: самый решающий бой! Все орудия смотрели на массивное черное здание рейхстага. Танки ждали сигнала в бой. Было ощущение последнего, решающего рывка... Кажется, в час дня завьли «катюши». Они разметали все препятствия на пути к рейхстагу. Все было в дыму и пламени. Потом пошли знаменосцы. Сначала красное полотнище прикрепили к правой колонне со стороны входа, потом под кромешным огнем установили в проеме окна на втором этаже. А затем, когда основательно почистили остальные этажи, бойцы рванулись со знаменем наверх...

Позже этот рассказ дополнил Мелитон Варламович Кантария, который в 1975 году побывал в Кургане. Он привозил на консультацию к хирургу Илизарову свою внучку. После встречи с доктором журналисты телерадиокомпании повезли его к себе в гости. Кантария сидел на мягком диване в кабинете председателя, пил чай, угощался зауральскими «сушками» и отвечал на наши вопросы. Кажется, Юрий Васильевич Хлямков спросил гостя: «Помните, как горел рейхстаг?»

— Это был сплошной ад! — вспоминал Мелитон Варламович. Все горело, пылало, к небу от развалов поднимался черный дым... Мы уже понимали: все, конец войне, рейхстаг разбит. Это победа! Егоров кричит мне на ухо: «Крышка им, Мелитон, одолели их!». А я был словно в шоке. Все грохотало, свистело, завывало.

Самое удивительное: в мае 1975 года я сам «один на один» встретился с тем самым легендарным знаменем Победы. Группу комсомольцев Курганской области пригласили в Москву для фотографирования со знаменем Победы. Я делал репортаж для радио. Когда моих земляков пригласили к Знамени, я включил магнитофон и записал минуту этого радостного мгновения. Была тишина, и её прерывали четкие команды фотографа: «Внимание! Снимаю...». А я устремил свой взгляд на красное полотнище. Оно было удивительно: багровое, как на закате солнце, от него словно излучалась невидимая энергия. Потом мой друг, фотографировавшийся у знамени, будущий Герой Социалистического Труда Юра Набатников, скажет мне:

— Кажется, было горячо. Представляешь, от Знамени словно исходил жар...

1999 г.

Григорий Криволапов. Профессия — защищать Родину

— Это кто в кресле, рядом со сценой?

Адресованный мне вопрос застаёт врасплох. Не знаю. Седовласый генерал со звездой Героя на мундире, ниже — многочисленные орденские планки. Во всей парадной фигуре — доброжелательность. Такой человек по-доброму встретит репортера, расскажет о многом. Это был генерал Криволапов.

Первая встреча с ним состоялась в областном театре драмы на торжестве по поводу празднования 60-летия комсомола. «Не умею давать интервью», — признался генерал. Но потом улыбнулся, положил свою широкую ладонь на мое плечо и сказал: «Ну, если надо, то...».

Разговорились. Оказалось, Григорий Архипович наш земляк, родившийся в 1898 году в деревне Давыдовка. Еще до революции начал работать помощником машиниста в паровозном депо Курган, был в числе первых комсомольцев в городе. Когда он, отвечая на вопросы, упомянул, где воевал, я понял, что человек с такой богатой, яркой биографией — находка для репортера. К сожалению, пришлось ограничиться рамками темы. Дал себе зарок позднее побеседовать с ним подробно.

Но с тех пор не видел его на знаковых мероприятиях. Говорили, что он очень скромный человек, не любит почестей, и что он болен. Верным было и то, и другое. Тогда я, раздобыв номер телефона Криволапова, напросился в гости. Он и его жена приняли меня очень радушно.

Пока на кухне закипал чайник, я огляделся: обычная квартира, без каких-либо предметов роскоши по тем временам, хотя хозяин был генеральского звания. Меня поразило другое: сердечная доброта Григория Архиповича. А ведь за спиной столько гибельных войн, которые, казалось бы, должны сделать его человеком сурового нрава. Но ветеран по-отечески называл солдат и офицеров «мои сынки»... И,

как я понял из разговора, всегда ставил перед командирами задачу: стараться сохранять жизнь бойцов. Знаменательно, что гвардии генерал-майор был награжден орденом Кутузова 2-й степени: этот полководец всегда думал, как уменьшить потери в сражениях. Кстати, эта награда была вручена Криволапову в конце всех его фронтовых дорог — за успешное командование дивизией в Хингано-Мукденской наступательной операции в советско-японской войне 1945 года.

К началу Великой Отечественной у него был большой военный опыт. Он участвовал в первой мировой войне, в которой он, крестьянский сын, дослужился до унтер-офицерского чина. В Гражданскую сражался на стороне большевиков, командовал батальоном. Прошел тяжелые испытания в финской войне. Недаром уже в 1941 году Григорий Архипович за умелое руководство боевыми действиями полка и личное мужество был награжден орденом Красной Звезды и выдвинут командиром 61-й Отдельной морской стрелковой бригады. А в следующем году назначен командиром 263-й стрелковой дивизии.

В сентябре 1943 года генерал-майор Криволапов принял командование 25-й гвардейской стрелковой дивизией, сражавшейся на 3-м Украинском фронте. В этот период особо раскрылся талант военачальника. Мне врезался в память рассказ Григория Архиповича о том, как его дивизия, разгромив группировку противника в районе Синельниково Днепропетровской области Украины первой вышла к Днепру и в ночь на 26 октября 1943 года форсировала реку у села Войсковое (запоминающееся ратное название!).

— Первые части десантников прочно закрепились на правом берегу, — рассказывал ветеран. — Оборона врага была прорвана, захвачен плацдарм. Когда немцы опомнились, они попытались перехватить инициативу, усилив огонь по десанту, почти непрерывно атакуя. Я, считая, что в эти критические минуты мое место там, где решается судьба сражения, переправился вместе со штабом на правый берег

и сам организовал бой частей дивизии со значительно превосходящими силами танков и пехоты противника.

Схватка была яростной. Но дивизии удалось удержать плацдарм до подхода главных сил армии, уничтожив и взяв в плен много вражеских солдат и офицеров, захватив орудия разного калибра, большое количество боеприпасов.

За эти успешные действия дивизии, личный героизм и мужество гвардии генерал-майору Григорию Криволапову в марте 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Кроме того, за ратные подвиги он награжден двумя орденами Отечественной войны I степени, пятью орденами Красного Знамени и многими другими наградами.

В 1945 году отважный комдив окончил курсы усовершенствования офицерского состава при Военной академии Генерального штаба. Командовал бригадой, дивизией. Тридцать лет жизни он отдал профессии — Родину защищать. Вскоре после Победы вышел в запас. А в 1975 году, уже на склоне лет, ностальгия привела его в отчий край.

Сейчас укоряю себя за то, что не сохранил в своей фонотеке голос Григория Архиповича. Постеснялся в тот раз утомлять старика слишком долгой и волнующей беседой о его боевом прошлом. Думал, потом успею еще поговорить с ним о других, не менее героических эпизодах, так как его дивизия освобождала Бухарест, Будапешт, Прагу. Нет, не успел... Григорий Криволапов умер в феврале 1982 года. Но своим именем он навсегда привязал меня. Родная улица, на которой я живу многие годы, Транспортная, в 1980-е годы решением городского Совета депутатов была переименована в улицу Криволапова. Так что я продолжаю свою дружбу с боевым генералом, героем Великой Отечественной Григорием Архиповичем Криволаповым. По-прежнему слышу его тихий голос:

— На войне как на войне. Уходят неизвестными, возвращаются героями.

1984 г.

Георгий Флеров: «Сибиряки сильнее атома»

В марте 1984 года в Курган прибыл пожилой человек. На обывателей этого небольшого сибирского города он явно не произвел впечатления. Человек слегка прихрамывал, при ходьбе опирался на трость. Тогда таких людей в Кургане можно было встретить повсюду: с тростью, костылями и без них, сильно хромящих и едва прихрамывающих. Город являлся центром мировой ортопедии и травматологии, — настоящей Меккой для всех жаждущих вылечиться от хромоты и других недугов конечностей. Поэтому появление этого человека осталось незамеченным для многих. Впрочем, глядя на него, кто-то мог подумать: наверное, пациент клиники доктора Илизарова. Хотя, вряд ли кто решился на такое размышление — для скучающего взора местного жителя человек этот был фигурой чересчур явно незаметной. И только в управлении Комитета Государственной безопасности по Курганской области сделали отметку: некто Ф. — известнейший ученый-физик, носитель тайны в области ядерной физики, прибыл для лечения в илизаровский медицинский институт.

Незаметный человек с тростью был ни кто иной, как один из создателей советской атомной бомбы, Герой Социалистического Труда, многочисленный лауреат, директор Лаборатории ядерных реакций Объединенного института ядерных исследований в Дубне, основатель нового научного направления физики тяжелых ионов академик Георгий Николаевич Флеров. В Курган он приехал по причине вполне банальной, но очень важной для него: показаться хирургу Илизарову по поводу мучавшей ученого боли в тазобедренном суставе. Илизаров посмотрел знаменитого пациента, предложил лечение. Так начался недолгий (чуть больше месяца!) этап жизни великого ученого в нашем Кургане.

А свел меня с гостем его лечащий врач и мой хороший знакомый доктор Феликс Наумович Зусманович. Он сразу же предостерег меня: никому не рассказывай о Флерове, сам понимаешь — фигура со знаком «сов. секретно»! При

слове «секретно» моя кровь заиграла. Так захотелось взять интервью у этого ученого! И вместе с врачом заявился в двухкомнатный гостиничный номер академика с магнитофоном в надежде сразу же взять у него интервью. Но быстро взять интервью не получилось. Мои познания в области ядерной физики простирались не далее школьных познаний об атоме и делении ядра. А говорить с академиком надо было значительно глубже, зная термины, факты и имена. Первая встреча была удивительной и запомнилась мне на всю жизнь. Георгий Николаевич угощал меня необыкновенным чаем с травами и медком, расспрашивал о семье и о жизни в целом. Было ощущение необычайной доброты этого человека, какого-то отцовского внимания. Услышав что-то интересное для него, он ласково произносил «Ишь, ты!», словно удивляясь тому, о чем раньше не слыхивал. На прощание Георгий Николаевич подарил мне свою небольшую книжицу «На пути к сверхэлементам», в которой популярно объяснял читателям об открытии 15-ти последних элементов таблицы Менделеева и о том, что же такое сверхтяжелые элементы и где их можно обнаружить во Вселенной.

Начитавшись о нем в энциклопедии и прочитав подаренную мне книжку, я уже смог представить для себя предмет разговора. Интервью состоялось. Говорил Георгий Николаевич очень тихо, но каждое слово было весомо и значимо. Уже сейчас, прослушивая те магнитофонные записи, я хорошо понимаю, как непростительно мало задал вопросов академику. Видимо, многого я тогда и не знал, а какой-то вопрос задать просто побоялся. Считал, что есть еще и понятие тайны, которую академик не захочет раскрыть. Напрасно так думал. К тому времени Георгий Флеров был научным консультантом художественного фильма об академике Курчатове и многое из этапов создания атомной бомбы уже было рассказано в книгах.

Что предполагало будущие работы над созданием бомбы? Открытие в 1940 году Флеровым и Петржаком спонтанного деления урана. Чуть позже, в конце 1941-го года на фронте

младший лейтенант Флеров приходит к мысли, что уже сейчас, в начале суровой войны, надо готовить новое грозное оружие. Промедление — опасно, так как немцы и американцы, уверен Флеров, уже всю развернули эту работу. Флеров пишет письмо Сталину, в котором убедительно доказывает возможность создания такого оружия и даже предлагает, как это сделать. Говорят, получив письмо, Иосиф Виссарионович хмыкнул себе в усы: «Младший лейтенант думает об оборонеспособности, а куда смотрят все эти академики!» Флерова отзывают из армии и направляют в лабораторию, которая потом станет знаменитым Институтом атомной энергии. В 1949-м году Флеров собственноручно готовит бомбу на испытательной вышке к взрыву. А потом — свершилось! Большой взрыв наделал много шума в мире и поставил нашу страну в ряд держав, имеющих атомное оружие.

Мне Георгий Николаевич рассказал одну историю, которая была особенно памятной для него. Идет война, а они, здоровые мужики — физики, химики, металлурги по специальности, в свободное от работы время рядом со своей лабораторией перекапывают землю под картошку. Научными разработками сыт не будешь! Откуда-то со стороны к ним подошел человек, судя по форме, фронтовик. Я, говорит, в танке горел, а вы, такие здоровые мужики, копаетесь в земле. Я плюю на вас! Надо было видеть, как напряглись лица ученых. И в ответ — ни слова. Один из них едва не расплакался: «Мы разрабатываем самое страшное оружие. А в нас едва не плюют...».

В дальнейшие годы Флеров участвовал в создании реакторов по наработке плутония в промышленных и исследовательских целях и занимался другой важной задачей — поиском сверхтяжелых химических элементов в природе.

Недолгий курганский период жизни академика Флерова особенно запомнился Жанне Анатольевне Зусманович — вдове лечащего врача академика.

— Как-то Феликс Наумович решил показать Георгию Николаевичу наш лес. Тот с радостью согласился. Обком партии решил выделить машину, а они отказались — проще

ехать электричкой. Предварительно Феликс Наумович вместе со своим товарищем Петром Сабатиным выехал на станцию Просвет. Они протоптали в снегу тропинку, набрали еловых веток — для костерка. А наутро, захватив с собой академика, сели в электричку и поехали. В вагоне на лавочку к Георгию Николаевичу сел подвыпивший парень и грубо сказал ему: «Подвинься, дед, я тут сяду». Флеров подвинулся и удивленно произнес: «Ишь, ты!..». Зато в лесу было так хорошо. Они долго ходили по лесным тропинкам, наслаждались лесным воздухом, а потом разожгли костер.

В Кургане Флеров побывал на комбинате «Синтез». Его интересовала идея создания сверхтонкого атомного сита для контроля воздуха в цехе антибиотиков. Об этом он сказал мне в интервью для газеты «Молодой ленинец».

После лечения в Кургане Георгий Николаевич Флеров укатил домой. Но о Кургане вспоминал постоянно, часто звонил Феликсу Зусмановичу и приглашал его вместе с женой погостить у него в Дубне и Москве.

— Как-то мы приехали в Дубну, — вспоминает Жанна Анатольевна, — и сразу же пошли к нему в Лабораторию. Меня приятно поразило, что в кабинете у него был всего один портрет — Игоря Курчатова. Никаких членов Политбюро! Со звездой Героя ни разу его не видела. Говорят, что Золотую звезду он хранил у себя в сейфе и редко прикреплял ее к костюму — не любил парадности.

Вообще, по мнению курганских друзей ученого, Георгий Николаевич не любил ничего официального — представительских встреч, тусовок. А вот неформальное, дружеское общение — это было для него. Поэтому и курганская жизнь была для него своеобразной душевной отдушиной. Он так и говорил: в Кургане легче дышится, намекая на простоту и душевность его жителей.

У него дома была крупнейшая библиотека альбомов по искусству — более 300 и большая фонотека. Когда ездил в заграничные командировки, то на небольшие командировочные — всего-то 30 долларов — покупал альбомы по искусству.

У него был обычный альбом Дали, затем «золотой» Дали и многие другие альбомы выдающихся мировых мастеров живописи. Как-то он показывал альбом Дали и предложил послушать музыку, чтобы она дополняла живопись. И поставил на проигрыватель «Реквием». И альбом сразу же «заиграл», раскрылся и нам было понятно все в картинах Дали...

Он был очень спортивный человек, несмотря на то, что его мучили боли в тазобедренном суставе. Плавал в бассейне. Когда приехал из Кургана (в нашей клинике ему отказали в оперативном лечении), то он поехал во Францию. Там ему успешно поставили искусственный сустав, пообещав гарантию аж на 30 лет. Он тщательно лечился, отрабатывал походку, но с тростью так и не расставался.

В курганской квартире Феликса Зусмановича Флеров был несколько раз. Однажды отведал «зеленого» борща из щавеля, который приготовила Жанна Анатольевна и потом долго удивлялся тому, как было вкусно. Все отмечали особую интеллигентность семьи Флеровых. У сына Георгия Николаевича — Николая — была няня. Когда она состарилась, жена академика Анна Викторовна готовила ей обеды и в судочках отвозила ей домой. «Что могу, то и делаю для нашей милой няни», — говорила Анна Викторовна.

Интеллигентность Георгия Николаевича я ощутил и на себе. Он попросил ознакомить меня с интервью, которое я подготовил для «Молодого ленинца». Его помощник Алексей Николаевич Кузнецов предварительно намекнул мне, что академик не любит неточностей и обычно вносит правки. С чувством тревоги я представил Георгию Николаевичу текст беседы. Он долго читал, а потом произнес: «Все так, как и есть... Молодец, сынок».

Кстати, свое «отцовство» он закрепил автографом, который подписал на своей книжке. Там так и написано «Отцу и сыну Аванесову от дедушки Флерова». Попробуй, разберись сейчас, кем для меня был по родственной линии знаменитый ученый!..

Его называли одним из «отцов» советской атомной бомбы. Хотя ближе всех подошел к ее созданию академик Петр Леонидович Капица. Из гуманных соображений тот отказался от работы над созданием этого страшного оружия массового уничтожения, чем навлек гнев Сталина, но назвал имена людей, которые могут заняться этим проектом, и в первую очередь Иоффе и Курчатова. А Курчатова, в свою очередь, вспомнил тогда Флеров, открывшего спонтанное деление урана. Это было великое открытие, давшее миру новое направление в науке — ядерную физику, которое вполне соответствовало уровню Нобелевской премии. Но сам Альфред Нобель, давший миру динамит, хорошо понимал, чего стоят иные открытия. Согласно своему завещанию он не разрешил комитету представлять к этой премии ученых, создавших оружие уничтожения людей.

Впрочем, Георгий Николаевич Флеров и без того получил огромное признание во всем ученом мире. До конца своих дней он делал науку разнообразной и интересной для своих учеников и последователей. И умер на боевом посту. Когда произошло несчастье на 4-м блоке Чернобыльской атомной станции, он одним из первых улетел в Чернобыль и делал многочисленные облеты на вертолете над взорвавшимся энергоблоком. Как-то накануне отъезда в Чернобыль Жанна Анатольевна позвонила ему в Москву и с тревогой в голосе сказала: «Георгий Николаевич, ведь там же облучение!». Он резко оборвал ее: «Это не телефонный разговор!». Академик Флеров схватил тогда большую дозу облучения, что и способствовало ухудшению его самочувствия, а потом и смерти от рака.

После его смерти в Курган приезжали сын Николай Георгиевич вместе с женой Людмилой. Феликс Наумович Зусманович успешно сделал ей операцию. А потом Николай Георгиевич сказал ему: «Мой отец до конца своей жизни вспоминал ваш Курган и всегда с шуткой говорил: «Сибиряки сильнее атома».

Яков Витебский. Феноменальная личность

Мне казалось: курганский хирург Яков Витебский всегда был в тени своего знаменитого земляка хирурга-травматолога Гавриила Илизарова. Хотя у Витебского личных достижений в медицине было так много, что могли поразить самых выдающихся в мире медиков. Не случайно, его открытия в гастроэнтерологии назвали революцией в медицине.

В одной из курганских газет он напишет: «Трудная цель достигается обычно способностями, помноженными на трудолюбие. То и другое у меня, скорее всего, от родителей. Я врач в третьем поколении (по материнской линии). Много интересовался медициной, любил ее и мой отец, хотя по профессии он не медик. А то, что я стал врачом, — это прежде всего заслуга родителей, убедивших меня пойти после окончания школы не на физмат, куда я собирался, а в медицинский».

Диплом хирурга Витебский получил в Харькове в 1941 году. Диплом с отличием давал возможность остаться ординатором госпитальной хирургической клиники. Но друзья разлетались по белу свету. И ему, молодому Якову Витебскому, захотелось уехать подальше от теплых краев, куда-то в глубинку, где все придется решать самому и брать на свои плечи побольше. Направление на работу получил в город Курган. Где это? На карте нашел далекий тыловой городок Челябинской области — за порогом Урала, в Сибири.

Война только началась. Немцы с педантичностью совершали налеты на Харьков — точно в назначенное время прилетали самолеты, сбрасывали на город бомбы и мгновенно исчезали. Молодого хирурга в институте торопили: учтите — это война, не опоздайте на поезд! Так и случилось: на первый поезд Яков с женой не успел. Потом оказалось, что немцы полностью сожгли тот состав. Уезжали почти последним эшеленом. Яков тоскливо всматривался в окно вагона: город горел, повсюду к небу тянулись шлейфы дыма. Думал о том, сможет ли когда-нибудь вернуться в свой город, в котором было столько личного — радостного и счастливого. Здесь

прошло его детство, здесь повстречался со своей будущей женой Эллочкой — красавицей, каких свет не видывал. Мог ли он тогда думать, что с Курганом свяжет всю свою жизнь, и вся страна признает его как выдающегося хирурга.

Первую операцию проведет в Кургане 20 октября 1941 года. Парень с прободным аппендицитом и перитонитом мог в любую минуту умереть на операционном столе. Молодой хирург был настроен на победу и — спас парню жизнь! Потом он скажет: «Очень хотелось увидеть его улыбку!».

В военное время Яков Витебский был единственным на весь город хирургом. Чаще всего оперировал «с колес», таких случаев было немало, когда надо было срочно спасти человека. Оперировал много, и каждая спасенная жизнь была огромной для него радостью. В 1944 году Яков Витебский провел 1410 операций в эвакуогоспитале и в больнице. Рекордное количество! В 1946-м впервые соприкоснется с американским пенициллином и спасет умирающую девочку. Понятно, такого опыта хватало на всю жизнь. В 1948-м году его, 29-летнего специалиста, назначат главным хирургом области. С тех пор карьера Витебского пойдет круто вверх. Наука не прощает ошибок, а медицина — тем более. Он найдет в хирургии свою нишу, проанализирует все случаи операций. В 1952-м году защитит кандидатскую диссертацию. Ее темой послужило часто случающееся заболевание — заворот слепой кишки. Этот научный реферат поможет потом всем советским и зарубежным хирургам правильно лечить болезнь и создать все предпосылки к скорейшему выздоровлению больных. С того времени он станет большим ученым в области заболевания органов пищеварения. Докторская диссертация поразит бывалых ученых. Член-корреспондент Академии медицинских наук профессор Д. Арапов напишет в отзыве: «Работа представляет собой новое направление желудочно-кишечной хирургии». Его поддержал известный в стране хирург С. Протопопов: «Идеи автора оригинальны. В мировой хирургии подобных исследований нет». Клапанная гастроэнтерология на основе теории язвенной болезни

отныне станет главной темой всей его медицинской жизни. Минздрав предоставит Якову Витебскому проблемную научно-исследовательскую лабораторию хирургической гастроэнтерологии. Разработанные в ней методы позволили в несколько раз снизить инвалидность больных при заболеваниях органов пищеварения и стали основой при операциях онкологических больных.

Витебский всегда и во всем был лидером. Я внимательно всматривался в него и вслушивался в его речь. Видел, как благоговели перед ним хирурги. Их всегда было много — на встречах, декадниках, на конференциях. Для меня, работающего перед микрофоном, его слова были бальзамом. Они лечили, удивляли, предлагали. Речь была логически выверенная, уверенная, с оттенками научности, и в тоже время совершенно понятная. Так могли говорить только люди, отлично разбирающиеся во всех деталях своей профессии. Впрочем, он мог увлеченно говорить и об искусстве. Его кабинет украшала старая картина, выполненная маслом. Пейзаж напоминал работу старых мастеров. Откуда такое раритетное полотно? Оказалось, наследство родителей, которых он перевез в Курган. Я слышал, как он однажды играл на фортепиано. То, что он извлекал из старенького фоно, вызывало восхищение. Думалось тогда об огромной увлеченности старого доктора. Кстати, он собрал огромную коллекцию марок. Мастерски играл в шахматы и был первым чемпионом Курганской области. Чем только не увлекался Витебский! Но главным его увлечением, конечно же, была хирургия. Яков Давидович был удивительным пропагандистом здоровой пищи. В столовой его клиники на обед подавали булочки из отрубей. Он считал такой хлеб самым полезным для желудка. По его просьбе такие булочки продавали во многих курганских магазинах. Самым полезным молочным напитком Витебский считал кисломолочный ацидофилин. В магазинах висели объявления о полезности таких продуктов, подписанные самим доктором. После обеда в палатах, где царствовал Витебский, отсутствовал сон-час.

Такой дневной отдых с желудком, наполненным пищей, он считал вредным. Витебский выступал повсюду с интереснейшим рассказом о полезном питании, какая пища всего полезнее, какая пища разъедает желудок и приводит к язве. Был противником фруктовых компотов (в них совершенно отсутствуют витамины!) и ратовал за черную смородину, которую он называл сибирским виноградом. Об этом он увлеченно рассказывал в моей спортивно-оздоровительной радиопрограмме «Стадион».

Однажды из популярного в то время журнала «Огонек» мне позвонила заведующая отделом науки Ванда Белецкая. Она была в полном восторге от встречи журналистов «Огонька» с курганским доктором. Его выступление произвело фурор. «Отныне все мы будем питаться так, как советует Витебский!» — сказала Белецкая.

Я был свидетелем того, как в 1990 году Яков Давидович стал народным депутатом РСФСР. Это было нелегкое для него время. Оппоненты от обкома КПСС прочили в депутаты своего первого секретаря А. Плеханова. В поселке Лебяжье, где проходила предвыборная встреча, на Якова Давидовича было оказано давление. Не получилось! Витебский стал депутатом. В свои 78 лет он, подобно молодому человеку, решал важнейшие проблемы в жизни страны в ранге депутата. Приезжая в Курган, звонил мне: «Хочу выступить по радио. Запишемся!» Говорил взволнованно, порой, не соглашался с тем, как круто иные политики меняли свои убеждения. Он говорил: «Стране требуется свой доктор. Надо лечить язвы!».

...Смерть Витебского была для меня такой неожиданной. В пятницу позвонил Ленья — младший сын Якова Давидовича. «С тобой хочет встретиться отец, подойди, пожалуйста, в больницу!». Я решил прийти к Витебскому в понедельник, хотя, конечно же, надо было немедленно навестить доктора. В субботу он умер. Все осталось в прошлом: операции, симпозиумы, яркие цветы и бурные аплодисменты. Но слава, как говорят, не проходит. Она будет жить всегда.

Анатолий Рыбаков: «Переживал за все, что творится в России»

На романтических книгах «Кортик» и «Бронзовая птица» одного из самых известных писателей советской эпохи Анатолия Рыбакова выросло несколько поколений юных читателей. Но венцом всей его писательской жизни стал бестселлер «Дети Арбата» — о нелегких судьбах молодого поколения тридцатых годов, о времени трагедий и больших потерь.

— Я много страдал, много радовался и опять страдал, когда в нас хотели вытравить все человеческое, — эти слова Анатолия Рыбакова записаны на моем магнитофоне. Я вспоминаю те дни, когда они были произнесены и в связи с чем. Зимой 1988 года я приехал в Москву на учебу в институт подготовки кадров Всесоюзного Государственного комитета по телевидению и радиовещанию. Теплый январь, в один из таких дней — морозящий дождь, в результате чего моя модная дубленка и новая шапка потеряли свой товарный вид. Но огорчаться было некогда, ибо все вечера заполнены интересными встречами.

Одна из таких — в писательском городке Переделкино. Вместе со съемочной группой Московского телевидения еду на съемку программы о писателе Рыбакове — первой телевизионной записи после многих лет молчания (об этом Анатолий Наумович скажет нам позже, и в его словах я уловил горечь: официальная пресса просто забыла его!).

Вся наша веселая творческая группа — журналист Феликс Медведев, оператор, режиссер, ассистенты, и примкнувший к ним самый нетерпеливый — я. Мне хочется скорее увидеть человека, о котором много говорит вся читающая страна. Его книга «Дети Арбата» только что вышла в издательстве «Советский писатель», купить ее невозможно и даже из лавки писателей том серого цвета уже давно исчез. Мне обещают его достать: из-под прилавка или из рук книжного «бандита» — не знаю. Но только по спекулятивной цене.

...Писательский городок встречает нас легким туманом. Автобус недолго колесит по улочкам, которые напоминают современные дачные постройки: по обочинам деревянные теремки в окружении елей и кое-где высокие заборы. Понятно: личная жизнь писателей — не для обывательского взгляда.

А вот и дом Рыбакова — невысокий, но достаточно широкий. Есть где развернуться маститому писателю! За палисадником сквозь тяжелые ветки елей на нас смотрят большие окна.

Потом я долго буду вспоминать эту встречу, и всегда при этом будет передо мной ...недовольный образ писателя. Он был словно раздражен нашим приездом и даже на вопрос Феликса Медведева — когда начнем запись, ворчливо произнес: а надо ли начинать? И только Татьяна Марковна — жена писателя — пытается оправдаться: извините, Анатолий Наумович ночью плохо спал...

Когда осветитель включил софиты и заработала камера, я не узнал писателя: на фоне книжных полок он выглядел таким, каким я его раньше представлял — седоволосым богом. Он говорил о прожитой жизни, и все ее моменты зримо представляли перед нами.

...Почему в 1933 году его арестовали? «Контрреволюционная агитация и пропаганда» — та же мотивация, что и у героя романа «Дети Арбата». Жизнь только начиналась, я был молод и хотел об этом говорить громко. За что и получил три года ссылки», — рассказывал Рыбаков.

На одной из страничек в Интернете Анатолий Наумович высказался: «Меня часто мучил один и тот же вопрос — почему за высказывание простых истин приходилось так тяжело расплачиваться? Почему тысячи моих сверстников и тысячи других людей ушли «в никуда» за свои убеждения, которые зачастую были так далеки от понятия «враждебные»? Я писал об этом «в стол», не зная, когда и что из этого получится. Мой арбатский двор (теперь там есть мемориальная доска, посвященная А. Рыбакову. — В.А.) — это совсем не

нынешние высотки, а низкие кирпичные дома с уютными двориками и добрыми людьми. Я писал о времени и о том, что сопутствовало ему: аресты, автозаки-«маруськи», тревоги и слезы...».

Нелегким было то интервью Анатолия Рыбакова для программы московского телевидения. Анатолий Наумович волновался. Он несколько раз вытирал платком лицо, потом прерывал съемку, пил холодный чай и пока камера не была включена, снимал с книжных полок сталинские тома из Полного собрания сочинений. Эти книги помогали ему раскрывать образ «отца всех народов». У Рыбакова не было доступа к архивам, но он чувствовал: Сталин так мог думать и так говорить. Книгу «Дети Арбата» он писал от руки, затем Татьяна Марковна отпечатывала страницу за страницей на старенькой машинке и увозила в Москву на окончательную правку. Но это было значительно позже, когда книгу решили печатать.

...Когда вернулся из ссылки, он стал знаменитым писателем. Как легко сказано! Но до этого были годы скитаний: работал водителем, слесарил. Потом воевал, прошел с боями от Москвы до Берлина, был награжден орденами и медалями. И уже потом, в то время, «когда приличные писатели умирали», приступил к тому, о чем когда-то мечтал: стал писать книги. Первый захватывающий сюжет лег в основу самого романтического повествования о Гражданской войне — «Кортик». Затем родилась «Бронзовая птица». Ими зачитывалась детвора, по ним снимали фильмы и делали радиоспектакли. А потом появились «взрослые» романы: «Водители», «Екатерина Воронина», «Лето в Сосняках». Огромную популярность Рыбакову принес роман «Тяжелый песок» — о судьбах евреев России. Писательская слава была обозначена двумя Государственными премиями.

Вот почему при той встрече Анатолий Наумович был так недоволен: о нем, знаменитом писателе, долгое время не говорили. Видимо, еще до перестройки, зная о том, что он работает над громким романом о сталинских репрессиях

сверху была дана команда: не афишировать имя писателя. И вдруг — «Дети Арбата», которые сначала вышли в журнале «Дружба народов», а потом отдельной книгой. Пришли иные, «теплые» времена, и вся журналистская братия разом зашевелилась. Наверное, и такая обида была в сердце писателя.

После телевизионной съемки Анатолий Наумович потеплел, подвел нас к книжным полкам и откуда-то сверху снял тот самый раритет — только что отпечатанный том «Дети Арбата». 20 лет он шел к этому — через чиновничьи отказы, подозрения, обиды. Кто-то предложил сфотографироваться. Щелкнул затвор фотоаппарата — и мы оказались в истории. Слева Феликс Медведев, режиссер Елизавета Парамонова. Мне и Жене Штерну места рядом с писателем не оказалось. Пришлось примоститься в ногах писателя...

Тогда я спросил Рыбакова: не бывал ли он в Кургане? Так хотелось услышать от него: да, конечно... Оказалось — нет. Но к моей радости сообщил, что в Кургане живет писатель Керченко, с которым он встречался в Москве. «Керченко лечил меня своим медком — душевный человек», — услышал я от Рыбакова.

Прошло уже столько лет с той самой встречи. Страсти по «Детям Арбата» уже затихают. Не вызвал особого ажиотажа одноименный фильм. Но нет-нет, и всколыхнется тихая заводь истории, вспыхнет имя писателя Анатолия Рыбакова, который ушел из жизни несколько лет назад. Перед смертью он неожиданно сказал журналисту «Известий»: «Сейчас все шишки на Ленина валят. Я переживаю из-за всего, что творится в России. Мне тревожно, поэтому бывает плохое настроение...».

P.S. И все-таки я — счастливчик. Книгу «Дети Арбата» в 1988-м году я «отхватил» по самой дорогой цене у одного из московских «книгочеев», и она много лет греет мою душу. На ней Анатолий Наумович оставил короткую надпись: «Будет время — читайте. Это и моя жизнь».

1989 г.

Виталий Севастьянов: «В детстве я жил рядом с Курганом»

Космонавт Виталий Севастьянов собирался облететь Луну — не получилось. Программу закрыли. Зато сумел дважды вырваться в космическое пространство: в 1970-м году с Андрияном Николаевым на «Союзе-9» и в 1975-м в паре с Петром Климуком на «Салюте-4».

Июнь 1970-го я запомнил хорошо. В космосе — Виталий Севастьянов! В редакции газеты «Заводская жизнь» Курганского завода колесных тягачей (я работал здесь корреспондентом) появился Дмитрий Николаевич Вагин — инженер из отдела материально-технического обеспечения. «Вы разве не знаете? Виталий Севастьянов — мой племянник!» Вагин был на седьмом небе, как будто сам только что приземлился из космоса. Вот так эта радость стала нашей общей. Мы соорудили в редакции праздничный стол, по этому случаю нашлась бутылка портвейна. Мы уже мечтали, что Севастьянов обязательно прилетит в Курган — ведь в детстве он некоторое время жил в деревеньке Говорухино, рядом с Курганом! И, конечно же, навестит своего родного дядю и непременно побывает на нашем заводе...

Через два года, весной 1972-го, мой вечный «куратор» Феликс Медведев сумел разыскать телефон космонавта и договориться о встрече с ним. «Приезжайте к вечеру ко мне домой», — пригласил нас обоих Виталий Иванович. Таким образом, 27 апреля 1972 года мы вдвоем «дежурили» у подъезда элитного московского дома. Он примыкал почти вплотную к шумной улице Горького и соседствовал с памятником Юрию Долгорукому. Ждали недолго. К семи часам к подъезду подрулила легковая машина, и вышел он — космонавт и почти мой земляк. Высокого роста, по-спортивному подтянутый. «Заждались, не замерзли?», — спросил нас Севастьянов. И когда вошли в квартиру, к нам вышла его жена Аля, а дочка Наташа с любопытством выглянула из-за двери. Вся семья космонавта была в полном составе.

При том разговоре Виталий Иванович Севастьянов назвал себя уральцем — ведь родился в Красноуральске Свердловской области. Говорил об этом с гордостью и легко, почти наизусть называл города и даже села, что на географической карте вряд ли найдешь, а в памяти его зацепились.

— А вот Говорухино, деревенька, недалеко от Кургана, у вас еще жива? — он с любопытством посмотрел на меня, словно проверяя, знаю ли я такое село.

Говорухино? Конечно же! И тут в разговоре мы подошли к едва заметному факту его громкой биографии — небольшой зауральской деревушке, где он когда-то недолго жил. Сюда его когда-то увезла мама к своим родственникам. В этой семье была корова, рядом — лес, воздух прекрасный. Почти как на курорте! Деревня жила тогда своей привычной провинциальной жизнью. Утром выгоняли коров на пастбища, пастух шелкал кнутом и этот звук будил его. Вечером корова возвращалась домой и уж тогда обязательно наливали ему стакан теплого парного молока. «Пей, пей сынок, — ласково говорила тетя. Помня наказ мамы, Виталий, морщился и пил молоко — для того, чтобы не болеть! Виталий Иванович с улыбкой вспомнил, как бегал он от гусей, которых сам же задирали. Однажды, один из гусей даже ловко ущипнул его за ягодицу — отметина долго не сходила.

Впрочем, южный город Сочи — тоже его родина.

— Я же в Сочи пошел в школу, — вспоминал Виталий Иванович. — На каникулах мальчишкой ходил матросом на прогулочном катере: подавал концы, драил палубу, до блеска начищал медяшки. Закончил школу — и поехал в Москву поступать в МАИ.

Кстати, на 4-м курсе Севастьянов получал именную стипендию имени авиаконструктора Поликарпова. Его студенческая дипломная работа была посвящена возвращению космического корабля с орбиты искусственного спутника Земли. Она получила премию на Московском городском смотре.

— Я уже тогда был зачислен в штат ОКБ-1 Королева, — вспоминал Виталий Иванович. — Гордился этим и

тогда твердо понял: обязательно полечу в космос! Нашим отделом руководил человек легендарный — Михаил Клавдиевич Тихонравов. Он создал первую жидкостную ракету и первый искусственный спутник.

В те времена отдел работал над первым в мире пилотируемым космическим кораблем. Виталий писал диссертацию и читал будущим героям космоса лекции по механике космического корабля. Он хорошо помнил, каким внимательным слушателем на его лекциях был Юрий Гагарин.

В 1966 году Виталия приняли в отряд космонавтов. Родителям об этом счастливом факте сообщил не сразу: думал, а вдруг отчислят? Все в жизни бывает. Да и его курганские родственники считали, что Виталий занимается только наукой.

Дорога в космос была нескорой. Его первые слушатели уже летали в космос, а он все ждал. И только в 1970-м Севастьянова допустили к полету. Это был первый по продолжительности полет — 18 суток, и проходил он тяжело: Андриян Николаев чувствовал себя неважно, ему приходилось не раз консультироваться с врачами. Севастьянов справлялся с заданием превосходно, с удовольствием поглядывал в иллюминатор. Земля казалась ему загадочной, особенно в ночные часы, когда можно было увидеть огни больших городов.

Спустя три года он вновь полетит, и свой сороковой день рождения встретит в космосе.

...В тот вечер 27 апреля мы говорили и об увлечениях. У Виталия Ивановича — огромная библиотека. Разговорились о книгах. Оказывается, одна из его книжек размером почти в спичечный коробок — «Шолохов. Избранное» вместе с ним побывала в космосе. Такого же маленького «Шолохова» потом приобрету и я, и эта удивительная книжечка будет долго напоминать мне о той встрече с космонавтом.

Виталий Севастьянов так и не побывал в нашем городе. Хотя гостили у нас многие космонавты. Не однажды залетал к нам Владимир Шаталов, бывали Светлана Савицкая,

Василий Лазарев, Борис Волинов. Давно, в год одного из юбилеев нашего города, я говорил по телефону с Владимиром Александровичем Шаталовым, записывал его поздравление. Тот обещал приехать на праздничные торжества в Курган вместе с Виталием Ивановичем. Но — не судьба. С тех пор наши дороги не пересекались. Я не раз видел Севастьянова на экране телевизора. Он вел передачу «Человек. Земля. Вселенная». Или в ранге депутата выступал на трибуне Верховного Совета РСФСР. Дважды Герой Советского Союза был далеко не парадным героем космоса. Он горячо переживал за нашу страну, не скрывал своих коммунистических убеждений, резко критиковал руководство страны за неурядицы в жизни новой России. Не всем это нравилось. Когда в июле 2005 года в Сочи в городском парке «Ривьера» на Аллее космонавтов ему открывали памятный бюст, то никто из местных руководителей края и города не удосужился прийти на это событие. И только лишь жители города и ветераны-ракетчики пожелали герою космоса здоровья. В это время, увы, именно здоровья Севастьянову не хватало. Он умер 4 апреля 2010 года и нашел упокоение рядом с могилой жены.

2010 г.

Андрей Вознесенский. Несостоявшееся возвращение

Знаменитый русский поэт Андрей Вознесенский мечтал побывать в Кургане, где в 1941-м году он жил в эвакуации. Но местный обком партии тогда строго-настрого запретил. В этой печальной истории замешан я и мой друг Феликс Медведев.

У каждого времени — свои кумиры. Они прочно входили в нашу жизнь, делали ее интереснее и свободолюбивее. Мои годы — 60-е, 70-е прошлого века были наполнены поэзией Марины Цветаевой, Анны Ахматовой, молодых Евгения Евтушенко, Беллы Ахмадулиной. Мы распевали под гитару и без нее Окуджаву. И, конечно же, зачитывались Андреем Вознесенским. Купить книги этого архитектора стихосложения в нашей стране было трудно, а вернее — невозможно. Книготорг прежде всего работал на советскую и партийную элиту. Запрещенного когда-то «Мастера и Маргариту» Булгакова охотно читали в партийных кабинетах. Печатавшиеся томики стихов Цветаевой (вспоминаю уникальное челябинское издание «Мой Пушкин») сначала шли в руки партийных секретарей. Эти книги я как-то обнаружил в библиотеке бывшего руководителя обкома, который с развалом КПСС превратился в «бунтаря духа и чрева». В этом состоянии он уже не ценил книги и охотно продавал их. Так моя библиотека пополнилась весьма ценными изданиями. В том числе и книгами Андрея Вознесенского. Его стихи, бунтарские, и как мне казалось, не подцензурные, всегда будили во мне чувства новизны и сострадания. Сейчас, когда на глаза наплывает непрошенная слеза (увы, не стало Вознесенского!), вспоминаю его вопросительную строчку:

*А может, милый друг, мы впрямь
сентиментальны?
И душу удалят, как вредные миндалины?*

*Ужели и хорей, серебряный флейтист,
Погибнет, как форель погибла у плотин?
Ужели и любовь не модна, как камин?
Аминь?*

*Но почему ж тогда, заполнив Лужники,
Мы тянемся к стихам, как к травам от цинги?
И радостно и робко в нас души расцветают...*

Но это лишь предисловие к давней скандальной истории с несостоявшейся поездкой Андрея Вознесенского в Курган.

В 1979 году мой друг, заведовавший отделом поэзии журнала «Огонек» Феликс Медведев, привел меня в Центральный Дом литераторов на творческий вечер Андрея Вознесенского. Как всегда на всех его поэтических встречах — масса любителей поэзии. Полный зал восторженных людей в партере и на небольшом балкончике. Некоторые из счастливиц, среди которых были и мы с Феликсом, расположились прямо на сцене. Он читал свои стихи как великий артист.

Потом за сценой — короткая встреча с Андреем Андреевичем. И как удар током: «Вы из Кургана? Неужели? А я когда-то жил в вашем городе на Станционной. Моя первая школа — в Кургане...». Вконец растерявшийся от такой новости, я робко приглашаю Андрея Андреевича в Курган. «А что?», — спрашивает он себя. И тут же торжественно заявляет: «Приеду. Обязательно».

Гораздо позже свою курганскую жизнь он опишет в своей прозе «Кроны и корни». «В эвакуации мы жили за Уралом. Хозяин, который пустил нас, Константин Харитонович, машинист на пенсии, сухонький, шустрый, застенчивый, когда выпьет... Жилось нам туго. Все, что привезли, сменяли на продукты. Отец был в ленинградской блокаде. Говорили, что он ранен. Мать, приходя с работы, плакала. И вдруг отец возвращается — худющий, небритый, в черной гимнастерке и с брезентовым рюкзаком». (Собр. соч., том 1, М., «Худоожественная литература» 1983 г.). А далее — описание той

радостной встречи и знакомство с удивительной книгой, которую отец вместе с продуктами привез сыну, — альбом под названием «Гойя». Эти иллюстрации вместе с грустными впечатлениями войны, поразили юного Андрея. Как память о той курганской встрече, в 1959-м он напишет стихотворение «Гойя» — трагический реквием войне.

В Кургане Андрей пошел в первый класс. Учился в 30-й железнодорожной школе — рядом с домом и вокзалом. Гудки паровозов будили по ночам. И не давали дремать во время уроков.

...Вот так я стал заложником того приглашения. Спустя год представился случай привезти Андрея Вознесенского в Курган. Курганский обком комсомола готовил на первую декаду января 1980 года конференцию. Сережа Еловских, один из аппаратчиков, едва ли не прослезился, узнав, что известный поэт Андрей Вознесенский сможет принять участие в концерте для делегатов конференции.

Кстати, были договоренности и с другими залами, в которых по случаю приезда Вознесенского планировалось даже отменить новогодний утренник. Яркая комета по имени «Андрей Вознесенский» уже появилась на ночном курганском небосводе. Все ждали одного — встречи.

Не состоялось! За два дня до приезда в Курган Вознесенского, а с ним и Медведева, меня пригласили в обком КПСС. Разговор был короткий: «Сделай все, чтобы Вознесенский не приезжал в Курган. Иначе оставишь у нас партбилет». Подобные угрозы были высказаны и руководителю телерадиокомпании Геннадию Артамонову: «Приедет Вознесенский — останетесь без работы».

За что такая немилость? Тот же партийный чиновник нравоучительно заявил мне: «Вознесенский и его друзья опозорили нас перед всем миром. Самиздатовский «Метрополь» издали. Решили покрасоваться!..»

Признаться, я ждал вызова в КГБ. Было чувство, что вот-вот разорвут и выбросят. Решаюсь сообщить об этом Вознесенскому, у которого в кармане два билета на самолет

в Курган. Но его нет в Москве. Вместе с Медведевым они проводят поэтические встречи в Подмосковье.

Звоню жене поэта Зое Борисовне Богуславской, что-то жалостно рассказываю ей о невозможности Кургана принять столь высокого гостя. Она долго молчит, а потом как приговор звучат ее слова: «Андрей Андреевич обидится. Он так хотел побывать в городе детства. Жаль».

— Ты понимаешь — это срам, посмешище! — грохотал Феликс Медведев. — Вознесенский — лауреат Государственной премии, перед ним открыты все двери. А ваш обком наложил в штаны...

Чуть позже Вознесенский подпишет мне свою прекрасную книгу «Витражных дел мастер». На лицевой обложке он оставит надпись «Вячеславу из Кургана с добрыми пожеланиями». На просьбу об интервью последовал отказ...

Что потерял Курган, не встретив тогда большого поэта? Об этом я часто задумываюсь. Но мои рассуждения уже не волнуют никого. В своей поэзии он не отразил город далекого детства. Хотя мог бы, если бы не тот запрет. А в прозе о моем городе Вознесенский все-таки оставил короткие воспоминания, — порой, безрадостные, но удивительно меткие. Больше всего меня поразила одна строчка: «Ответьте детству! В какую дыру забросила нас эвакуация, но какая добрая это была дыра!». В своих мемуарных зарисовках он написал о нашем хирурге Гаврииле Илизарове, с которым встречался в Москве, наградив его самыми высокими эпитетами.

Пересматриваю книги Вознесенского. И неожиданно нахожу финальную, поэтическую стрелочку из его «Прощания с Политехническим». К кому она обращена? А может быть и к нам тоже:

Я вас не знаю.

Я вас — люблю.

2010 г.

Терентий Мальцев: «Матушка-земля покоя не дает»

Терентий Семенович Мальцев был одним из самых знаменитых людей советской эпохи. Лично встречался со Сталиным, Хрущевым, Брежневым, Андроповым, маршалом Жуковым, писателями Шолоховым, Эренбургом и другими выдающимися людьми той эпохи. Без его имени невозможно представить минувшее столетие. В 1992 году удостоен звания «Почетный гражданин России». Он прожил большую жизнь, восславил Курганскую область и в целом великую науку о земледелии, оставив завет: «Любить и беречь землю».

Говорить о нем можно много, ведь это был человек самых разносторонних интересов, неравнодушный, знающий многое о культуре, нравственности, философии. Но надо сказать о главном предназначении его жизни — служении Земле.

В одной из своих статей он написал: «Служить земле, умножать богатство хлебного поля — одно из самых благородных и прекрасных дел. Я был счастлив, что мне довелось свою жизнь посвятить высокой и нужной всем профессии хлебороба». Не удивительно, что в документальном наследии Терентия Семеновича — большие статьи, заметки, сотни фотографий. Все они говорят о нем, как об удивительно интересном человеке, наполнены искренней любовью к родной земле и — заботой о ней.

Многое из того, что земледелец Мальцев видел, заставляло его тревожиться и откликаться на эту боль. «Матушка земля, наша кормилица» — так ласково говорил он о любимой земле, на которой выращивали хлеб миллионы российских крестьян. Мальцев не ограничивался поэтическим любованием природы, он вставал грудью на защиту окружающей среды. «Вроде бы, следуя разуму, мы должны всячески оберегать земное плодородие от разрушения, не грабить его, а обогащать, но к стыду нашему мы замахнулись и на эту святыню, на этот родник жизни».

Свидетели той жизни вспоминают, как Мальцев боролся с применением ядохимикатов, которые, по его мнению, меньше уничтожали сорняки, а больше всего губили природу. Он радовался пению птиц и огорчался, когда птицы покидали отравленные ядохимикатами края. «Боль за природу, за варварское отношение к ее ресурсам не дают мне покоя. Экологическая катастрофа, которая все больше становится суровой реальностью, требует глубокого осмысления, выхода из сложившейся ситуации», — писал Мальцев в марте 1990 года Э.А. Шеварнадзе.

Терентий Семенович разработал знаменитый плуг, названный его именем. Такой металлический землепашец приумножал плодородие почвы. Возможно, и с его помощью на полях сибирского Зауралья мальцевская пшеничка радовала по осени богатым урожаем.

В мальцевской формуле обращения с главным богатством человека — землей — всего четыре составляющих: «Смотрю я на родную землю и думаю, как нужны ей крепкие и заботливые руки, нужны знания, любовь и бережное отношение».

Как мудро и просто.

Терентий Семенович призывал любить и беречь землю до самых последних своих дней и с помощью документального наследия продолжает призывать и теперь. «И перекликая старость (мне уже 95 лет) не дает мне покоя думать о нашей матушке-кормилице — земле: она в окошко стучится, спать мне не дает», — одна из последних записей Терентия Семеновича.

Он не дожил до своего 100-летия всего один год.

...Что любил и чего не любил Терентий Семенович?

Как и любой человек, Мальцев любил и ненавидел, соглашался и возражал. Он был хорошим оратором, умело раскрывал тему выступления, писал грамотно (вопреки мнению некоторых!), встречался и дружил со многими людьми, чьи имена были на слуху у всех. Любил фотокорреспондентов и знал, как надо фотографироваться. Уважал бывшего фотокора «Советского Зауралья» Григория Леонтьева, ко-

торый частенько дневал и ночевал у Терентия Семеновича, запечатлевая своей камерой привычный образ жизни сельского академика. Те снимки сохранили весь его быт до мельчайших подробностей — дома, в своей библиотеке, с детьми и внуками, за чаем и в поле, в беседе с известными гостями и случайными спутниками. Почти как в быту у Льва Толстого, чей образ хранится на многочисленных снимках. Можно сказать так: Терентий Семенович по-прежнему жив благодаря фотографиям, которые сохранили знаменитого земледельца во всем его характере: он мудрый, веселый, грустный, спорящий, увлеченный, влюбленный.

Дальше мы послушаем размышления Александра Михайловича Сметанина — давнего друга Терентия Семеновича. Признаюсь: я задавал ему вопросы не очень удобные: почему Мальцев не любил вино и... длинные бороды журналистов, почему с ним боялись встречаться юные особы в коротких юбках или в брюках? Правда ли то, что самый строгий генсек КПСС Андропов, будучи тяжело больным, нашел время встретиться с Мальцевым в Кремлевской клинике? И почему Хрущев критиковал нашего Терентия Семеновича?

И вот как на эти вопросы отвечал Александр Михайлович.

Мальцев никогда не пил. Мне он как-то рассказал о конкретном случае. В 1921-м году, когда пришел из немецкого плена, его пригласили на свадьбу родственницы... Он с удовольствием выпил стакан самодельного пива и немножко браги, принимая эти напитки за квас. Ему стало весело, даже пошел босиком во пляс. Мне он сказал: до сих пор чувствую, как «горят» подошвы от этой пляски! После этого болел — банальное отравление желудка. Уже потом, значительно позже, он предлагал приехавшим гостям чай с коньячком. Для согрева, что ли. А так он был истинным трезвенником. (На фотографии из моего архива Т.С. запечатлен с рюмкой. Он в гостях у немцев и придерживается традиции — выпить за дружбу. Но в его рюмке — минеральная вода! — В.А.)

Самым любимым напитком Мальцева был обыкновенный чай. Я и сейчас пью чай по-мальцевски. Этот рецепт очень прост: сыпаю в кружку несколько щепоток чая разных сортов, кидаю два-три кусочка сахара, заливаю только кипятком и закрываю крышкой. Потом даю чаю настояться и пью в свое удовольствие! Наши «чайные» беседы с Терентием Семеновичем порой затягивались до позднего вечера. Это было его любимое угощение!

По поводу того, что Мальцев не любил мужчин с бородами. Как-то к нему приехали столичные телевизионщики, чтобы снять для телевидения заседание товарищеского суда в Канашинской МТС. У одного из журналистов была густая черная борода. Терентий Семенович с серьезной миной на лице его спросил: о-о, наверное, вы издалека! А почему — удивленно спрашивает гость. — Так вы, наверное, долго ехали и успели отрастить такую бороду! Мальцев шутил беззлобно, но со стороны казалось, что он не любит бородатых. Хотя и говорил: бороды надо отращивать тем, у кого есть недюжинный ум. Вот Карл Маркс, посмотрите на него — какая борода! Я не против таких. А у нас бороды отращивают ради моды.

Вы говорите, что Мальцев не любил короткие юбки. Да, его любимой внучке Татьяне нередко доставалось за то, что она носила брюки. Это, наверное, от его старообрядческих корней. Мы ведь знали, что отец Терентия Семеновича был из двоедан.

Меня интересует история встречи Терентия Семеновича с Генеральным секретарем ЦК КПСС Юрием Владимировичем Андроповым. Ведь в то время генсек был смертельно болен. Спрашиваю об этом Александра Михайловича.

— У Мальцева было огромное желание встретиться с Андроповым. Он видел: народ спивается, село мельчает, настоящих мужиков нет. Да еще на приглашении, высланном ему лично в руки, он к неудовольствию увидел напоминание: где, в каком магазине можно купить такое-то вино. С таким приглашением он и пришел к Юрию

Владимировичу. Терентия Семеновича сразу попросили не злоупотреблять временем Генерального секретаря: каждая минута у руководителя партии на вес золота. Но к радости Терентия Семеновича Андропов продлил время встречи и разговор с ним получился на совесть. Говорили о молодежи, ее воспитании и о борьбе с пьянством и алкоголизмом. На прощание они даже обнялись. Андропов сказал: желаю вам здоровья, живите долго, вы нам нужны! На что Мальцев ответил: именно вам я желаю большого здоровья, именно вы нам нужны!

Кстати, еще при Хрущеве Терентий Семенович остро говорил о пьянстве в обществе. Как-то на одном из совещаний он с трибуны сказал такие слова: у нас много сладкого — в стране производят много сахара, но это сладкое нередко превращается в горькое. И тогда Хрущев спросил Мальцева: а что надо делать, предлагайте! Мы рассмотрим!

Мальцев был общенародным любимцем. Почитали за честь познакомиться с ним многие самые выдающиеся люди. Всем он был интересен — этот шадринский возмутитель спокойствия, который выращивает хлеб, философски размышляет, смело вмешивается в жизнь, помогает и по-государственному мыслит. На фотографиях он с маршалом Жуковым, писателем Шолоховым, с другими выдающимися деятелями советского государства. К нему, в село Мальцево, приезжали лично Никита Хрущев и Леонид Брежнев. Здесь выступала с концертом знаменитая русская певица Людмила Зыкина — пела для Мальцева и его односельчан. Может быть, на здании сельского Дома культуры, впору вывешивать памятную доску: здесь бывали такие-то и такие-то!

...Терентий Семенович покоится на тихом сельском кладбище. И сейчас к нему по-прежнему тянутся люди. Одни — с любопытством. Другие с любовью. Пройдут годы, и наши внуки по-своему будут думать о Мальцеве. С улыбкой. С надеждой. С уважением. Он это заслужил.

2002 г.

Мария Ковригина. Министр времен Сталина и Хрущева

Ее называли по-разному: человек-легенда, хрущевская ослушница и даже так: министр, снявшая запрет на аборт. В марте 1986 года, за месяц до ее окончательного ухода на заслуженный отдых, я встретился с ней в руководимом ею Центральном институте усовершенствования врачей Минздрава СССР.

Мария Дмитриевна восседала в глубоком кресле. В то время ей было 75 лет, но она не походила на старушку. Была крепка собой, смотрела на меня из-под очков строго, словно старалась понять: кто я и чего стою. Я даже подумал: вот она, бывший министр в юбке, не боявшаяся самого Хрущева! Словно услышав мои мысли, Мария Дмитриевна неожиданно сказала мне: «Не пугайтесь. Я добрее, чем вы думаете. Это по молодости я была задирой!». И улыбнулась. Она знала: журналист, приехавший к ней на встречу, был ее земляком из Курганской области.

Встреча была непродолжительной. Мария Дмитриевна готовилась к совещанию. Чувствовалась торопливость. Постоянно звенел телефон. Но меня приняла радушно. Предложила чай, я учтиво отказался. Не хотел обременять Марию Дмитриевну по пустякам. Мы говорили о родном ее Катайске — небольшом городе в Курганской области. В селе Троицком Катайской волости она родилась в многодетной семье. Это произошло 6 июня 1910 года. Всегда была заводилой. Руководила пионерской организацией, прошла через комсомол, училась в Свердловском мединституте. Мы говорили о ее комсомольской юности.

— Это самые милые, самые дорогие моему сердцу воспоминания. Сейчас мои комсомольские годы представляются необыкновенно бурным, стремительным потоком, который не мог быть остановлен ни на один день, ни на один час.

Чем мы только не занимались! Ликвидация безграмотности, распространение государственных займов, хлебозаго-

товки, борьба с кулаками, организация сельскохозяйственных артелей. Мы организовывали избы-читальни, первые детские сады и ясли, субботники. Учились в кружках политграмоты и одновременно учили этой важной грамоте других.

Надо было отвлекать молодежь от пьянки, хулиганства, занимать их досуг. Мы организовали самодеятельный молодежный ансамбль под названием «Красная рубаха». Малограмотные батраки и батрачки в «Красной рубахе» успешно выступали, раскрывали свои природные таланты. Чтобы привлечь в комсомол девушек, искали новые формы работы, которые были близки им. Так возникали «красные посиделки», «вечера молодых прях».

Я была тогда членом бюро Катайского райкома комсомола многих составов. Кто, как не районный комсомольский актив, должен был доводить решения нашей коммунистической партии и советского правительства до народа, до самых отдаленных сел и деревень?!

И вот «едешь» на своих двоих по всему Катайскому району. Надо проводить комсомольское собрание в селе Пески, а на другой вечер в селе Петропавловском. После собрания — вечер молодежи. Тут уже выступаю в роли актера — читаю стихи. Знала я их великое множество. И даже на конкурсе чтецов-декламаторов в 1927 году в Далматове завоевала первую премию. А учила я стихи в дороге: от Катайска до Шутихи, от Шутихи до Зырянки. Ох, и хорошее это время — комсомольская юность!

Из той молодой жизни наиболее запомнилось лето 1929 года. Пекин пробует крепость наших дальневосточных границ, разгорается военный конфликт на КВЖД. Этой агрессией Китая возмущены и мы, комсомольцы Катайского района. Каждый из нас готов защитить свою Родину. Срочно организуем кружки по изучению винтовки, пулемета, устава Красной Армии.

Решаем поднять по боевой тревоге комсомольцев Катайска. О том, что это только «игра», знаем всего лишь трое. Извещаем комсомольцев: завтра явиться на станцию

к поезду, идущему на восток. При этом строго напоминаем: едем защищать Родину. С собой взять кроме комсомольского билета смену белья, питание на двое суток, чашку, ложку, кружку. Домашним и никому другому ничего не говорить, а оставить короткую записку: «Уехал защищать Родину». За час-полтора до прихода поезда мы все, кому было сказано, явились на станцию с заплечными мешками и котомками. Внешне каждый старался казаться спокойным, скрыть свое душевное волнение, но выдавали лица: сосредоточенные, бледные, и глаза, которые вдруг у всех стали очень серьезными и строгими.

Через нашу станцию дальневосточный поезд проходил ранним утром, на рассвете. Мы выстроились на перроне, ждем. Станция наша небольшая, поезда на ней стоят недолго. Минута — и поезд медленно отходит. Мы расходимся по домам и, первое, что мы делаем, — уничтожаем свои «прощальные» письма. Их никто не читал, наши родные еще только начинают просыпаться.

На всех нас эта «боевая тревога» произвела огромное впечатление. За одну короткую летнюю ночь и это ясное утро мы как-то сразу выросли и очень повзрослели.

Мы говорили о профессии врача. Мария Дмитриевна сказала:

— Настоящий врач тот, кто больше жизни любит объект своей работы — Человека. Любит до самозабвения, до самопожертвования. Тот, кто способен ежедневно, ежечасно, не смотря ни на что, вступать в борьбу за спасение человека.

Я задал Марии Дмитриевне вопрос: как она пришла в министерство?

— Мне предлагали работу в наркомате здравоохранения, я отказывалась. Это было во время Великой Отечественной войны. Мне было очень важно организовать работу эвакуационных госпиталей на Южном Урале. Я не могла бросить дело и уехать в Москву. Но в сентябре 1942-го наркомат настоял. И я была назначена заместителем наркома здравоохранения...

В 1942 году члена правительства Марию Ковригину поселили в пятикомнатную квартиру Анны Аллилуевой, старшей сестры жены Сталина, живших в знаменитом Доме на набережной. Чтобы не стеснять хозяйку и ее родственников, Мария Дмитриевна, обустроилась с дочерью в кладовке. Но жизнь в этих «прекрасных» условиях не сложилась. Часто бывавший здесь сын Сталина Василий постоянно устраивал ночные пьянки с матом и битьем посуды. Вдоволь насмотревшаяся на эти скандалы, Мария Дмитриевна решила сменить жилье. Новую квартиру получит на улице Серафимовича. Здесь она будет жить вместе с дочерью Таней, племянницей и двоюродной сестрой Марией Алексеевной Дедюхиной, которая будет вести домашнее хозяйство. В этой квартире царила доброта, всегда было взаимопонимание. И теплый домашний уют помогал Марии Дмитриевне расслабиться после тяжелой работы в министерстве.

Казалось, она легко поднимается по служебным ступенькам: министр здравоохранения РСФСР, заместитель министра, а затем и министр здравоохранения СССР. Но сколько было трудностей! Она могла позволить себе обратиться лично к Сталину с резким письмом относительно проблем в медицине. Тот обижался, но прощал ее, заявляя при этом: «Много женщина берет на себя». Здравоохранению не хватало помещений, оборудования, лекарств и даже простых бинтов, марли и йода. Об истинном положении дел в борьбе с туберкулезом Ковригина докладывала на сессии Верховного Совета СССР. Ее волновали проблемы детской смертности. Она была тревогу в связи с недопустимо высоким уровнем загрязнения стронцием-90 после испытания ядерных зарядов на территориях Семипалатинска и Новой Земли, предлагала новые стандарты предельной концентрации стронция-убийцы. В ЦК не соглашались с ее требованиями и считали их завышенными. Ковригина первой высказалась о вреде выбросов промышленных предприятий. Убедительно, с конкретными фактами и цифрами она доказала: такая порочная практика ведет к беде. На партийной

конференции, где она рассказывала об этом, ее освистали, а Хрущев сидел с багровым лицом. «Вы — незрелая коммунистка», — скажет он министру.

Сколько было таких тревог, когда ее карьера могла закончиться бесповоротно. Она торопилась жить и сумела сделать многое для советских женщин: подготовила указ о материальной помощи многодетным и одиноким матерям. С ее помощью появилось звание «Мать-героиня» и был учрежден орден «Материнская слава». Увеличила продолжительность отпуска по беременности с 77 до 112 дней.

Именно М.Д. Ковригина отменила 1 ноября 1955 года запрет на аборт, действовавший с 1936 года. Этот день стал настоящим праздником, ибо снятие запрета, из-за которого женщины нередко шли к «бабкам» и калечили себя, дало возможность им самим решать свою судьбу. Немногие знают, что в тридцатые годы аборт был платным. Стоил он 50 рублей при средней зарплате в 80. После введения запрета на аборт интимная жизнь женщины стала делом общественным. На предприятиях и в домовых комитетах состояли люди, в обязанность которых входило уведомлять компетентные органы о беременности сотрудниц или домохозяек на ранних сроках, дабы предотвратить попытки прервать беременность.

Женщины боялись поделиться своими проблемами даже с мужьями. Врачи же, оказывавшие медицинскую помощь не желавшим рожать, отправлялись в лагерь. Эту ситуацию и пыталась изменить Ковригина, одолевшая противников своего революционного решения, включая самого Хрущева. Поговаривали, что Никита Сергеевич побаивался своего министра, дружившего со многими известными на весь мир персонами: Элеонорой Рузвельт, Индирой Ганди, королевой Бельгии Елизаветой.

Все знали о крутом характере министра. Она не сдерживала себя тогда, когда надо было говорить правду. «Кривить душой не умею, это не поможет делу», — говорила она. Когда Ковригина высказалась вслух о загрязнении курорта

Сочи и предложила сократить штат «четвертого управления», в котором лечилась высшая партийная элита, этого ей не простили и «сослали» руководить Центральным институтом усовершенствования врачей. С привычной ей деловитостью Мария Дмитриевна сумела превратить свое новое детище в крупный научно-исследовательский центр.

Ковригина всегда помнила о своей родине, приезжала в Катайск и в Челябинск, помогала местной больнице оборудованием, дарила медицинскую литературу для больничной библиотеки. По ее приглашению местные врачи повышали свою квалификацию в ее институте.

На закате лет она сказала своей дочери Татьяне Дмитриевне:

— Под каждым своим словом подпишусь: никогда не лгала, не искала легких путей, всегда любила людей...

1986 г.

Валерий Брумель. Последняя победа

Самый титулованный легкоатлет мира в XX веке Валерий Брумель до самой смерти тепло вспоминал Курган, а хирурга Илизарова называл своим отцом.

В будущем году ему бы исполнилось 70 лет. Иные, бывает, живут и здравствуют дольше. А он в январе 2003 года неожиданно ушел на небеса. Ему было всего 60. Рано, слишком рано. Может быть, просто Валерий всегда хотел быть ближе к небу. Вот и стал «небожителем».

...Высота покорила его легко. Двенадцатилетним (1954) выиграл с одноклассниками спор, перепрыгнув через веревочку 120 сантиметров. В 1960 году, спустя шесть лет после того первого «рекорда», талантливого прыгуна пригласили в сборную команду СССР. И в том же году на Олимпийских играх в Риме Валерий Брумель завоевал «серебро» с результатом 216 см, уступив лишь знаменитому Роберту Шавлакадзе.

А потом — фейерверк рекордов и побед: 225 сантиметров в закрытых помещениях — прыгнул на 5,5 сантиметров выше мирового рекорда легендарного американца Джона Томаса. С ним он еще 17 раз встретится на спортивных аренах и только однажды проиграет. В 1964 году становится чемпионом Олимпийских Игр в Токио. Трижды (1961, 1962, 1963) Валерия Брумеля называли лучшим спортсменом мира. Его наивысшее достижение 228 сантиметров. Никита Хрущев, присутствовавший 21 июля 1963 года на том матче СССР — США, не выдержал и, размахивая руками, воскликнул:

— У него что там, пружины!..

Потом в его жизнь ворвется череда боли, переживаний и разочарований. Трагедия, едва не стоившая ему жизни, произошла осенью 1965-го на стадионе «Лужники». Вот что записано на моем репортерском магнитофоне.

— Заморосило и сразу же стало прохладно. На красной «Яве» тренировалась мотогощица. Я попросил ее отвезти меня домой. Она согласилась. Скорость набрала приличную. Впереди поворот. Я испугался — не впишемся. Затем попали

на разлитое машинное масло. Нас резко крутануло. Я отпустил от нее руки, с подножки сбросил ноги. Она попыталась как-то поймать меня, а я уже болтался на мотоцикле. Сбоку — высокая бровка. Я резко шоркнул ногой об острый выступ бетона. А потом на скорости 100 километров зацепил ногой фонарный столб, и нога почти оторвалась. В «Запорожце» меня довели до «Склифосовского». Рассказывают: я держал в руке оторванную ногу. Она держалась на одном ахиллесовом сухожилии и была вдребезги разрушена...

Вот так в одну минуту Валерий Брумель превратился в инвалида. Два года лечили, но все бесполезно. Ногу по осколкам собрал хирург Иван Кучеренков. Но залечить не удалось. Особенно донимал остеомиелит. Ногу хотели ампутировать... Бездна — костыли, инвалидная коляска. И тогда Валерию предложили поехать в Курган к доктору Гавриилу Илизарову. Он еще не был знаменитым на весь мир, но легенды о нем ходили повсюду. Кто-то называл его «шарлатаном от науки», кто-то боготворил. Всякие разговоры! Но все сходились к одному: метод лечения необычный, а сам Илизаров — гений. При встрече с курганским хирургом Брумель спросил того:

— Неужели вылечите?

— Обязательно. Ты еще будешь прыгать.

— Неужели в спорт вернусь?

Илизаров хитро улыбнулся:

— И в спорт.

С Гавриилом Абрамовичем Валерий породнится на всю жизнь. Он частый гость его дома. В Кургане Валеру любят и приглашают на все праздники. Он словно свадебный генерал. Хотя и не спортсмен, а уже тень. Зато какая — тень чемпиона, мировая величина! Валерий открывает областные сельские спортивные Игры «Золотой колос», встречается с журналистами. Местный облспорткомитет шефствует над ним. Иногда находит средства для поддержания здоровья чемпиона. А сам Илизаров, понятно, рад тому, что заполучил в свою клинику такую знаменитость — следующую после

Дмитрия Шостаковича, которого также успешно лечил. Его аппарат надежно скрепил ногу, дает ей выздоравливать и развиваться.

Из Кургана Валерий Брумель уезжал окрыленным. За два с половиной года он перенес более 30 операций, измучен, но не сдался. Он много раз выступал перед огромными аудиториями и каждый раз обязательно заявлял: только в Кургане его поставили на ноги!

У него превосходное настроение. Он уже не хромотает, не пользуется костылями — вполне здоров. Судьба предоставила ему возможность вновь окунуться в привычную атмосферу: он много тренируется, прыгает. Последнее спортивное достижение Валерия Брумеля — 208 сантиметров — выше мастерского норматива. Но травма ноги была слишком серьезной, чтобы продолжить занятия спортом. Во время тренировок дважды рвал связки, после чего летел «на крыльях» в Курган, к Илизарову, чтобы вылечить травмы. «Все! Пора ногам отдохнуть» — об этом он заявляет по телефону Илизарову. Причина этому весьма серьезная — инвалидность 2-й группой. Для него начинается новый этап жизни, не менее активный, чем занятия спортом. Валерия приглашают в кино. В 1970 году Элем Климов снял его в фильме «Спорт, спорт, спорт». Годом позже на «Мосфильме» снимается в фильме «Право на прыжок».

Затем серьезно увлекся литературной работой. В 1971-м году Валерий написал книгу «Высота», посвященную Илизарову. В журнале «Молодая гвардия» публикуют роман «Не измени себе» — исповедь человека, который не сдастся. В 1973-м году женится на олимпийской чемпионке Елене Петушковой. Удивительно — свой брак регистрирует в Курганском ЗАГСе. На свадебной фотографии справа от счастливого жениха его самый дорогой человек — Гавриил Илизаров.

Немалый интерес в театральной среде вызвала написанная им пьеса «Доктор Назаров». Прототип героя все тот же Гавриил Илизаров. В 1974 году эту пьесу ставит Курганский

областной театр драмы. Брумелю вместе с Илизаровым присутствует на премьере. «Как вам спектакль?», — спрашивают его тележурналисты. Брумелю, склонив голову к своему доктору, лукаво отвечает: «Если понравился Гавриилу Абрамовичу, значит, и мне тоже».

Встречи Валерия Брумеля с курганским кудесником продолжались в Кургане и Москве. Курганский спаситель приглашает его на свои встречи, знакомит с Расулом Гамзатовым, Андреем Вознесенским. В июне 1971-го года Илизаров позвонил Брумелю и пригласил его на свое 70-летие. В нашем городе двукратный Олимпийский чемпион был в окружении многих знаменитостей: здесь присутствовали бывший пациент Илизарова итальянский путешественник и писатель Карло Маури, Иосиф Кобзон, Борис Брунов, другие «звезды», известные медики со всех концов мира. С трибуны торжественного заседания Валерий Брумелю поздравляет юбиляра. Затем неожиданно делает паузу. На моем магнитофоне слышен легкий шум зала, словно тревожный шопот — что случилось? Признаться, и я заволновался. Но волнение быстро прошло. Дрогнувшим голосом Брумелю сказал:

— Курган стал для меня родным городом. Я благодарен вам, курганцы, и в первую очередь Гавриилу Абрамовичу Илизарову, спасшего меня от инвалидности. Обнимаю вас!

Я, стоявший всех ближе к Брумелю (записывал юбилейное торжество на репортерский магнитофон), увидел на его глазах слезы. После торжеств он сказал мне:

— Все было в моей жизни: слава, трагедия, выпивки — я же не святой! А что делать, когда привязан к костылям. И только в Кургане почувствовал стремление побороться за жизнь. И я выиграл.

2011 г.

Олег Бухтояров. Сталь для оборонки

Он невысок ростом, но в институтской баскетбольной команде играл на равных с двухметровыми верзилами. В юности он не обладал артистическими данными, но срывал аплодисменты зрителей, когда с грустью пел: «Что тебе снится, крейсер “Аврора?”». У него нет недостатков, которыми страдают многие. Выпивает — в меру, искренно любит — только свою единственную Любушку. Хотя, нет — любит выкурить сигарету, но обязательно в компании. Так, говорит, рождаются умные идеи. Не вспыльчив, и — рассудителен — как многие ученые.

Это все о нем — о моем школьном товарище, а ныне известном ученом, докторе химических наук Олеге Ивановиче Бухтоярове.

Лиричность Бухтоярова всегда радовала и удивляла его многих друзей — физиков и лириков. Вспоминаю, как в далеком детстве на сцене курганского кинотетатра имени Ленинского комсомола под аккомпанемент баяна (кстати, за баяном был я!) он пел «Фуражечку». Лихой мотив и запоминающиеся слова будоражили зал. «Фуражечка, фуражечка, носить тебя не грех, надел ее и кажется, что стал красивей всех». В зале громко хлопали, а мы, «звезды» школьной эстрады, уже мечтали о том, как сцена будет и дальше покоряться нам. Артистов из нас не получилось. Но понятие «открытая душа» осталось навсегда. В ранге нынешнего ректора Курганского государственного университета он всегда помогает студентам раскрыть в их душах и лириков, и физиков... Может быть, поэтому университетский КВН также популярен в вузе, как и спорт.

— И все-таки, каким образом ты пошел в науку?

— История очень простая. Сначала я поступил в вуз, но не в тот, в который хотел. Еще в школе я очень любил физику и математику, и поступал в Новосибирский университет на мехмат. Но не поступил. А так как в университеты приемные экзамены были в июле, а в институты в августе,

я вернулся в Курган и подал документы в машиностроительный институт. Выбор специальности не играл для меня никакой роли. У меня тогда не было влечения ни к чему, кроме математики и физики. Я поступил на специальность «Оборудование, технология сварочного производства». И здесь мне очень повезло (везло всегда — на хороших учителей в науке!). В то время на кафедре работал Анатолий Иванович Манаков, он и втянул меня в научную работу. Манаков научил меня делать высокотемпературный металлургический эксперимент. Мне приходилось выполнять сложные расчеты, создавать модели. И пошло-поехало! В первую очередь у меня начали завязываться связи с прежним местом работы Анатолия Ивановича — институтом металлургии Уральского отделения Академии наук СССР. Я стал часто бывать там и увидел, что люди занимаются очень серьезно наукой. Решают такие задачи, о которых я и не догадывался. Таким образом, я увлекся наукой и уже не мыслил без нее своей дальнейшей жизни.

— *Твои научные разработки как-то проявились в практической деятельности?*

— Мою научную работу можно разделить на две большие части. Первая — кандидатская диссертация. Вторая часть — докторская. Но, так получилось, в докторской нет ни грамма исследований, которыми я грезил в кандидатской. Это была абсолютно новая работа! Кандидатская имела самый настоящий прикладной характер. Она связана с электрошлаковым переплавом, потому что в те годы это было новое направление в металлургии, которое позволяло получать высокопрочные стали. А это важно для оборонки. Поэтому у меня работы выходили под грифом «Для служебного пользования!». Такую сталь мы переплавляли в одном из цехов бывшего завода имени Карбышева. А предназначалась она для Горьковского машзавода. Остается только догадываться, где она нашла применение. Кроме того, у меня 45 авторских свидетельств на изобретения, в которых я разрабатывал флюсы для электрошлакового переплава, без

них этот переплав немислим. Эти разработки внедрены у нас в стране, и в Украине.

В начале 1980-х годов после защиты кандидатской диссертации, когда стала появляться вычислительная техника, Бухтояров увлекся моделированием. Все полученные разработки, которые легли в основу кандидатской и докторской диссертаций, были направлены на получение фундаментальных химических знаний высокотемпературных расплавов, — их свойств, структур. Причем, не экспериментально, а практическим методом. Совместно с уральскими учеными ему удалось создать программы для компьютеров того поколения. А потом все изыскания проводились на более мощных персональных компьютерах. Таким образом, без проведения экспериментов, а только по разработанным программам ученые научились определять и прогнозировать свойства металлов. То есть вся эта работа велась не у металлургической печки, а непосредственно на компьютере. Сейчас многие данные, которые наука получает при моделировании, используются и в металлургии, и в литейном производстве. А жизнь продолжается. Друзья Олега Ивановича, которые работают в Академии наук, сейчас проводят эксперименты, получают данные, пишут статьи, защищают диссертации. Бухтояров в дальнейшем стал работать в учебном заведении: преподавал, занимался моделированием на мощном по тем временам компьютере ИС-1036. Жизнь у него кипела: днем он читал лекции, проводил со студентами лабораторные работы, а ночью бежал к компьютеру. Наука для работника высшей школы шла параллельно и очень тесно.

Это было во времена Курганского машиностроительного института, где он потом станет проректором по науке. А потом, путем слияния двух вузов — машиностроительного и педагогического — станет создавать на его базе университет. 16 лет назад эта важная страница стала частью истории Зауралья. В этот отрезок времени органично вписались желания и замыслы, переживания и трудности. Сегодня университет стал привычным для курганцев. В его различных аудиториях,

разбросанных по всему городу, получают высшее образование сотни молодых курганцев.

— Как удалось объединить два разноплановых вуза — гуманитариев и технарей?

— Вы сами понимаете, что двум твердо стоявшим на ногах вузам не очень-то хотелось объединяться в одно целое. Что из этого может получиться — никто не представлял. Потому что на то время таких примеров в России практически не было. Если говорить конкретно, мы вторые в России, где на базе двух разноплановых вузов был создан классический университет. Первый такой университет был создан в Новгороде, он объединил три вуза — сельскохозяйственный, политехнический и педагогический. А через несколько месяцев такой «первенец» появился в Кургане. Трудно было уговорить людей. Многие возражали. И, конечно, многих пугала сложная техническая работа по созданию единой бухгалтерии, единого учебного отдела, отдела кадров, научного отдела и так далее. Люди сильно заволновались, предвидя, что начнутся сокращения. А кому в такое трудное время, каким был 1995 год, хотелось остаться за бортом! Еще в 1993-м году начались дебаты о необходимости слияния вузов. Экономика трещала по швам, народ волновался, пытаюсь найти себя в этой жизни. Упал спрос на высшее образование. А здесь еще такая проблема — создание университета! Поэтому наше министерство, не имея денег на бесплатное высшее образование, резко снизило число бесплатных мест во всех вузах. Вся эта неблагоприятная ситуация с одной стороны отторгала такое объединение. С другой стороны оставаться по отдельности — значит загубить работу машиностроительного и педагогического институтов. Выжить можно было только вместе. Жизнь показала, что это был единственно правильный ход на то время.

— Кто стоял у истоков создания университета?

— Очень много сделал для создания университета тогдашний председатель областной Думы Олег Богомолов. Он и сейчас в ранге губернатора не забывает нас и делает мно-

гое, чтобы наш университет жил и развивался. Но тогда ему пришлось совершить немало поездок в министерства, чтобы договориться, уладить, обсудить. Богомолов привозил в Курган министра образования Ткаченко. Само министерство категорически было против слияния двух вузов. Категорически! Но жизнь показала нашу правоту. Да и сами министерства — образования и науки тоже спустя два года объединились. Конечно, очень много сделали для становления университета оба ректората — машинистута и педагогического — тоже потрудились немало. Приходилось вплотную заниматься и рутинной работой по объединению отделов и кафедр.

— Чего больше всего боялись преподаватели? Только ли сокращения? Возможно было чувство, что качество получения образования снизится? Ведь по тем временам это были известные на Урале и в стране учебные заведения!

— Больше всего боялись такой несовместимости. Сами понимаете, физики и лирики... Но жизнь показала необходимость такого преобразования. Появилась российская доктрина образования до 2010-го года, встал вопрос о модернизации образования, громко заговорили о том, что гуманитарная составляющая должна быть достаточно высокой и у «физиков», чтобы любой технарь не был узким специалистом в инженерном образовании. Ему необходимы глубокие познания в других науках. Только поняв ее, можно решать многие университетские задачи.

...Будучи ректором университета, Олег Бухтояров не бросает научную работу. Работает с аспирантами и выпускниками, может с первого взгляда увидеть в них «искру божью». Под его руководством пять аспирантов защитили кандидатские диссертации, двое учеников — докторские. Его домашний компьютер не остывает в выходные дни. Он вплотную занимается компьютерными программами, расчетами и другими делами, так или иначе связанными с университетской работой и с теоретической наукой. Жизнь продолжается.

2011 г.

Григорий Пушкин: «Стихов никогда не писал»

В мартовский вечер 1989-го года на курганском вокзале мы встречали правнука Александра Сергеевича Пушкина. В предвкушении встречи девушки из городского общества книголюбов взволнованно задавали мне вопросы: «Правнук?.. А может праправнук? Интересно – похож ли он на своего знаменитого прадеда?»

Скорый московский подошел к перрону. Григорий Григорьевич Пушкин появился в проеме вагонной двери, и мы заспешили к гостю, надеясь помочь благополучно сойти ему по крутым ступенькам. «Не надо, – сказал великий отпрыск. – Сам потихоньку...». Но руку все-таки протянул.

Приезду его в Курган предшествовала моя московская встреча с Григорием Григорьевичем. В тот летний вечер репортерский магнитофон накрутил немало метров пленки. Мы говорили о жизни, о том, что помогало ему хранить память о своем прадеде – «солнце русской поэзии».

Чтобы ясно представить свою родословную, Григорий Григорьевич вполне понятно обрисовал цепочку, связывающую его с самим Пушкиным.

– У Александра Сергеевича и его жены Натальи Николаевны было четверо детей: Машка, Сашка, Гришка и Наташка. Александр Сергеевич любовно называл их так. Один из них – Александр – достигнет звания генерала от кавалерии и будет у него одиннадцать детей. Среди них – Григорий, родившийся в сентябре 1868 года. Вот он и является моим отцом. Все просто – Пушкин – его сын Александр – внук Григорий, а затем я, Григорий Григорьевич – правнук поэта!

Внешнего портретного сходства я не нашел. Но стоило ли искать его, представляя образ молодого поэта, знакомый нам по картинам живописцев – с кудрями и бакенбардами. Перед нами сидел пожилой человек, лицо которого бороздили глубокие морщины. Но в юности, отметил гость, он

отдаленно напоминал своего прадеда. Чуть вытянутое лицо, африканский разрез глаз и что-то еще, отдаленно напоминающее Пушкина. А вот характер у Григория Григорьевича самый что ни на есть дедовский! По крайней мере, я так представлял. Манера разговора, порой, по-мальчишески хулиганская, в разговоре – резок, но без обиняков. Наверное, таким был поэт. И ни какого самолюбования. Мне хочется увидеть в нем что-то от Александра Сергеевича, а он, его правнук, напоминает: я всего лишь частичка Пушкина – маленькая, но для меня важная.

И вот тогда, в Москве, Григорий Григорьевич неожиданно сказал:

– Я бывал в вашем городе...

Неужели – в Кургане! Григорий Григорьевич спокойно продолжал:

– На войне я хлебнул! Сначала партизанил в Подмосковье, а с 1942 года служил в действующей армии на Западном и 2-м Украинском фронтах. Вокруг меня постоянно шли какие-то разговоры, которые меня раздражали: надо, мол, меня сбережь как единственного правнука Пушкина. Меня, к слову, опекал и сам Ворошилов. Я обычно огрызался: «Все воюют, я на печке отсиживаться не хочу!». В 1944-м году вызвал командир дивизии: «Ты что – не понимаешь! Убить тебя могут! История мне не простит».

Не слушая возражений Пушкина, комдив откомандировал его на курсы младших командиров в Курган. Был конец 1944-го. Война катилась к концу. Григорий Пушкин писал командованию рапорт за рапортом: хочу на фронт! Бесплезно. Курганская жизнь затягивала: утром занятия по тактике боя, днем – строевая, потом на увальском полигоне отрабатывались приемы боя в составе танковой колонны.

В редкий выходной правнук Пушкина с любопытством заглядывал через забор, где шла бойкая торговля. Особенно манил вкусный запах сибирских шанежек с толченым картофелем. Высокий забор не был преградой. Покупали шанежки и – обратно.

На четвертый месяц учебы Григория Пушкина отправили в Москву. А там и война подошла к концу. Знал, что в Кургане жил опальный друг его прадеда — декабрист Кюхельбекер? Нет, откуда же? Но было в той курганской жизни что-то таинственное. Григорий Пушкин не раз слышал такие разговоры: в курганский край ссылали людей, неудобных царскому режиму.

Обо всем этом я услышал от Григория Григорьевича в Москве, да и в Кургане, куда спустя многие годы он ненадолго вернулся. Мой друг Борис Карсонов, знаток всех тайн декабристов, водил его по Кургану, знакомил с местными музеями, показал и тот самый дом Кургане, где жил Вильгельм Карлович Кюхельбекер. А потом сообщил такую новость: в XIX веке в этом городе жили люди, связанные родственными отношениями с Пушкиным.

— Кто же они? — удивился Григорий Григорьевич.

Борис Карсонов рассказал: в Кургане на поселении жил декабрист Петр Николаевич Свистунов. Так вот через их общего пращура Алексея Ивановича Ржевского, Александр Сергеевич Пушкин и Свистунов являются братьями в четвертом колене. Понятно ли?

— А что непонятно? — сказал тогда Григорий Григорьевич. — От Пушкина ведут родственные связи со многими городами и странами. Чем хуже ваш Курган.

Мы с Борисом Карсоновым возили правнука по школам и библиотекам. На встречах его обычно спрашивали: почему не пишете стихов? На что Григорий Григорьевич отвечал: «Сам Пушкин в одном из писем просил своих детей не писать стихи. Да и все родственники Пушкина считали: сочинять стихи как Пушкин они никогда не смогут». Чаше всего ему задавали такой вопрос: почему не женится ваш сын Саша? Ведь на нем держится единственная в стране мужская ветвь рода Пушкиных? И предлагали: пусть Саша приезжает в Курган — мы ему найдем хорошую невесту! Григорий Григорьевич на это отвечал с улыбкой: «Не сомневайтесь, подскажу». Дети встречали его с восторгом; учителя-словесники

напротив — равнодушно и совершенно не задавали вопросов. Наверное, не волновала жизнь гениального поэта.

Жизнь всегда обрывается нелепо. В 1992-м внезапно умер сын Г.Г. Пушкина Александр, потом — сам Григорий Григорьевич (1913—1997). Единственная ниточка в России, связывающая великий род Пушкиных по мужской линии оборвалась. Как жаль!

2001 г.

**Карло Маури:
«После Кургана мечтаю подняться в горы»**

В 1980-е годы известный путешественник и телеведущий Юрий Сенкевич привез в Курган итальянского альпиниста, писателя и журналиста Карло Маури. Они дружили еще со времен знаменитой экспедиции Тура Хейердала (Тур Хейердал — знаменитый норвежский путешественник и ученый-антрополог. В.А.) на бальсовых лодках «Ра» и «Тигрис». У Карло Маури была болезнь, которая мешала ему жить полноценно. Он мечтал подняться в горы, ездить по всему миру. Укороченная стопа, а вследствие этого хромота ставила перед ним непреодолимую преграду. Юрий Сенкевич надеялся, что курганский хирург Илизаров вылечит его друга.

Карло Маури внешне был похож на сказочного Синдбада-морехода. Мужественное лицо, вьющаяся шевелюра, седая борода. Таким он запомнился многим курганцам. Его часто можно было встретить на улицах Кургана в окружении многочисленных друзей, среди которых были и мы, журналисты. Он был интересным собеседником. В него нельзя было не влюбиться. Поэтому последняя с ним встреча началась с телефонного звонка. Неизвестная дама пыталась объясниться ему в любви.

— *И что она все-таки сказала?*

Карло смеется и от этого мне самому становится смешно.

— Она сказала: я хочу вас любить! Нет, кажется не так. Вы мне очень нравитесь.

— *А что, влюбиться в тебя нельзя? Не такой уж и старый!*

— Нет, нет старый. Мне уже в войну было 13 лет. В моем небольшом городе Лекко, на севере Италии, я был уже слишком самостоятельным. Сорванцом, каких свет не видывал! А сейчас уже не такой. Посмотри на мою седую бороду!

— *Кстати, сколько было вас в семье?*

— Нас было семеро. Я самый непослушный — все время бегал. А была война. И однажды кто-то из соседей сказал мне: «Ты много бегаешь. Не мог бы отнести в горы письмо моему мужу». А в горах прятались партизаны. Я был горд таким поручением. И стал носить не только письма и хлеб, но и оружие.

— *А что твои родители? Не боялись?*

— Отец не знал. А когда я пропадал надолго — поколачивал. Но я на всю жизнь запомнил его слова, когда наш городок встречал как героев альпинистов, которые поднялись на недоступный пик Бадице. Он сказал: «Вот это настоящие мужчины!» Я много раз поднимался в горы. И сейчас думаю об этом. Вот только заживет нога...

Карло гладит прооперированную ногу и, кажется, загрустил.

— *Тебе грустно?*

Карло веселеет. Сейчас он похож на юношу, у которого вся жизнь впереди.

— Отчего же! Жена рядом, а на столе вино. Настоящее итальянское!

— *Кто твои друзья в Кургане?*

— Гавриил (Г.А. Илизаров. — В.А.). Он мне очень дорог. С ним я всегда чувствую себя смелее. После операции он сказал мне: становись на ноги, скоро ты будешь бегать как мальчик!

— *Веришь?*

— Верю. Налей себе вина и выпей за это.

— *Как ты стал журналистом?*

— Все из-за ноги. Я уже не мог работать инструктором-горнолыжником. Денег не хватало, а мне надо было кормить пятерых детей. И я решил писать статьи об альпинизме. Со сломанной ногой я поднимался на Эверест, был в Антарктиде. А потом меня позвал в море Тур Хейердал. Мне было страшно — я не умел плавать. Но потом страх прошел. Я на лодках снимал кино, фотографировал и был коком!

Я показываю Карло на тарелку с пельменями.

— Тебе нравятся сибирские пельмени? Надеюсь, такое блюдо ты будешь готовить у себя в Италии!

— У нас что-то подобное есть. Но ваши пельмени вкуснее.

— Какое путешествие запомнилось больше всего?

— Я прошел дорогой Марко Поло. Мне было нелегко. Наш «транспорт» был такой же, как и во времена Поло — семьсот лет назад. Мы ехали на лошадях, плыли под парусом. Тогда со мной был 14-летний сын Лука. Ему было трудно, но он не отчаивался и внимательно следил за моими действиями. Мы видели, как живут в Турции, Иране, Афганистане. Об этом я написал в книге.

— Ты мне говорил о том, что собираешься написать о своих «приключениях» в нашей стране.

— Обязательно. Эта книга будет о Кургане, о лечении и о моих друзьях. Эта книга будет об Илизарове.

Карло Маури сдержал свое слово. Он написал книгу об Илизарове, назвав ее «Микеланджело ортопедии», опубликовал ее на страницах журнала «Наука и жизнь».

После лечения Карло Маури почувствовал себя вновь рожденным. Он простился с врачами, обнял своего спасителя Г. Илизарова. «Куда теперь?», — спросил я его. — «В горы», — коротко ответил он.

Карло Маури умер в горах. Перегруженное прошлыми заботами и бедами сердце отказало. В Кургане остались его друзья: врачи, журналисты, горожане, те, с кем он встречался. И эта магнитофонная запись, хранящая его голос.

Алексей Казаков: «Все мои встречи шли через Есенина»

Известного челябинского литературоведа Алексея Казакова можно смело назвать курганцем. Он часто бывает в нашем городе по вполне понятным литературным делам. Его занимали стихи Бориса Ручьева, творчество которого он отразил в дипломной работе в Литературном институте. На нашем государственном телевидении Казаков подготовил передачи о Борисе Ручьеве, юной художнице Наде Рушевой. В Кургане живут его товарищи — писатели Виктор Потанин, Виталий Носков, поэт Людмила Туманова, художник Герман Травников. Главная тема, которой Алексей Казаков верен много лет — поэзия Сергея Есенина. Ею он «заболел» довольно в молодом возрасте... С 16 лет мой герой стал вести отчет своих первых «встреч» с Есениным. Тогда начались его поездки в Москву к современникам поэта — сестрам Сергея Александровича Екатерине и Шуре, к скульптору Сергею Тимофеевичу Конёнкову, актрисе Августе Леонидовне Миклашевской, которой поэт посвятил цикл «Любовь хулигана» в книге «Москва кабацкая». В 1968 году он знакомится с театром на Таганке и спектаклем «Пугачев» — опять-таки незабываемые встречи с Высоцким и Любимовым. Поездки по есенинским местам: знакомство с Шаганэ Нерсесовной Тальян («Шаганэ ты моя, Шаганэ») в 1970-м году. Много было в его жизни. Сейчас он пишет книги и является хозяином собственного дела — литературно-издательской артели «Алексей Казаков со товарищи».

Недавно, когда Алексей Леонидович гостил в Кургане, мы вновь говорили с ним о Сергее Есенине.

— Почему Есенин? Что заставило тебя вплотную заняться этой темой? Не странно ли было для тебя, тогда слишком молодого человека, — увлечь себя его творчеством?

— Действительно, странно. Сидя на Урале (смеется), я захотел, как и Есенин податься в Москву!.. Началось с 1965-го года, когда я учился в девятом классе. Это и

понятно. В том году в стране праздновали 70-летие Есенина — широко, неподцензурно. До этого всё было втихомолку. Есенин был закрыт с 1927-го года, когда вышла статья Бухарина «Злые заметки» о нем в «Правде» и был пущен в оборот этот грозный термин «есенинщина», а поэзию его назвали упаднической. А тогда, понятно, требовались стихи комсомольских и пролетарских поэтов, желавших разрушить до основания старое...

— *Кстати, не писал ли ты сам стихов? Был ли такой грех?*

— Я сам стихов не пишу, но к литературе тяготел и в те давние годы ценил, да и сейчас ценю, прозу Ивана Сергеевича Тургенева и всей русской классики XIX века. Но поэзия Есенина, видно, как квинтэссенция всего — всплеск пейзажной и философской лирики. Не знаю, трудно сказать! И вот то 70-летие вызвало такую есенинскую волну и пробудило у многих интерес к его творчеству.

— *Сколько же тебе было тогда?*

— 16 лет! Я тогда еще не читал многих стихов Есенина. Но цель, которую я себе поставил, была очень близка и к твоей профессии радиожурналиста, потому что я как-то изначально решил проехать по есенинским местам, встретиться с современниками Есенина и именно записать на пленку голоса. Здесь на меня, конечно, повлияли телевизионные передачи Ираклия Андроникова. В декабре 1967 года я с ним впервые встретился, а перед этим читал «Загадка Н.Ф.И.» и прочие его вещи. Было тогда отчего зажечь себя, когда рядом жили такие люди! Каждый год я встречался с Ираклием Луарсабовичем, он наставлял, советовал.

— *Удивительно! Мальчишка берет рюкзак, садится в поезд и — вперед!*

— Так и было! Я выпросил под расписку на местном радио «Репортер» и с этим магнитофоном проехал по стране: Москва, Рязань, Ленинград, Тула, Нижний Новгород. Потом позже с этим магнитофоном я поехал в Армению к Шаганэ. Поколесил достаточно. Представь: если Есенину

тогда исполнилось 70, сколько же его современников еще было в здравии!

— *А сколько лет было тогда Шаганэ?*

— Ровно 70 лет. Я с ней встречался в марте 1970-го. Она была довольно бодрой женщиной, я не могу сказать — старушкой. Она была еще хороша собой, читала мне есенинские стихи, что было для меня крайне удивительно и приятно. Само по себе странно — я пришел к Шаганэ! Думал: вот сейчас откроется дверь, и я увижу героиню стихов Есенина. Удивительный был момент. Я несколько дней ходил вокруг дома, кружил и как-то не мог преодолеть этот психологический барьер. Казалось нереально! И она открыла мне дверь. Когда я назвал имя «Есенин», двери открылись еще шире. У нее был такой гортанный голос, она владела прекрасным русским языком. Жила одна в большой квартире на проспекте Ленина в центре Еревана. Мы с ней просидели часа четыре. И у меня осталось около километра магнитофонных записей ее разговоров, воспоминаний.

— *О чем она вспоминала?*

— Вспоминала декабрь 1924-го — начало 1925-го года, когда Есенин жил в Батуми, а Шаганэ была учительницей, в местной школе. Гуляя по бульвару, они познакомились. Но перед этим Есенин встречался с её сестрой Екатериной, которая тоже была учительницей. У Шаганэ уже был сын в то время, муж умер, она одна воспитывала сына. Сейчас он врач, человек известный. Сергей Александрович читал ей стихи. Кстати, тогда в Батуми Есенин завершил полностью поэму «Анна Снегина». Странно, что эту поэму о событиях Гражданской войны в рязанской деревне он писал на юге.

— *Что было между ними — легкий любовный роман или что-то другое, более серьезное?*

— Если говорить честно, Есенину редко кто отказывал в любви. И с Шаганэ был роман. Сергей Александрович даже хотел жениться, обещал привезти ей шаль из Персии. Много было всяких обещаний. И она, краснея, рассказывала мне о том, что была увлечена русским поэтом — он так был

хорош собой! Как назвать их отношения? Наверное, поэтическим романом. Тем более он на память оставил ей книгу «Москва кабацкая» с дарственной надписью на титульном листе: «Дорогая Шаганэ, вы приятны и милы мне. Декабрь 1924 года». Я сам держал в руках эту книгу.

— Сохранился ли тот дом в Батуми, овеянный любовными чувствами двух людей?

— Конечно же! Я прошел приморским бульваром, где они гуляли, побывал в доме. И тогда мне зримо предстала вся эта давняя картина любовных чувств. Шаганэ была на литературном вечере Есенина и участвовала в домашних вечеринках. Практически, месяц они были вместе.

— Ты себя запечатлел на фото вместе с Шаганэ. Как это случилось?

— Хотелось с Шаганэ сфотографироваться — на память! Чтобы при этом на небольшом столике стояло фото Есенина. Я поставил напротив фотоаппарат, мы устремили свои взгляды в объектив. Щёлк!.. Мгновение моей истории было запечатлено на этом снимке автоспуском.

— Судя по воспоминаниям современников, Есенин был человеком увлекающимся. Наверное, любовные чувства помогали ему создавать прекрасную любовную лирику.

— Он был таким же, как и многие молодые люди. Рано женился на Анне Изрядновой, когда еще был подчитчиком в типографии Сытина, а еще значительно раньше — были у него девушки Мария Бальзамова, Аня Сардановская. Обычное дело — радоваться любви. А ему это помогало в поэзии.

— Сколько же раз потом Сергей Александрович связывал себя узами брака?

— Официально и неофициально 6 раз. Начиная с Анны Романовны Изрядновой. Это имя у него проходило через поэзию. Помнишь, Анна Снегина... Затем, Зинаида Райх, Айседора Дункан, Галина Бениславская, Надежда Вольпин, внучка Льва Николаевича Толстого — Софья Толстая-Есенина.

— А вот эта прекрасная дама. Она тоже была любимой женщиной Есенина?

— Это актриса Камерного театра Августа Леонидовна Миклашевская. Да, она была любимой женщиной поэта и не скрывала этого. В нее нельзя было не влюбиться. Большие красивые глаза, пышные волосы и — артистизм, присущий талантливым людям. К моменту нашей встречи в 1970 году она была еще хороша. В мельчайших подробностях помнила о тех далеких встречах с поэтом, рассказывала, каким он был красивым и пылким возлюбленным. И даже написала своей рукой четверостишие его знаменитого стихотворения, посвященного ей: «Пускай ты выпита другим».

Тем более, он ей, единственной из всех любимых женщин, посвятил целый цикл — 7 стихотворений подряд! Это редкая вещь в мировой поэзии!

А потом еще Галина Бениславская — как же не сказать о ней! Существует же их переписка. По-существу, она была любовницей и... литературным секретарем Есенина. А затем и сестры Лифшиц. Пожалуй, мы наберем больше десятка любимых женщин Сергея Александровича. А сколько еще остались неизвестными для исследователей! Конечно, они его вдохновляли. Понятно, человек не может без эмоциональной подпитки! Что же, он бирюком будет сидеть! Как писать такие стихи! Персидский цикл был построен на этих встречах. Имя Шаганэ, к примеру, проходит через эти мотивы несколько раз.

— Кого же Есенин любил больше?

— Как ни странно, я в этом убежден, Зинаиду Николаевну Райх. Это первая его официальная жена. В трагический день 28 декабря 1925 года в «Англетере» среди оставшихся вещей Есенина была найдена и фотография Зинаиды Николаевны с его детьми — Костей и Таней. Я встречался с ними. Действительно, это были интересные люди. Хотя, известна всем любовная история с Асейдорой Дункан, с которой у него больше года был роман — потрясающий и увлекательный. Но есть «Письмо к женщине» и строки «Вы помните, вы

всё, конечно, помните» — это Зинаида Райх. Есть и другое стихотворение — «Собаке Качалова» и такие строки: «Ты за меня лизни ей нежно руку / За всё, в чем был и не был виноват». Это тоже относится к Зинаиде Райх. Об этом мне, кстати, рассказывала Надежда Давыдовна Вольпин, гражданская жена поэта, родившая ему сына. Александр Сергеевич Вольпин-Есенин сейчас живет в Америке.

— Можно ли найти какие-то есенинские связи с Зауральем? Так хочется потянуть за эту ниточку!

— Скажу точно: Есенин в Зауралье никогда не бывал. Другое дело — ваш земляк Всеволод Иванов. Они вместе жили в Москве в Доме Пролеткульта, были очень дружны. Но ведь ты, кажется, знал Елену Александровну Ранову, которая жила много лет в Кургане. Ее в Союз писателей принимал Валерий Яковлевич Брюсов. Она входила в литературную группу «Ничевоки», а 1918-м году жила в Доме Пролеткульта. Елена Александровна рассказывала мне о своих встречах с Есениным в «Стойле пегаса». Конечно же, Ранова была интересна как поэтесса и как личность.

У вас в Кургане жил Гариген Владимирович Бебутов, который тоже встречался с Есениным. Он был с ним знаком через Пастернака. А ваш земляк, поэт Сергей Александрович Васильев несколько лет являлся председателем Всесоюзной комиссии по литературному наследию Сергея Есенина и под его председательством проводились есенинские праздники. Кстати, он проводил первый литературный есенинский праздник, который состоялся в 1965-м году в Колонном зале Дома Союзов.

— В Челябинске ты издал несколько книг Есенина. Сейчас твой город, по мнению есениноведов, стал своеобразным литературным центром, связанным с именем поэта.

— В Челябинске я издал трехтомник Есенина. Он отличается от остальных книг поэта тем, что впервые я восстановил авторские тексты. На протяжении почти 70 лет Есенин выходил в урезанном виде, с купюрами. По есенинским рукописям и черновикам я восстановил посвящения,

тексты, в частности, «Страны негодяев». Написал довольно обширные предисловия к каждому тому. На сегодня выпустил более десятка изданий. Сборник мемуарной прозы 20-х годов «Как жил Есенин». Его тираж 100 тысяч экземпляров. Все они вышли в Челябинске.

— Недавно «Комсомолка» сообщила о каких-то матерных частушках Есенина, изданных тобой в Челябинске.

— Я выпустил книгу «Частушки родины Есенина». Это 350 страниц, более тысячи частушек. Ценность её в том, что частушки собраны самим Есениным, сестрами Екатериной и Шурой в 20-е годы XX века, а также Лидией Архиповой, главным хранителем музея Сергея Есенина. Она уже более 30 лет работает там. Как и любой человек, поэт любил острое, народное слово. Я издал есенинскую книгу с такими выражениями. В ней опубликованы, так называемые, бесстыжие, матерные частушки, которые пел сам Есенин и его знакомые. А сейчас я в издательстве «Автограф» готовлю Полное собрание сочинений Николая Клюева в 2-х томах, духовного наставника Есенина, который был старше его на 11 лет. Много лет идет работа над этим собранием. Я считаю, это будет уникальное издание. В него войдут более десятка поэм, сотни писем, много великолепной прозы, в том числе прозы Прионежья — сказы, плачи, причитания.

Есенин проходит через всю мою жизнь. Его имя дало мне возможность общаться со многими его современниками, с самыми интересными людьми, в том числе жившими в Сибири и на Южном Урале.

2001 г.

Моя коллекция. Прощальный дар Пушкина

В моей личной библиотеке мирно «живут» разные книги — лилипуты и гулливеры. Вот уж, пожалуй, чему можно удивиться! Долгое время я собирал их — самые необычные и, наверное, самые редкие. Их было так много, что приходилось делить книжные полки надвое, чтобы разместить самые удивительные томики, которые называют миниатюрными. Благодаря этим редкостям, я познакомился со многими известными на весь СССР книголюбями, бывал в квартире неистового советского книголюбца и библиофила Николая Смирнова-Сокольского, вел огромную переписку с собирателями миниатюрных изданий и активно обменивался с ними книгами. Одной приобретенной книжке я был особенно рад.

Крошечная книга согревает ладонь. Ей много лет, а старость, как известно, не красит. Изящные золотые кружева на обложке почти незаметны, золотой обрез потускнел.

Но достаточно открыть книгу, чтобы сразу почувствовать, как перехватывает дыхание. Это же эпоха Пушкина, последний год жизни, самый трагический! Третье издание «Евгения Онегина», последнее прижизненное. О такой книге я и не мечтал, знал только, что в творчестве Пушкина «Евгений Онегин» — вершина, и что этот томик был издан в миниатюрном формате всего лишь за несколько недель до его трагической кончины.

Впервые же об этой книжице я услышал от известнейшего московского букиниста Григория Вениаминовича Галутина, собирателя книжных миниатюрных редкостей. Конечно же, в его библиотеке было много дореволюционных раритетов. Цветаева, Блок, Гумилев, Северянин... Да что там говорить, старые букинисты знали, что собирать!

Однако даже мой друг книгопродавец Гриша Галутин только два раза в жизни держал в руках прижизненные книги Александра Сергеевича. А приобрести ни одну из них так и не смог. Такие редкости не каждому по карману!

Однажды Григорий Вениаминович поведал мне такую историю. Захаживала в его букинистический магазин некая старушка — «божий одуванчик». Внимательно всматривалась в корешки книг и, кажется, что-то искала. А потом сообщила ему такое, отчего у старого искателя книг забилось сердце. И стал он ждать ее очередного прихода, будто свою возлюбленную на заре горячей юности.

А сказала старушка вот что: почти вечность хранит она прижизненного Пушкина. Есть у нее «Руслан и Людмила» — самое первое пушкинское издание. И что-то еще. Кажется, «Евгений Онегин», но уж очень маленький, размером с ладонь. И даже пообещала пригласить его в гости, показать сокровища. Ушла — и больше не появилась. Как виденье с того света — показалась, растревожила и исчезла.

— Может быть, умерла? — спросил я тогда Григория Вениаминовича.

— А кто ее знает...

После этого печального рассказа уж очень захотелось мне увидеть того самого «Онегина». В моей коллекции миниатюрных книг пушкинских томиков немало, но все они более поздние. К этому времени я уже знал, что миниатюрный «Онегин» появился в самое драматичное для Пушкина время, когда были подброшены подметные письма о мнимой связи Натальи Николаевны с императором, когда ходили намеки на ее любовные встречи с красивым блондином Дантесом. Уж очень плохо было Александру Сергеевичу. Его тяготили ожидания предстоящей дуэли с Дантесом-Геккереном...

Холодной осенью 1836-го бойкий книготорговец Василий Петрович Поляков показал Пушкину необычные книжки — миниатюрные. В частности, девятитомное собрание пьес Шекспира, изданное в крошечном формате в 1825 году в Лондоне. Пушкин был удивлен красивыми томиком — настоящими полиграфическими шедеврами! Василий Петрович предложил ему издать серию сочинений в миниатюрном формате, а в виде пробы — «Евгения Онегина». Поэт согласился.

В октябре он заключает договор с издателем И.И. Глазуновым. Александра Сергеевича работа увлекла. Он изучает разные полиграфические мелочи, по-детски радуется первым листам.

«Онегин» печатается мелким шрифтом. Старые мастера прищуривают глаза: кто же будет читать такую мелкоту, разве только с увеличительным стеклом! Александр Сергеевич уже с нетерпением читает оттиски, с удовольствием просматривает корректуру, вносит правки. И вот в конце декабря 1836 года «Евгений Онегин» выходит в свет немалым по тем временам тиражом: 5000 экземпляров! Пушкин доволен. Он водит друзей в книжную лавку Полякова, показывает им книжицу, оставляет на ней автографы. И, кажется, уже готов к тому, чтобы издать у Глазунова еще несколько таких диковинок.

Покупатели довольны необычным томиком. Его легко спрятать в кармане сюртука, он не займет много места на книжной полке. К «Онегину» проявляют внимание и газетчики. 21 января «Северная пчела» отмечает «уютный формат» и другие «приятные особенности издания».

А потом — дуэль. 28 января 1837 года Пушкина не стало. Читающая и слышавшая о нем публика почти мгновенно раскупает «Онегина» — все до единой книжки. Так «Евгений Онегин» стал библиографической редкостью. Где он сегодня — «Евгений Онегин»? Кто его бережно хранит и сколько таких томиков на белом свете? Библиофилы уверяют: совсем немного, меньше десяти. Время безжалостно уничтожило книжки: дети с удовольствием играли такой крохой, а сотни пожарищ унесли и не такие раритеты.

То, что произошло со мной позже, кажется, через три года, похоже на добрую сказку. Я живу в Москве у своего друга — журналиста и знатока старинных книг Феликса Медведева. У него великолепная библиотека, в которой немало книжных ценностей. Его увлечение — первая книга поэта. К нему за консультацией обращаются самые известные литературоведы и поэты. Его печатают в «Огоньке» и награждают самыми престижными премиями. В один из

вечеров Феликс берет меня с собой в гости. Его пригласила пожилая дама, у которой есть старые книги.

Мы едем в центр, в старинный московский дом. Поднимаемся по ступенькам, стучим в дверь. Маленькая старушка в чепчике, чем-то напоминающая пушкинскую графиню, открывает дверь. «А-а, Феликс, вы не одни?», — она бросает тревожный взор на меня. В просторной квартире, с высокими потолками полно кошек. Они трутся о мои ноги, запрыгивают на колени. Мы пьем чай, и черный кот, уютно разместившийся на моем плече, своим тонким хвостом пытается размешать сахар в старинной фарфоровой чашке.

А затем старая женщина приглашает нас в другую комнату. Она завалена книгами — «это все от мужа». Книги всюду: в шкафах, на полу, на столе и на подоконниках. Такая книжная неразбериха сладко томит сердце. Именно в таком книжном развале всегда встречаются удивительные находки. Оказывается, разношерстное собрание подготовлено специально для продажи. Феликс — первый и самый уважаемый, по словам старушки, покупатель. Когда-то он был дружен с ее мужем. И тот советовал жене в самое трудное время обратиться к Феликсу — он обязательно что-нибудь купит!

Я помогаю разбирать сокровища, чихаю от пыли и, признаться, потихоньку начинаю «остывать». И вдруг слышу такое, отчего самый крепкий сон может прерваться. Наша милая хозяйка гордо произносит: «А сейчас я покажу вам Пушкина. Все книги были изданы при его жизни»... Мне становится жарко. Пушкин, прижизненный! Я вытягиваю шею и жду, когда старушка откроет дверцы старинного шкафа красного дерева. И вот они, эти чудесные книги! От них пахнет старостью. Я робко интересуюсь: «А не было ли у вас маленького «Онегина»? И слышу ответ: «Как же, вот он...».

Здесь надо бы упасть в обморок или получить инфаркт. Мои пальцы крепче впиваются в подлокотники кресла — не умереть бы ненароком! Я держу наконец-то в руках томик размером с ладонь. Переплет потерт. Едва видны кружева, на обреше едва заметна позолота. Аккуратно перелистываю

страницу, другую и вижу мелкие, но отчетливые строчки диаманта — самые первые в романе:

*Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемогъ,
Он уважать себя заставиль.
И лучше выдумать не могъ...*

...«Онегина» купил Феликс. Денег хватило только на эту книжечку. К остальным пушкинским книгам мы планировали вернуться завтра же, как только отоспимся. Не получилось. Утром бабушка открыла двери своим многочисленным родственникам. Уплыли раритеты, исчезли неизвестно куда...

Позже маленького «Онегина» Феликс уступил мне. Сделал добрый жест: ты коллекционер миниатюрных книг, ты и владей! Я бережно держал на своей ладошке маленькую книжицу, подносил ее к носу — чем пахнет старина! И уже представлял, что именно ее, эту книжку Пушкин держал в руках. Мне кажется, я уже начал сходить с ума. А потом, по приезду в Курган, смастерил для этого самого томика домик-коробочку и спрятал его в глубину полка, где стояли и до сих пор стоят сотни удивительных миниатюрных изданий. «Евгений Онегин» — самый ценный...

В ноябре 1989 года я привез в Курган правнука Пушкина — Григория Григорьевича Пушкина. Его встречи с курганцами проходили во Дворце пионеров. Вечером я вел Григория Григорьевича к моему другу краеведу Борису Николаевичу Карсонову — благо его дом рядом с гостиницей «Москва». Мы кормили отпрыска великого поэта гречневой кашей и даже пили водку за его здоровье. В этом начинании Григорий Григорьевич также горячо поддерживал нас. И вот тогда-то я и показал ему своего «Онегина». Старый человек, носивший фамилию знаменитого прадеда и являвшийся единственным в России прямым продолжателем мужского рода Пушкиных, был поражен. Он долго листал книжечку, внимательно всматривался в нее. А потом прижал к лицу. Мне показалось, он заплакал...

1990 г.

Марина Цветаева «погрозила» мне пальцем

На одном из заседаний клуба книголюбов в Центральном Доме литераторов писатель Евгений Осетров представил Анастасию Цветаеву — сестру известнейшего поэта Марины Ивановны Цветаевой. Старая женщина, прожившая тяжелую жизнь, знавшая все о своей знаменитой сестре, призывала бережно подходить к изучению ее творчества, не делить ее поэзию на раннюю — более понятную, и позднюю — глубокую и философскую. «Пусть жизнь и стихи Марины Ивановны предстанут едино, так, как этого она сама хотела. Читайте ее вдумчиво, иначе она погрозит вам пальцем», — пошутила Анастасия Ивановна.

Об этой встрече я вспомнил гораздо позже и вот по какому случаю. Многие годы я гонялся за книгами Цветаевой, выискивая их у букинистов, но ни одного прижизненного издания ее приобрести не удавалось. 15 лет назад судьба свела меня с обладателем редких книг. Он как-то вскользь признался, что в его библиотеке есть несколько цветаяевских книг, прижизненных. «Они все небольшие, словно брошюры, — сказал он. — Хотите купить — продам. Есть одна книга с автографом...».

Так я стал обладателем одной из немногих книг Марины Цветаевой — настоящего раритета. «Версты» — так называлась она. Я отчаянно был рад. Рассматривал под увеличительным стеклом потускневшую от времени старательную ее роспись — красными чернилами, буква к буквке. Так только расписываются старательные люди, ставя свою роспись в знак того, что гордятся своим трудом. И в окружении той росписи «Цветаева» с двух сторон страницы были какие-то загадочные стрелочки, почеркушки. Словно таинственные знаки, призывающие меня внимательно изучить их и задуматься.

А тут случилось такое! Когда я совершенно случайно взглянул на страницу на свет, то увидел, что те самые непонятные почеркушки слились в единый рисунок... креста.

Признаться, стало страшно. Словно с того света Марина Ивановна послала мне, хозяину книги, свой трагический – мрачный привет...

Ту книгу позже я продал другому любителю поэзии Марины Ивановны. Слишком давила книга меня, и крест тот казался тем самым цветаевским пальцем, грозящим мне.

В августе 2001 года, когда исполнилась 60-я годовщина ее трагической смерти, я решил вновь перелистать книги Цветаевой, хранящиеся в моей библиотеке. Читал долго, искал те стихи, которые особенно люблю. Нашел: «Вот опять окно, где опять не спят. / Может, пьют вино, может так сидят...». И вспомнил о давней своей встрече с поэтессой Антониной Баевой, которая по-своему любила Цветаеву и радовалась каждой встрече с ее поэзией. Баева очень печалилась, что жизнь Марины Ивановны оборвалась так рано. Сколько бы прекрасного она еще создала! И прочитала мне свое стихотворение, посвященное Марине Цветаевой.

*Ты не печалься, не тужи,
Платок покрепче повяжи.
И через Каму вброд и вплавь
На жизнь свою и славу правь.*

*Так было холодно тебе,
Как ветер ночью выл в трубе.
Скрипела старая кровать –
Ни спать, ни встать,
Ни стать, ни спать...*

*Рябину вижу на горе,
Краснеют кисти в октябре.
Ты через Каму вброд и вплавь
В Россию правь...*

Курганец поэт Илья Френкель всего лишь раз встретился с Мариной Цветаевой. Это было, кажется в 1939-м году – время возвращения ее из-за эмиграции. Вот о чем он мне поведал:

– Я узнал, что Марина Ивановна должна прийти в наш Гослитиздат по случаю приема ее в группом писателей. Меня как члена группкома официально пригласили. Боялись,

что Марину Ивановну никто не знает и ввиду отсутствия писателей разговора не получится. Я же категорически заявил: «Цветаеву знаю. Еще в юности читал ее «Версты». Собрались в одной из редакционных комнат, заставленной столами. После рабочего дня в комнате было душно, висел дым от сигарет. Пришлось открыть окно. Набилось много народу, стояли в коридоре – хотели слушать Цветаеву. Марина Ивановна показалась мне какой-то опустошенной и растерянной – была в пальто, на голове берет, в руках – хозяйственная сумка. Уставшая от жизни женщина! Мы ее приняли единогласно, поздравили с приемом в группом. Пора расходиться. И тут я попросил Марину Ивановну почитать стихи. Она отказалась, сказала, что стихи не помнит и предложила почитать переводы, и читала переводы, которые ей заказывал Гослитиздат. Читала, как мне показалось, нервно. Видимо, торопилась. Но всем понравилось. Думалось о том, что большой поэт вернулся на родину, чтобы работать и жить. Вот такая история...

Август 2001 г.

Анатолий Кисличко. Пчелиный бог

На земле немало людей, влюбленных в жизнь. Порой их называют чудаками — их увлечения часто не вяжутся с обычными представлениями о жизни. Живи спокойно, — советуют нам, — не мешай и не высывайся! Но чудаки не соглашаются. Они торопятся жить и совершают такие дела, по которым потом будут судить в целом об эпохе. Один из таких людей, известный на Южном Урале пчеловод Анатолий Семенович Кисличко. В свои 80 лет он ухаживает за пчелами, обучает на курсах будущих пчеловодов, без аварий водит машину и легко работает с компьютером. Ну, чем не чудак!

— Ну, что, сестрички мои, соскучились по мне! — так ласково обращается Анатолий Семенович к пчелам, когда весной проверяет ульи, наполненные живыми существами. Ради них он живет, страдает, радуется.

Его прошлая жизнь отдана армии. Анатолий Семенович Кисличко много лет воспитывал будущих офицеров, получил научную степень кандидата исторических наук, воспевший в своем исследовании героические подвиги малых народов Севера. В звании полковника ушел в отставку. А что делать потом, на пенсии? Анатолий Семенович не долго думал: повесил на гвоздик свой офицерский мундир и вернулся к пчелам. С них он когда-то начинал свою трудовую жизнь. Его размышления о пчеловодстве — своеобразная исповедь человека, верующего в то, что самые умные и организованные существа на свете — пчелы...

— Моя мечта стать пчеловодом зародилась в далеком 1943 году в многодетной семье. Как-то наш колхозный пчеловод Иван Светличный пригласил нас, 12-летних мальчишек, на колхозную пасеку с просьбой помочь откачать мед. Это был самый счастливый день моего детства, когда я впервые в жизни попробовал свежий медок... с огурцом. Это незабываемо!

И вот тогда с моим другом Мишей Осадчим (мы жили на одной улице домами напротив друг друга) твердо решили: после окончания семи классов поступить в сельскохозяйственный техникум, чтобы стать агрономами или зоотехниками и непременно — пчеловодами. В наших семьях у родителей было по шестеро детей, отцы воевали на фронте, а мы с Мишей работали. Я все четыре года — с 1941 по 1945 — пас колхозных овец. Учиться приходилось только зимой. Летом бывали дни, когда абсолютно нечего было есть. Голод, известно, не тетка. И тогда в жару, когда овцы сбивались тесно друг к другу, мне удавалось подоить нескольких овец. Небольшая бутылочка с молоком спасала от голода. Было стыдно, но есть так хотелось. До сих пор ощущаю вкус того овечьего молока. Наши матери также трудились от зари до зари совершенно бесплатно за одни палочки — трудодни. Горбились, старели на глазах и, как их дети, не доедали. У всех было одно чувство: работаем для фронта, для Победы.

Военное лихолетье — и холод, и голод, и труд — закалило нас, сделало патриотами своего Отечества.

Когда подрастали мои младшие братья, я смог оставить на них отару овец, а сам впрягался в более тяжелую работу, вместе со всеми пахал и боронил землю, работал на посевной, косил траву на сено. До сих пор помню, как обучали коров ходить под ярмом, чтобы вместе с животными скирдовать сено, молотить зерно. Нас, детей военных лет, правительство вспомнило в 1990 году и наградило медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Кстати, Миша Осадчий как и я выполнил свою клятву стать пчеловодом и до сих пор (а ему, как и мне, уже за 80!) содержит до 50 пчелосемей, работая одновременно главой сельской администрации.

— Как же вы пришли к пчелам?

— Моя мечта стать пчеловодом осуществилась в августе 1947 года, когда после вступительных экзаменов приняли на учебу в Юматовский пчеловодный техникум в нашей

солнечной Башкирии. Помню: на первом занятии нам сказали о том, что пчеловодство — любовь не на один летний сезон — на всю жизнь. Любовь, подобная страсти. Наш техникум был тогда кузницей кадров для регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока. Вместе со мной тогда техникум закончил ныне заслуженный работник сельского хозяйства Российской Федерации Евгений Михайлович Петров, много лет возглавлявший Башкирскую опытную станцию пчеловодства в Улу-Теляке, а также Савва Мальцев — сын знаменитого советского хлебороба, дважды Героя Социалистического Труда Терентия Семеновича Мальцева. Как-то при встрече с Терентием Семеновичем услышал от него уважительные слова: «Хлебушек особенно вкусен с медком. И также полезен...». А что же Савва? Он, как и его отец, стал знаменитым в Зауралье селекционером злаковых культур, хранителем мемориального Дома своего отца.

Моим первым учителем в знании биологии пчел был преподаватель Юматовского пчеловодного техникума М.Ш. Шакиров, известный ученый Башкортостана, автор ряда книг по пчеловодству.

— Пчел нередко называют лекарями. В чем же выражается их «врачебная» мудрость?

— В 1948 году мне, учащемуся второго курса техникума, пришла в голову блажь — проверить укусы пчел на себе. А все дело было в том, что многие из нас, да и я в том числе, панически боялись этих ужалений. После главного медосбора, когда пчелы были озабочены отсутствием в природе нектара, к тому же задул неприятный холодный ветерок, я решился на эксперимент. Дело было в августовскую субботу, время клонилось к вечеру. На учебной пасеке я был один-одинешенек. Разделся и принялся тормошить несколько ульев. Пчелы удивились моей наглости, стали вылетать через леток и принялись беспощадно жалить наглеца. Моя «ученая» пытливость схлынула сразу же. Пчелки башкирской популяции среднерусской породы, известные своей злобливостью, преподали мне урок — без доброты

и сердечности в гости к ним не заходи. От укусов пчеломстителей я волчком катался по траве. Пчелы настигали меня всюду, вонзая целящее жало. Нестерпимая боль, как при ожоге, овладевала моим телом. От пчел я спасся только в общежитии. Температура поднялась до 40 градусов, началась тошнота и рвота, санитар насчитал на моем теле более трехсот ужалений. Я выжил и стал чувствовать себя здоровее, не осталось следа от прошлых болезней. В частности, ревматизма костей.

— А как затем сложились отношения с пчелами? Долго ли держался страх?

— Пчелобоязнь исчезла. Пожалуй, сейчас я единственный на садовой пасеке, где 16 пчеловодов, кто не одевает лицевую сетку при работах с пчелами в весенне-летний период. К тому же владею многими секретами лечения от различных болезней путем пчелоужаления. Впрочем, этими секретами я щедро делюсь со всеми, кто хочет поправить свое здоровье. Считаю, что пчелки — самые лучшие лекари.

После окончания техникума меня, зоотехника-пчеловода направили в Кемеровскую область, где определили младшим специалистом на Кемеровскую опытную станцию пчеловодства. Ее директором в то время был известный ученый В.С. Коптев, автор книги «Интенсивная технология содержания сильных пчелиных семей». Это был мой второй учитель по практическому пчеловодству.

За 30 лет своей деятельности я не терял ни одного лета, всегда выезжал со своими пчелиными семьями на кочевку. Из них 12 лет — в горы на Куватальскую гряду, расположенную в тупике Челябинской области на стыке Башкирии и Свердловской области. Это удивительный край как по медоносной флоре (липовый и смешанные леса, море кипрея, дягиля сибирского, душицы, зверобоя, лесной малины, борщевика, белого клевера, лабазника, буковицы и других медоносных трав). Мед получаем часто смешанный: вначале малиново-кипрейный, затем липовый и кипрейно-липовый, а затем лесное разнотравье.

По вкусовым, диетическим и лечебным свойствам наш куватальский мед не только не уступает, а в засушливые годы в чем-то превосходит знаменитые башкирский и алтайский меда.

— *Охотники и рыбаки любят рассказывать байки. Есть ли у вас такое, о чем вы вспоминаете с улыбкой?*

— Было в моей жизни неожиданное «крещение» в горах Куватал. За три дня до цветения липы привез на кочевку пчел. Время близилось к трем часам ночи. Расставил ульи на подставки. Как только пчелы успокоились, открыл летки. Машины с помощниками уехали в Челябинск, а я ушел отдохнуть в привезенную будку — в своеобразный кочевой домик. Под утро слышу рев скотины. Выглянул в окно и в легком тумане увидел стадо коров и телят, среди которых особо выделялся красавец-бык. Мощного сложения, весом где-то полтонны, а может и больше, такое животное могло быть украшением любой выставки. Я ухватился за жердь и принялся прогонять нежданных гостей. Коровы с телятами послушно отбежали в сторону. А бык не хотел повиноваться. Примерно в пяти метрах от меня принял устрашающую позу — словно боксер перед тем, как отправить противника в нокаут. Несколько минут мы смотрели друг другу в глаза. Потом бык сдался и нехотя пошел вдоль ульев. На прощание легко поддел рогами один из пчелиных домиков и как пушинку бросил его в сторону. Также ударил рогами одного из бычков, мол, нечего насмехаться надо мной. Натешившись вдоволь, повел стадо в сторону соседнего кипрейника. И был таков.

Мой сон исчез напрочь. Я принялся осматривать «поле боя» и увидел свою кочевку полностью разоренной. Мои гости растормошили и поели месячный запас еды, пролили питьевую воду. Зато оставили «шляпки» навоза. Ценное огородное удобрение впоследствии пригодилось мне. Засушенный помет я закладывал в пасечный дымарь вместо сухих древесных гнилушек и дымил им в леток, чтобы уничтожить опасный возбудитель инвазионной болезни, каковой явля-

ется клещ Варроа Якобсони. Таким противомикробным средством я с усердием дымил в летки рано утром, чтобы возбуждись, пчелы смогли скинуть с себя клеща не в улье, а, что очень важно, в полете.

Не зря я был пастухом в годы Великой Отечественной. Зная обидчивый нрав животных, в том числе и семейства пчелиных, принялся готовиться к повторному приходу моих ночных обидчиков. Из поваленных деревьев напилпил поленицу чурбаков и был готов к бою. На восходе коровье-бычковое «воинство» появилось на моей кочевке. Во главе был тот самый грозный бык. На этот раз я был смелее. В сторону быка полетели биты, некоторые из них попали в грозное животное. Тот не ожидал такой встречи и быстро ретировался вместе со своими подругами. Больше я его не видел. Моей смелости удивились многие пчеловоды. Они только произнесли: «Даешь, дед!». А ведь мне было тогда 77 лет.

Вскоре мрачное настроение сменилось радостным и счастливым удовлетворением: во время цветения липы стояла отличная погода, пчелы работали легко и пасечные весы показывали ежедневное прибавление по 8,10, 12 килограммов нектара. Это была настоящая победа!

— *Что вы испытываете, когда стоит прекрасная погода, травы цветут и ульи наполняются медом?*

— Было в моей жизни «крещение» медом. Стояла ранняя весна 1996 года. Я ожидал, что цветение липы начнется в наиболее благоприятное время — в начале июля. Но ненастная погода спутала «карты». Я погрузил с товарищем свои шесть сильных пчелосемей на автомобильный прицеп. Покинул горы и уехал в степную зону на заранее приглянувшееся место в сорок гектаров желтого лекарственного донника между деревней Сураково и большим озером Тишки. Донник, набирая силу после дождя, уже цвел, выделяя много нектара и духмяного запаха. На посеве этого пастбища для пчел я не увидел ни одной пчелы и другой пасеки. Тогда я остановился на полевой дороге, чуть в стороне, как говорится «на семи

ветрах». Чтобы не было слета пчел с одних ульев и налета на другие. У каждого летка прикрепил пучок травы, тогда пчелы, продираясь сквозь эти «заросли», оборачиваются головкой к улью, прочно запоминают место расположения своего улья и соседствующих рядом других ориентиров. В этом случае не происходит блуждание пчел. Облет пчел был бурным, сотни тысяч особей из шести ульев поднялись в воздух над пасекой. Их праздничный гул был слышен далеко в округе. Через 15 минут после открытия летков и дружного облета пчелы сразу включились в медосбор. И хотя летки были открыты на всю ширину ульев, у передних стенок пчелы, толкаясь друг с другом, спешно вылетали за нектаром в поле. А другие, нагруженные нектаром и цветочной пылью, возвращались обратно, чтобы передать свой груз пчелам-приемщицам, готовясь вновь улететь за новой порцией сладкого корма. Это надо было видеть! Так и хотелось воскликнуть словами великого Гете: «Остановись мгновение, ты прекрасно!».

Медосбор радовал. Принос нектара был не ниже восьми килограммов в день. Мой автомобильный прицеп под тяжестью шести ульев оседал с каждым днем на 2–3 сантиметра.

К концу восьмых суток в каждом улье уже накопилось не менее восьмидесяти килограммов душистого меда. Складывать нектар было уже некуда. Запасных корпусов из соторамок при мне не было. Отцепить прицеп от «Нивы» для поездки за тарой оказалось не по силам. Что ж, один в поле не воин! Пчелки, словно почувствовали мою слабость и сократили свои полеты за нектаром. Они решили сэкономить свои жизненные ресурсы. Каждому пчеловоду желаю испытать это великое блаженство! Я спал в кузове машины головой к двум передним ульям, летками в мою сторону. Даже ночью ульи гудели как крупный завод, вентилируя гнездо, выпаривая воду из нектара, превращая его в мед. Как считают ученые, при этом вход и выход воздуха из улья доходит до 18 тысяч литров в час. И этот поток фитонцидов (целый букет!) выходил на меня и я дышал им. Это позволило мне

написать в своей книге, что в будущем для оздоровления людей врачи будут выписывать путевки на пасеки.

Я думаю, что искусство пчеловода формируется в процессе длительной работы по уходу за пчелами. Чтобы стать пчеловодом, нужны три условия: желание, знания и умение. Этого можно достигнуть за три года. Но чтобы стать пчеловодом-мастером, подняться на ступень определенного искусства, необходимо чтобы при работе с пчелами, наступало озарение, вдохновение и приходила интуиция. Без глубоких знаний биологии пчел и пчелиной семьи, без усвоения поведенческих и языковых принципов в поведении пчел и многого другого, невозможно стать новатором своего дела.

— *Сейчас вас хорошо знают в Челябинской области и в Башкирии. Журналисты, которые частенько пишут о вас, даже прозвали «профессором пчеловедения».*

— Мне приятно, что меня называют так уважительно. В своем Челябинске я уже 20 лет являюсь бессменным руководителем курсов подготовки начинающих пчеловодов. За это время обучил несколько сотен пчеловодов. Но на практике, к сожалению, занимаются пчелами не многие. Наука пчеловедения сложная и трудная. И не каждому она по силам. Что же, и так бывает. Но замечаю: почти все мои бывшие слушатели стали отличными пропагандистами, они знают все о пчелах и о целебных свойствах меда. Их рассказы развивают фантазию будущих пчеловодов. Это надо только приветствовать.

— *Какие сейчас новые медовые маршруты предпочитаете?*

— Хочу сейчас податься куда-нибудь в горы, где можно получить лесной мед. Там море кипрея, липы, зверобоя, ягеля сибирского, горной малины. Полученный здесь мед по своим вкусовым качествам — один из самых приятных. На Урале есть прекрасный лекарственный донник — белый или желтый. По американской технологии он считается наиболее чистым в том плане, что венчики такого цветка расположены вниз.

— Какой несложный медовый рецепт можете посоветовать? Так сказать, медовое лекарство!

— Пожалуйста — самое простое! Оно предназначено для укрепления иммунной системы, повышения защитных сил организма, чтобы не простывать и не болеть гриппом. Надо взять 350 граммов сока алоэ, 500 граммов кагора, 500 граммов меда, все смешать. 10 дней настаивать в прохладном месте. И принимать затем по столовой ложке 2 раза в день.

Считается, что пчелы — самые лучшие фармацевты. Волшебным действием обладает прополис. Он лечит кишечную флору, мгновенно убивает вирус гриппа. Для профилактики гриппа надо ежедневно выпивать по 10-12 капель 20-процентного прополиса с водой. Помогает и еще как! А маточное молочко! Это супер-лекарство! Цветочная пыльца! Нет таких болезней, которых бы она не лечила. А пчелиное ужаление по китайской технологии лечит 440 болезней. Поэтому каждый пчеловод должен стать народным целителем.

— Вы часто приезжаете в детские дома. Знаком ли деткам вкус меда?

— Далеко не везде. Мед не слишком дешев, а вот интерес детей к пчелкам и к труду пчеловодов я замечаю с радостью. А когда детки угощаются моим медком, интерес их к нашему труду возрастает. «Вкусен медок?», — спрашиваю. «Да, нравится! Хотим еще», — отвечают. А у меня поднимается настроение. Значит, в будущем кто-то из малышей обязательно станет пчеловодом.

Недавно премьер-министр правительства Российской Федерации В.В. Путин провел диалог в прямом эфире телевидения. Я также задал довольно банальный вопрос: «Кушаете ли вы, Владимир Владимирович, мед?». Это был своеобразный намек — знает ли наш премьер о положении дел в этой отрасли сельского хозяйства. Думаю, знает. В один из приездов в Башкортостан он даже посетил ярмарку меда в Уфе. Убежден в том, что богатство страны и оздоровление российского народа будет в том числе происходить и через увеличение продуктов пчеловодства. Для этого необходимо

заботу о развитии пчеловодства воплотить в один из приоритетных национальных проектов государства. Уверен, что так думают все пчеловоды России.

...1 марта 2011 года Анатолию Семеновичу Кисличко исполнилось 80 лет. Свой юбилей пчеловод встретил достойно, без старческих слез — как зрелый мужчина.

— Как будете жить дальше? — спросил я.

— Намерен заниматься пчелами и помогать начинающим пчеловодам.

В честь его 80-летия курганский поэт Леонид Блюмкин, ныне живущий в Гамбурге, посвятил юбиляру стихотворение. Оно — о чуде, который ни за что не променяет свою жизнь на спокойный, размеренный ритм. Ведь пчеловоды и без того счастливые люди.

Пчелиный бог

*Был мальчишка. С хворостиной пас в Башкирии гусей...
Он влюбился в рой пчелиный в дальней юности своей.
Жаль, пришла поздней разлука. Такова, видать, судьба.
С исторической наукой он связался навсегда.*

*Изучал далекий Север. И людей, что там живут.
Покопался в этой сфере — оценен достойно труд.
Как избу толковый плотник жизнь достойно сколотил:
Офицер-политработник, воспитатель молодых.*

*Время вечно вносит правки, вертится земная ось.
Для полковника в отставке все по новой началось.
Ясно: крепкая порода, знался с пчелами давно.
Стал известным пчеловодом. Мед пьянее чем вино.*

*Где же старость, где усталость? Их и не было, и нет!
Для него такая малость — эти 80 лет!
За рулем без утомления по дорогам лихо мчит.
И гаишник с удивлением на права его глядит.*

*Знает все, что сделал Путин, что Медведев произнес.
Ведь освоен им компьютер, сделать фото — не вопрос.
Он пчелиный бог. Ученый между разных дел иных.
Без него не могут пчелы. И не может он без них...*

*Мы сегодня точно знаем: не уйдет он на покой.
Так что здоровья желаем! С юбилеем, дорогой!*

Людмила Туманова. Песни, как весенние букетики

В конце 1960-х годов на музыкальном небосклоне появилось новое имя – Людмила Туманова. Живущая в Кургане девушка пела собственные песни, в которых было много нежности, переживаний и душевных откровений. Кто-то из поклонников Людмилы так написал в письме: «Ваши песни как весенние букетики»...

Может быть, все началось с той первой песни «Стюардесса»? Она родилась внезапно от нахлынувших чувств после просмотра на экране ЦТ фильма «Стюардесса» с Аллой Демидовой в главной роли. Тогда Люда решила написать письмо актрисе и вложила в конверт песенку «Стюардесса». Растроганная письмом, Алла Демидова опубликовала в журнале «Юность» статью, тепло написав о песне и о Людмиле, которая вопреки тяжелой травме позвоночника находила мужество жить творчески.

А потом зазвучали другие песни: «Ко мне, Мухтар», «Нежность», «Голубой звездопад», «Небесные короли», «Рождение дня», «Море», «Мой театр»...

В 1971-м я подготовил для Курганского радио первую передачу о песнях Людмилы Тумановой. Тогда об этих песнях знали только мы – друзья и, конечно же, ее мама – Надежда Павловна, милый, добрый гений. В 1973-м подготовил несколько передач о Людмиле Тумановой для программы «Юность» Всесоюзного радио. Работалось интересно. После каждой встречи с ней настроение поднималось настолько, что самому хотелось петь. Ее улыбка, нежный трогательный голос завораживали. В то время Людмила получала письма мешками и старалась на каждое послание дать ответ. Многочисленные поклонники ее песен почти требовали: запишите ваши песни на пластинку! Людмила хорошо понимала: сделать это почти невозможно. Сам Булат Окуджава в начале своего песенного творчества грустно сетовал: «Песни есть. А вот кто их услышит...».

Друживший с Людой поэт Леонид Иванович Куликов дал прослушать эти песни курганцу Давиду Моисеевичу Френкелю. Впечатленные от услышанного, они решили: песни надо издать отдельной пластинкой. Но как? Нежно опекавший Людмилу москвич Николай Давидович Герман организовал письмо министру культуры СССР Екатерине Алексеевне Фурцевой. В министерстве отправили письмо во Всесоюзную фирму «Грамзаписи» с просьбой: дать оценку песням. И покатилося... Катушки с песнями Людмилы попали на два совета: композиторский и писательский. Композиторы посетовали: музыка слабовата, зато стихи хорошие. Поэты в свою очередь тоже дали отзыв: тексты стихов не впечатляют, зато музыка хороша. Не выдержал внимательно следящий за всем этим нелегким процессом директор фирмы «Грамзаписи» Андрей Андреевич Карпов. Он подвел итоги «разборок»: если бы все песни были так хороши, как песни Людмилы Тумановой, наши пластинки раскупались бы мгновенно. И подписал первый заказ на 10, а потом и на 15 тысяч пластинок-миньонов «Поет Людмила Туманова». Курганское областное радио в лице режиссера Майи Павловны Котовой записало песни на профессиональную звукозаписывающую аппаратуру. Так в 1973 году на Всесоюзной студии грамзаписи «Мелодия» вышла небольшая пластинка песен Людмилы Тумановой. Затем вторая. В последующие годы пластинку допечатывали – по многочисленным просьбам меломанов из разных уголков СССР и даже из-за рубежа. Общий тираж миньонов составил около одного миллиона копий. Пластинки Людмилы Тумановой разошлись мигом.

Находившиеся в разное время на гастролях в Кургане известные исполнители и композиторы считали долгом побывать в гостях у Людмилы. Такие домашние посиделки организовывал художественный руководитель областной филармонии Юрий Кушев. В ее мягком кресле засиживались Жанна Бичевская, Елена Камбурова, Микаэл Таривердиев, Ян Френкель, Владимир Шаинский... Бывавшая у нее в гостях знаменитая на весь мир скрипачка Марина Яшвили

тогда призналась: «После ваших песен хочется научиться играть на гитаре и петь ваши песни...».

А потом на телеэкраны страны вышел фильм «Нежность» Свердловской киностудии о Людмиле Тумановой. Она по-прежнему писала стихи, ее сказочные феерии с успехом ставило местное телевидение. Две ее поэтические книги давно стали раритетами.

Такая счастливая жизнь, если бы не одно... Жизнь в четырех стенах. Но звонят друзья, навещают и не дают Людмиле заскучать. Ее по-прежнему любят и боготворят. Своим друзьям она посвятила стихотворение. А в нем такие строчки:

*Приятно вдруг среди газет
Найти конверт — знакомый почерк.
Потом писать, бежать на почту
И с нетерпением ждать ответ.*

Впрочем, друзья давно не получают от нее писем. Сейчас другой век — время сотовых телефонов, когда можно в одну минуту позвонить в любой уголок мира. Людмила с грустью вспоминает то время, когда своим изящным почерком она писала письма-восточки и отсылала их своим друзьям. Сейчас мир Интернета. На ее сайт ежедневно поступают послания от влюбленных в нее людей. Смысл в них тот же, что давно сказал Людмиле Тумановой композитор Ян Френкель: «Песни Людмилы Тумановой, словно ласточки...».

2011 г.

Римма Казакова: «Вспоминай меня без грусти»

За многие годы советской жизни в Кургане побывало немало интересных людей. Один из самых любимых поэтов СССР Римма Казакова приезжала в Курган в июле 1984 года.

Ее приезд организовал Феликс Медведев, который многие годы был дружен с ней. Поэтессу, еще недавно являвшуюся большим начальником — секретарем правления Союза писателей СССР, в аэропорту встречали поклонники ее творчества. Среди них Иван Чимаров, начальник областного управления торговли, горячо влюбленный в стихи Казаковой. В его «Волге» едем из аэропорта в город. «Слушай, Славка, (она так называла меня всегда). Сначала к тебе на пельмени. В гостиницу — потом».

В моем доме — суэта и громкие Риммины возгласы: «Наливай!» — командует она. После первой и последней рюмки вина тащит меня к книжному шкафу: «Показывай раритеты!». И, не найдя на полке своих сборников, обещает подарить. Увидев старый тульский баян, раздвинувший свои меха у стенки дивана, сразу же заставляет меня сыграть. «А я когда-то на аккордеоне пиликала», — заявляет. В ответ я наиграл на баяне мелодию ее песни, которую в народе прозвали «песней о гриппе». Римма уже на полном серьезе рассказывает: «Э-э, Славка, не шути, это же не о гриппе — о любви: я тобой переболею, ненаглядный мой...».

Все последующие дни в Кургане проходили под знаком любви. После выступлений в аудиториях, она спешила к телефону, чтобы позвонить ему, своему ненаглядному. Я так и не узнал, кто же он, ее любимый. Но после одного из разговоров с ним, когда диалог завершился на минорной ноте, неожиданно призналась: «Он молод, а я уже в годах. Что ему от меня надо? Только подарки». Но на завтра уже снова вела с ним телефонный разговор и по-матерински советовала побережиться от жары.

Впрочем, о песне «Ненаглядный мой» Римма Федоровна рассказывала в тот приезд на встрече с работниками курганской торговли. Это было 24 июля в их профессиональный праздник. К беседе располагала прекрасная погода, зеленая лужайка у небольшого озерца и обильное угощение. Заводила праздника, главный гастрономовский начальник Михаил Кузьмич Хейфец предлагает всем коллективом спеть песню «Ненаглядный мой». Римма Федоровна с удовольствием поддерживает хор работников торговли, а потом рассказывает:

– Это моя первая песня, которая стала популярной благодаря Александре Пахмутовой. Она увидела мое стихотворение в журнале «Юность» и написала музыку. Майя Кристалинская спела эту песню на концерте для делегатов одного из партийных съездов. Мне было странно, что такая песня с любовным содержанием и, на мой взгляд, с не совсем удачной строчкой «я узнаю цену раю, ад вкусив в раю» прозвучала именно там. Но что было, то было. А уже после смерти Майи «Ненаглядный мой» исполнила Мария Пархоменко на конкурсе «Золотой Орфей» в Болгарии. С этой песни начался мой вечный праздник любви и дружбы.

В Кургане Римма Казакова обрела немало друзей. Это были обладатели ее сборников и почитатели таланта, а также земляки по Хабаровску. Вспоминаю, как вечером, когда мы подводили итоги дня, в номер постучался неожиданный гость. Им оказался офицер-пограничник с Дальнего востока. И, конечно же, неспешный вечерний разговор перешел в сплошные признания в любви и дружбе. После чего Римма торжественно вручила пограничнику купленные у Чимарова джинсы. «Пусть граница будет на замке!», – торжественно провозгласила любимая поэтесса, видимо, имея ввиду, что джинсы надежно прикроют тылы нашей необъятной страны.

Потом было посещение клиники Илизарова. Гавриил Абрамович был в отъезде и нас принимал главный врач Владимир Иванович Шевцов. «Красивый мужик!», – призналась Римма после встречи с Шевцовым. Она пожало-

валась ему на ноги, которые требовали «ремонта», иначе ей, эстрадной поэтессе, не носить туфли на каблуке. Но на операцию времени уже не хватало. Зато консультацией осталась довольна.

Сейчас я сам подвожу итоги и с грустью вспоминаю Римму. Она написала много таких песен, которые будут жить вечно. Достаточно назвать только две: «Ты меня любишь» и «Мадонна». А сколько других песен! Она работала тесно с Пугачевой, Леонтьевым, Александром Серовым, Киркоровым, Распутиной, Лещенко, с Игорем Крутым, с другими звездами. Во многих из них в конце своей жизни разочаровалась. Но шлягеры – только лишь частичка ее жизни. Она оставила огромное наследство – более двадцати поэтических сборников, которые разошлись по всей стране огромными тиражами. Попробуйте сейчас купить хотя бы один – не найдете. Все стали раритетами! Красивая книжка «Страна Любовь» сейчас хранит ее веселый автограф. Задорные строчки – все в характере Риммы: «Славке на память о курганской жизни. Желаю здоровья. Остальное купим у Хейфеца».

2010 г.

Леонид Бендик. Читают женам о любви поэты

Свои лучшие стихи о любви курганский поэт Леонид Бендик написал на закате своей короткой жизни. Они – своеобразные поэтические переживания, где есть место искренности, нежности, где каждая строчка взвешена на особых весах – весах любви.

В двухкомнатной квартире Леонида Бендика на Комсомольской всё сохранилось также, как было при его жизни. Те же книги за стеклами больших стеллажей. На привычном месте его мастерские поделки из дерева, в которых столько восторга и удивления, присущего людям, любящим жизнь.

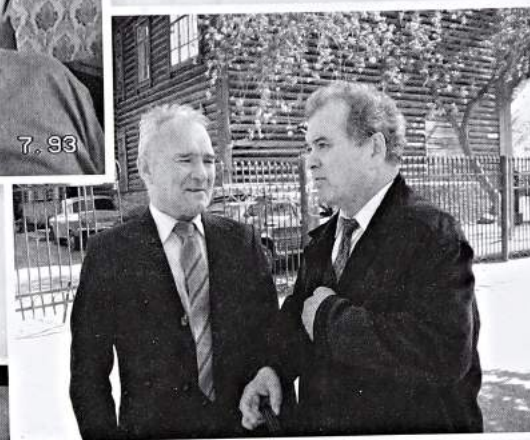
Но есть такие вещи, которые появились в квартире после кончины Леонида Петровича. Новые картины, подаренные друзьями-художниками. Новые фотографии на стенах и полках. Стопки магнитофонных и видеокассет, которые сохранили живой образ поэта. В этой новизне обстановки чувствуется бережное отношение к его памяти и какая-то особая ностальгическая нотка о дне вчерашнем, когда здесь жил поэт и – любящий муж. Его вдова (какое скорбное слово!) Надежда Бендик трепетно вспоминает о том, что, казалось, было еще недавно.

– Мы вместе были много и... слишком мало. Недавно исполнилось 30 лет, как мы с Леонидом Петровичем зарегистрировались. А познакомились неожиданно и при весьма душевных обстоятельствах. Я узнаю, что Лёня – болельщик киевского «Динамо». А я с детства помню трагическую историю футболистов этой команды, которым в годы Великой Отечественной войны пришлось выйти на поле против команды немецких ассов. Киевляне были измождены, замучены пленом. Но столько в них было мужества!.. Я эту команду помню с детства. И вдруг вновь узнаю все о ней из уст Лёни. Это была первая встреча, где наши интересы сошлись.

Потом были другие встречи, неожиданные, яркие. Я бывала на поэтических вечерах, слушала стихи, знакомилась

▲ Мои самые дорогие люди – матушка Анна Георгиевна и сын Женя. Их нет со мной, но присутствие их я всегда ощущаю.

▼ Мой дом на Советской все еще стоит. Иной раз я встречаюсь с моим другом Володей Вохменцевым. Наши воспоминания о прошлой жизни всегда радостные.

▲ Мой сын Евгений Аванесов был организатором первой в стране передвижной общеобразовательной выставки «Планета чудес». Чтобы посмотреть ее, взрослые и дети становились в очередь. Николай Дроздов с восторгом рассказал о выставке в телепередаче «В мире животных».

▼ Моя любимая внучка Ксения Аванесова, восторженная и добрая, мечтает о карьере артиста театра и кино. Сейчас она учится в Свердловском театральном институте.

▶ В свои 80 лет знаменитый на Урале пчеловод Анатолий Кисличко каждое лето проводит на пасеке, водит машину и частенько заглядывает в компьютер в поисках свежих новостей.

▲ Свой первый репортаж на Курганском областном радио я записал на железной дороге, запечатлев волнующий момент – открытие электрифицированного участка Курган–Колчедан.

▲ Супруги Ивановы были самой заметной писательской парой.

◀ Композитор Тихон Хренников приезжал в Курган, чтобы поклониться праху матери, скончавшейся в годы Великой Отечественной войны в моем доме на Советской. Конечно же, встретиться с ним изъявили желание многие.

▲ Мстислав Ростропович любил подшутить над собой и делал это так весело, что всем окружающим его было смешно.

Весной 1971 года выдающийся музыкант Мстислав Ростропович с удовольствием трудился на субботнике в Кургане.

С Феликсом Медведевым в далеком 1978 году. Сейчас мы выглядим чуть-чуть старше, но репортерский задор живет в нас по-прежнему.

Рано утром 11 ноября 1982 года прилетевший из Москвы в Курган Феликс Медведев сообщил: «Вчера умер Брежнев». А мы и не знали. ▼

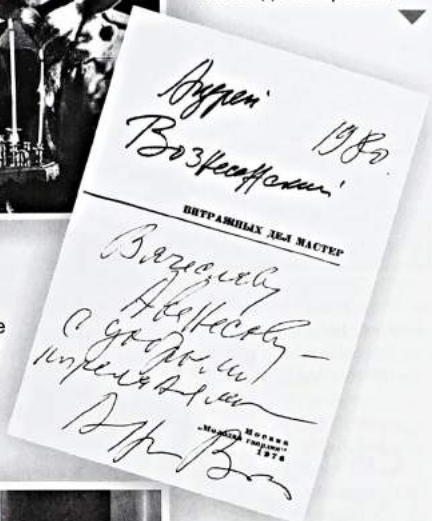
Слав Обанскому 98 лет моему 16 лет
 о зле Битлы, Кобей и др. молодца
 и часа на. Феликс Курган.
 март 75 г.а.

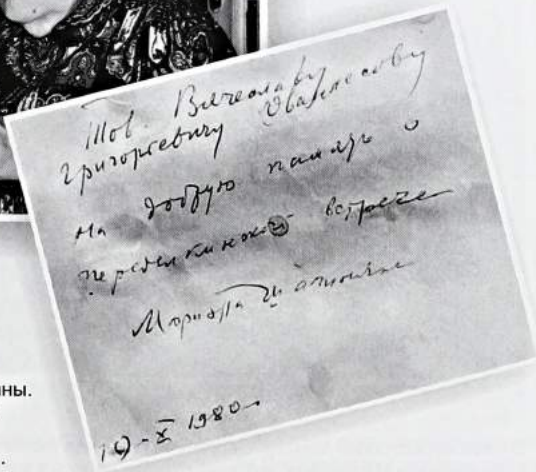
▲ В годы перестройки Михаил Сергеевич Горбачев любил читать интереснейшие интервью и эссе Феликса Медведева, которые публиковались в журнале «Огонек». Поэтому бывший президент СССР решил дать интервью журналисту, которому он доверял.

Андрей Вознесенский, обиженный на отказ властей приехать в Курган, все-таки подписал мне свою книгу «Витражных дел мастер», а затем и встретился со знаменитым курганцем хирургом Илизаровым. Но обида не прошла.

В Муромском соборе Андрей Вознесенский и Феликс Медведев поставили свечи за здоровье всех родных и друзей. Уже были взяты билеты на Курган. Самолет отлетал рано утром из Домодедово. Но из Кургана последовал окрик: «Вознесенского не принимать!».

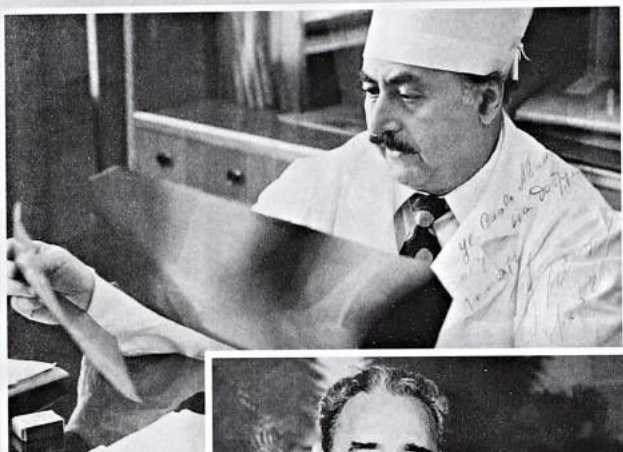
В глубокой старости писательница Мариэтта Шагинян знала обо всех заметных явлениях в жизни страны. При встрече она спросила меня: «Как жив-здоров Мальцев? А как там костоправ Илизаров?».

Римма Казакова оставила яркое впечатление после своих выступлений в Кургане. Она читала стихи, остроумно шутила и с благодарностью произносила тост за наше Зауралье.

На встрече с известным российским историком-публицистом Антоном Владимировичем Антоновым-Овсенко (он – крайний слева). В течение четырех часов в переполненном зале Центрального Дома литераторов он рассказывал о преступлениях Сталина. Москва, 1986 г.

◀ Курганский доктор Гавриил Илизаров был автором методов наращивания и коррекции костей ног, которые в свое время произвели настоящий фурор не только в отечественной, но и в мировой медицине.

Сам Фидель решил поприветствовать знаменитого хирурга-травматолога из Кургана Гавриила Илизарова. Такая встреча состоялась в жаркой Гаване на международном медицинском симпозиуме. ▶

▲ В перерыве между лечением выдающийся спортсмен Валерий Брумель встречался с горожанами. Валерия часто сопровождал его спаситель Гавриил Илизаров.

Аркадию, пациенту доктора Илизарова, укоротили в Кургане ноги на 11 сантиметров. Но рядом с Гулливером мы все равно выглядели коротышками. ▼

▲ Алексей Петрович Маресьев и Дмитрий Дмитриевич Шостакович вместе с доктором Илизаровым. Первый в качестве гостя, второй – пациент илизаровской клиники.

▲ Как только Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу полегчало, он выступил с небольшим концертом перед медперсоналом клиники доктора Илизарова.

◀ Дважды Герой Соцтруда Терентий Семенович Мальцев любил нас, журналистов, и по-отечески наставлял: «Любите природу, радуйтесь пению птиц». Таким запомнился знаменитый хлебобор мне, Феликсу Медведеву и художнице Марине Тимошенко.

◀ Этот снимок сделан почти сорок лет назад во время нашей очередной встречи с легендарным полеводом Т.С. Мальцевым. Столько же лет нашей верной дружбе с журналистом Феликсом Медведевым.

▲ Терентий Семенович Мальцев и знаменитая певица Людмила Зыкина были друзьями. Их связывала забота о сохранении русского духа в народе. В 2000 году в Кургане Людмила Георгиевна призналась мне: «Такого благодарного слушателя, как Терентий Семенович, я никогда не встречала».

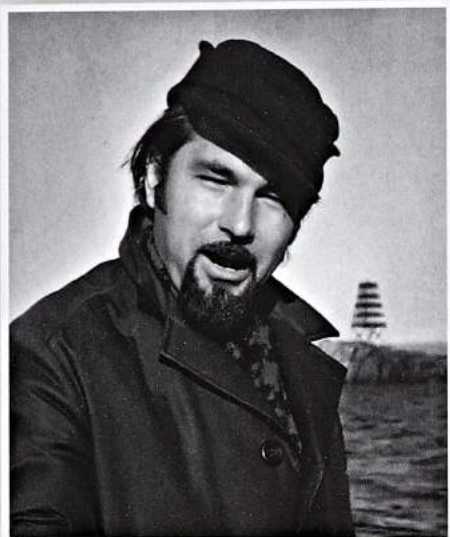

Автор и исполнитель собственных песен Людмила Туманова была первой героиней моих радиоинтервью. ▶

◀ Приезжавшие на гастроли в Курган самые знаменитые композиторы и исполнители приходили в гости к Людмиле Тумановой. В ее квартире на улице Пичугина бывали Ян Френкель, Микаэл Таривердиев, Владимир Шаинский, Елена Камбурова и другие выдающиеся музыканты.

▲ На записи телевизионной программы «Шире круг!» Слева – Татьяна Веденеева.

◀ Художник Александр Петухов был настоящим тружеником: в поисках натуры объездил всю страну, оставил тысячи прекрасных акварельных листов. Сейчас многие из них хранятся в фондах областного художественного музея и в частных коллекциях во многих странах мира.

▶ Народный художник России Герман Травников рядом с дочерью Юлией и внучкой Яной.

◀ «Стихов я никогда не писал, – категорически сказал при встрече со мной Григорий Григорьевич Пушкин, правнук великого русского поэта. – Потому что Александр Сергеевич запретил своим детям заниматься стихотворчеством».

▶ Гордость моей коллекции – миниатюрное издание Александра Пушкина «Евгений Онегин», вышедшее в свет в декабре 1836 года. Его называют «прощальный дар поэта». Александр Сергеевич успел подписать несколько таких книжечек своим друзьям и читателям.

▲ Первый «выход» в свет после долгих лет забвения писателя Анатолия Рыбакова. Только что вышла его книга «Дети Арбата» и первое телевизионное интервью на его даче в Перedelкино он дал Феликсу Медведеву и мне.

▲ Алексей Казаков и легендарная героиня есенинских строк Шаганэ Тальян. Ереван, 1970 г. Свое познание личности Сергея Есенина мой друг начинал с 1968 года со встреч с современниками поэта.

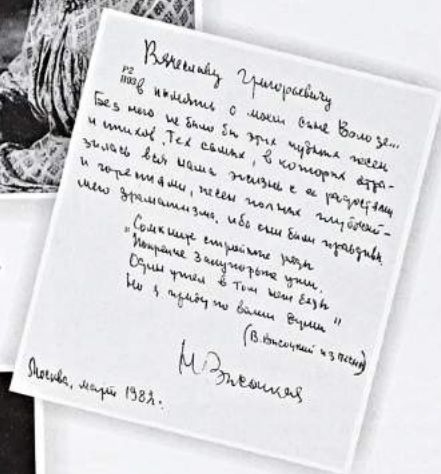

▲ В беде и радости мы вместе. Челябинский журналист Алексей Казаков, Людмила Туманова и я в Кургане в далеком 1981-м году.

Книгу Владимира Высоцкого «Нерв» мне подписала его мама ▶
Нина Максимовна Высоцкая.

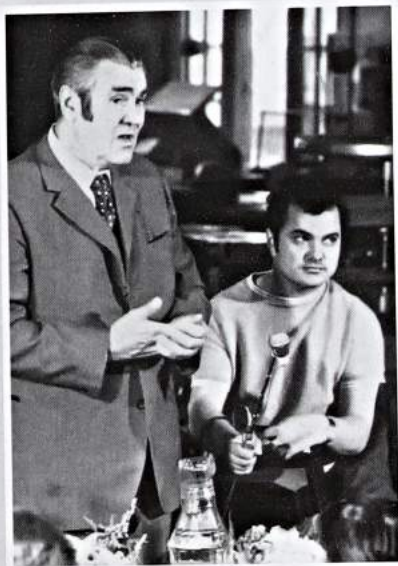
◀ Много лет Нина Максимовна Высоцкая жила воспоминаниями о сыне — Владимире Семеновиче Высоцком.

▲ Бывший железнодорожник Герой Советского Союза Григорий Архипович Криволапов был немногословен. Прошедшая война всегда тревожила его душу. Больше всего ему было жаль погибших солдат. О них он говорил: «Мои сынки». Именем Криволапова названа улица, на которой я сейчас живу.

Народный художник России Юрий Чернов оставил в Зауралье добрую память. Его работы посвящены известному советскому скульптору Ивану Шадру, дипломату Леониду Красину, полководцу Терентию Мальцеву, хирургу Гавриилу Илизарову.

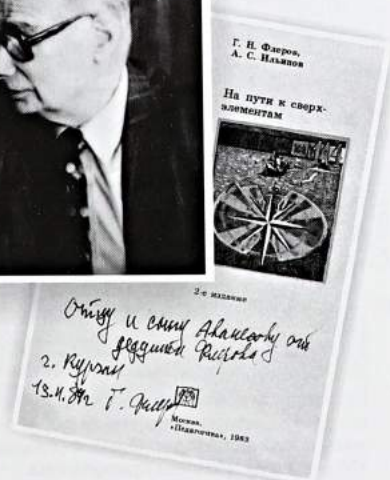
▲ Поэт Сергей Васильев всегда с радостью приезжал в Курган. Одно из его выступлений на заводе «Кургансельмаш» летом 1978 года.

▲ В мае 1973 года поэт Илья Френкель приехал на свою родину – в Курган. Позже поэт посвятил своему родному городу немало стихотворений.

▲ С одним из создателей советской атомной бомбы академиком Георгием Николаевичем Флеровым мне удалось встретиться, несмотря на его сверхсекретность. Он оказался удивительно добрым и открытым человеком.

Министр здравоохранения Мария Дмитриевна Ковригина, чья юность прошла в Китайском районе Курганской области, была смелым человеком. Ее не смущали ни строгий взгляд Сталина, ни окрики Хрущева. ▶

◀ В 1970-х годах в Кургане гостил Герой Советского Союза Алексей Маресьев.

Герой Советского Союза Михаил Девятаев интересно рассказывал в Кургане о том, как в феврале 1945 года ему с товарищами удалось бежать из плена на немецком «Хейнкеле». ▶

◀ Водрузивший победное Красное Знамя на рейхстаге Мелитон Кантария бывал в нашем телерадиокомитете. Конечно, мы все задавали ему вопрос: «Каким был май 45-го?»

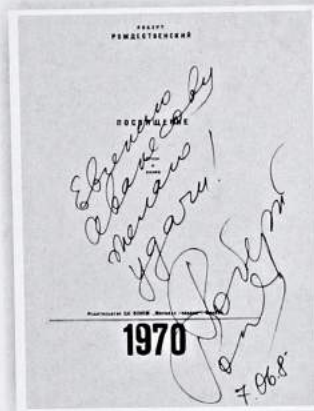
▲ Поэта революции Павла Железнова напутствовал сам Горький. А в Кургане он напутствовал меня.

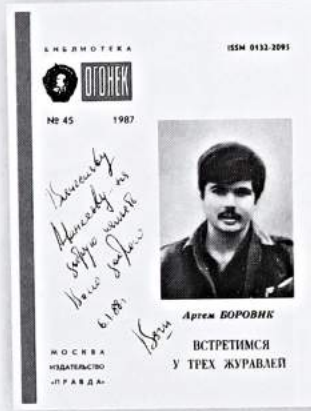
Литературовед Ираклий Андроников нашел в Лермонтове себя.

Поэт Расул Гамзатов мечтал побывать в Кургане в гостях у Г. Илизарова.

Автограф поэта Р. Рождественского моему сыну Евгению.

«Огоньковская» книга Артема Боровика – первая в его творчестве.

Свой первый концерт после болезни Татьяна Самойлова дала в Кургане. «Это были нелегкие дни», – признавалась актриса.

Джуна – целитель, поэт, философ. Ее дар признавал и ценил доктор Гавриил Илизаров.

с его друзьями – поэтами и журналистами. Я встретила с Лешей Еранцевым, Толей Кукарским. Мне было очень интересно! Так начиналась наша совместная жизнь...

– Какой был характер Леонида Петровича? Поэты, известно, народ слишком чувственный. Верны ли в быту были его поэтические строчки «Поэты своих жен не понимают, / Их миражи от кухни далеки...»?

– Конечно же, он был человеком легкоранимым. Но я знала, как необходимы были ему моя поддержка, доброе слово. Часто хвалила его за только что услышанное от него стихотворение. Для него это была радость. Он любил читать мне новые стихи, потом делал паузу, курил и смотрел мне в глаза, как бы спрашивая: что скажешь?

– И что Вы говорили, когда что-то не нравилось? Обижался ли?

– Не-е-т, обиды не было! Мои замечания были слишком легки и доброжелательны.

– Леонид был родом из Киева. Не слишком ли тяготила его жизнь в нашем холодном сибирском крае. Хотел ли он уехать обратно на родину, к родителям, к сестрам?

– Мы почти каждый год ездили в Киев. Сначала отдыхали в Гурзуфе, а потом садились в поезд и ехали на его родину. А уже потом, с возрастом, мы эту традицию стали нарушать ввиду его здоровья. К морю не ехали, а в Киев он мчался со мной обязательно. Посещали стадион, не пропускали ни одного матча киевского «Динамо». Порой погода не позволяла сидеть на трибуне – было холодно, ветрено. Сестры удивлялись, говорили мне: посиди дома, пусть он один поболует! Нет, я шла с ним, и футбольные переживания были общими. А потом вместе шли на биржи, где собирались коллекционеры со своими значками, марками, календарями и монетами. Это была его такая могучая страсть – собирать значки. В Киеве, рядом с мамой и сестрами, он набирался сил, отдыхал душевно. И обязательно торопился в Курган. Порой я его отговаривала: давай еще отдохнем! Нет, только домой! А уж потом – на Увал, на Просвет – по грибы. Здесь, на природе, он растворялся.

— Кажется, одно из его стихотворений так и начинается: «Я растворился в травах смутных, / В смолистом запахе ночном ...» В нем Леонид связал себя так тесно с духом природы, любовно, навсегда.

— Я не могу без слез читать эти строки. Он как бы сказал мне: ищи меня в природе, вглядывайся в цветок ромашки луговой — я сейчас там ...

Мне кажется, когда он был на природе, он как бы парил над нею, — настолько он был счастливым. Из леса он всегда нёс охапку цветов, потом дома художественно расставлял их в вазы, нюхал, любовался ими. А уж грибная пора для него была такой заветной! У нас часто были застолья. В гости приходили самые ближайшие друзья Саша и Света Фадеевы, Миша Куликовских, Герман и Ольга Травниковы, Саша Банников, Света Кукарская, сестра с мужем... Это было самое счастливое время! Леня здесь просто царил. У него были фирменные салаты, которые он лично готовил. Столько за столом было песен и обязательно — Галич, Высоцкий...

— Наверное, таким восторженным должен быть любой поэт. Только открытая и восторженная душа может создать настоящие стихи. Но как он воспринимал домашний быт, не в тягость ли ему, поэту, были дела семейные, где обязательно присутствуют далеко не поэтические заботы?

— Когда Лёни не стало, я о многом передумала — переплакала. Наверное, я была неважной помощницей. Он во всем любил систему — он же музейщик! Что-то просил помочь собрать, объединить. А я ему: «Лёничка, извини, я так устала. Вот, подожди, когда пойду на пенсию, я всё тебе сделаю!..» А когда подошла моя пора пенсионная, подумали — как жить дальше. Нам же не хватит денег, чтобы жить и помогать детям. И снова спешила из дома на работу. А когда его не стало, я все бумажки его, статьи из газет, все листочки собрала, систематизировала, подшила и подклеила. Вот они — все в альбомах. Ничего за бортом не осталось! Я освоила то, что он называл музейным делом.

— Любил ли Лёня музыку? Многие его стихи просятся на музыку. Они песенны и очень лиричны.

— Очень любил. Он всегда вспоминал свой Киев и парк имени Шевченко. Там по выходным всегда играл духовой оркестр и, причем, классику. Наверное, те воспоминания торопили нас в городской сад, где когда-то тоже играл духовой оркестр. Это было замечательное время.

Вспоминаю о прошлой жизни и думаю о том, каким он был заботливым. В нашей двухкомнатной квартире было тесно: вместе с нами жили мои дети, которые были и для него родными. Столько было любви, любования внуками! Наверное, это мешало для его творческой жизни, когда надо было писать стихи, быть в тишине. Но он никогда не жаловался, всегда спешил в шумный дом. Потом дети уехали, в квартире наступила тишина. А он, чувствовала, грустил о прежней жизни. Для него это было страдание и стихи просто не писал.

— Что он еще любил? Был ли Лёня человеком семьи, где требуются не только поэтические дарования, а иногда и кухонные, прозаически простые.

— Он не был беспомощным в семейных заботах. Любил готовить. С удовольствием жарил котлеты. Признаюсь, у него они получались превосходными. Любил покупать фрукты, нес их домой с радостью. На остальные покупки денег у нас не было. Мечтал издать хорошую книгу, особенно для детей, поэтому копил для этого деньги. Когда он неожиданно умер, у него на книжке оставались 10 тысяч рублей. Но реформенные перемены их просто «съели».

— Я помню, как в конце 1990-х годов Бендик читал нам свои любовные стихи. Они были классически отточены, в них было такое, чему может позавидовать любой поэт. Пожалуй, трепетное отношение к женщине.

— Я люблюсь ими всегда. Даже мечтала отправить их Пахмутовой, может быть, она смогла бы написать для них музыку. Лёня читал мне эти стихи, а я получала огромное удовольствие. Только в этих стихах была какая-то горчинка,

я ее чувствовала всегда. Может быть потому, что позади было немало переживаний... Помнишь эти строчки: «Я хотел быть самым-самым нежным. / Только жизнь устроена иначе...». Вся горечь от минувшего прошла через всю его поэзию. Но, как и любой поэт, Леня был влюбчивым. Может быть, это помогало писать самые лучшие стихи о любви. Кто знает...

Я часто уезжала в командировки в Москву, в Ленинград. Он писал мне на листках задания: купи то-то, сходи туда-то, найди, посмотри. Я уезжала, а он оставался один. Мое сердце болело, как он там, без меня. А потом он прочитал мне: «Милая, как стыло без тебя / В мире, где полно детей и красок, / Музыки и мудрости подсказок.../ Милая, как стыло без тебя...». И поняла, как ждал он и думал обо мне. И как грустил, когда меня не было рядом...

Между датами рождения и смерти Леонида Бендика разница всего в три дня. Он ушел так, как будто решил подшутить. Мол, видите, хотел собрать всех вас на свой день рождения, а не получилось, извините, — теперь уж в следующий раз. А следующий день рождения мы с горечью отмечали уже без него. Многие годы продолжается вся эта история «без Бендика». Но, «поэт живет, пока живут его стихи», — так сказал Леонид Петрович как-то нам, своим друзьям. И мы хорошо видим: стихи нашего друга Бендика переживут и нас, и, пожалуй, других, кто горячо любит поэзию. Ибо сами стихи всегда бессмертны.

2002 г.

Юрий Сенкевич. Он ушел в последнее путешествие

Еще недавно мы с затаенным дыханием смотрели телевизионные передачи Юрия Сенкевича. Они долгое время являлись для нас своеобразным окошком в большой и красивый мир городов, пустынь, саванн, где все необычно: природа, живой мир — люди, традиции и обычаи. Несколько поколений людей выросло на одной из самых интереснейших передач первой телевизионной «кнопки» — «Клубе путешественников». Не случайно именно эта телепрограмма за свое долголетие занесена в российскую Книгу рекордов Гиннеса.

Он много путешествовал, плывал, поднимался в небо. В его дневниках и блокнотах остались названия морей, стран и городов. Наш Курган был одним из пунктов, как он с удовольствием говорил, «сердечного притяжения». В 1980-е годы он привез в клинику Гавриила Илизарова своего друга — такого же неумного путешественника и скалолаза итальянца Карло Маури. С ним Юрий Сенкевич в качестве врача плывал на папирусной лодке — детище Тура Хейердала. Болезнь ноги мешала итальянцу жить полноценно. Юрий пригласил Карло в Курган в надежде вылечить своего товарища.

Несколько месяцев итальянец провел в Кургане. Юрий Сенкевич неоднократно приезжал к нему, вместе с ним знакомился с нашим городом, душевно помогал товарищу скорее встать на ноги. Когда это случилось и Карло Маури впервые смог обходиться без ортопедической обуви, счастьем его российского друга не было предела.

Вспоминая те далекие годы, нынешний гендиректор илизаровского центра профессор Владимир Шевцов говорит:

— Юрий Сенкевич запомнился мне удивительным человеком! Он был юмористом и остроловом, что сразу располагало к нему всех, кто был рядом с ним.

2003 г.

Юлия Травникова. Птица счастья на мольберте

Юлия Травникова давно выпорхнула из «гнезда». «Не хочется с грустью говорить об отчем крае — Кургане, я его особенно люблю. Но Москву, увы, больше», — призналась мне молодая художница.

В столице она быстро стала знаменитостью. После того, как в 1993 году она уехала из Кургана, с ней произошли вполне определенные изменения. Закончила знаменитую Строгановку, вступила в московский Союз художников и приняла участие почти в ста региональных, всероссийских и международных выставках.

— Хотя я и живу в столице, я не называю себя москвичкой и при этом всегда говорю: я родилась в Кургане. Меня сразу же спрашивают: где это, что это за город? Не в Средней ли Азии? Я говорю: в Сибири!

Сибирячка и москвичка Юлия Травникова — родом из семьи народного художника России Германа Травникова. Впрочем, остальные его дочери также состоялись: старшая Ника — кандидат психологических наук, любит рисовать; младшая Аня закончила Московский государственный университет печати, работает в популярном столичном журнале «Салон», занимается живописью.

Юлия считает, что гены отца заложили своеобразный отпечаток на ее творчество. Они определяют отношение к работе. Хотя отец по-прежнему первый ценитель ее искусства. И уже если что-то не понравится — обязательно подскажет, но убеждения дочери не стремится изменить.

Я видел, как много лет назад, будучи еще школьницей, Юлия творила в мастерской своего отца. Мольберт отца хранил дух ее творчества. Она рисовала с натуры натюрморты, отец критически посматривал со стороны, не спешил делать выводы и при необходимости помогал советами. Один из ее натюрмортов с простым названием «Посуда» восторженный покупатель просто вырвал из ее рук — так он понравился.

Сначала Юля хотела поступить в Санкт-Петербургский художественный институт. Но в Северной Пальмире она чувствовала себя гораздо хуже — слишком давил дух Петра. А Москва своей стремительностью и даже суетой ей больше нравилась. В столице много художников и то, что это поначалу относилось к «хвосту» художественной очереди, ей тоже нравилось. Не замечают, меньше внимания к тебе — значит, есть возможность самой подумать и поработать без оглядки. А уж если захочешь показать себя — дерзай! В Москве полно залов и других художественных уголков — выставляйся, проявляй себя!

— Я беру пример с отца. Он много работает, много выставляется. Он всегда с мольбертом, — говорит Юля. — Но у меня не всегда так получается. Какие-то бытовые проблемы — семья, что-то еще. Но я стараюсь...

Муж Юлии — скульптор. Он также трудоголик. Юля воспитывает дочь и стремится как можно больше работать у мольберта. Если есть возможность — на пленэр! На выставку! И в этой художественно-семейной круговерти — своя радость.

На ряде московских выставок Юлия Травникова стала лауреатом и даже обладателем Гран-при. В 2004 году в Центральном Доме художника провела персональную выставку. Она приблизила ее к заветной цели — стала полноправным членом товарищества живописцев. Ее признают, к ее мнению прислушиваются и от этого ей легко. Свою птицу счастья Юлия поймала.

2011 г.

Трагедия у Змеиной горы

После одной из командировок на моей кудрявой голове появились первые седые волосы. На месте катастрофы курортных поездов я увидел все сразу: боль, страх, отчаяние. Глядя на весь ужас, самому хотелось выть... Покореженные от высокой огненной температуры вагоны. Скомканые и обгоревшие матрасы и одеяла.

На сброшенных ударной волной в кюветы вагонах — груды цветов и вишневых веточек с ярко-красными ягодами — в память о погибших. На этом месте под городом Аша Челябинской области поздно ночью 4 июня 1989 года произошла одна из самых страшных в мире железнодорожных катастроф. Взорвавшаяся газовая смесь, вырвавшаяся из разорванной трубы газопровода «Сибирь — Урал — Поволжье», сожгла два курортных поезда. Среди погибших, а их более 500 человек, десять жителей Курганской области.

Ранним вечером 3 июня поезд «Новосибирск — Адлер» прошел через станцию Курган, захватив с собой местных пассажиров. Кто-то ехал на отдых к Черному морю. В этот час кто-то наоборот встречным поездом «Адлер — Новосибирск» возвращался домой. Два поезда, словно по чьей-то дьявольской затее, встретились в той самой злополучной низине, заполненной взрывоопасной смесью. Одной искры хватило, чтобы произошел громадный взрыв. По неофициальным данным, мощностью он был равен атомной бомбе, разорвавшейся в 1945-м в Хиросиме. Взрыв смел почти сорок вагонов, часть из которых сгорела вместе с пассажирами. В радиусе трех километров были повалены огромные деревья.

Утром 6 июня меня и корреспондента телевидения Александра Красношеина вместе с родственниками погибших отправляют в командировку в Уфу в составе областной комиссии. Столица Башкирии в глубоком трауре. Повсюду черные ленты на окнах домов, на троллейбусах и автобусах. Тревожные гудки машин «Скорой помощи». Ощущение

всеобщей скорби. Сразу при входе во дворец культуры нефтяников — огромные списки пострадавших. Подхожу к ним. Первое, что я вижу, — короткая строка: «Катя Муругова, 6 лет, Кетовский район Курганской области — умерла». Сердце сжимается от боли. На столах альбомы со скорбными фотографиями. Открываю и — земля уходит из-под моих ног! На снимках запечатлены обгоревшие тела. Для опознания. Но как тут узнать своих, когда над человеческими телами поработал огонь!..

Едва оправившись от увиденного, спешим на пресс-конференцию. В огромном кинозале много людей. Стоит сплошной шум. Члены правительственной комиссии также в волнении. Устанавливаем камеры, подключаем магнитофон. Министр путей сообщений Николай Конарев в темном измятом пиджаке докладывает о причинах катастрофы. Голос его хрипит, лицо уставшее. Из глубины зала кричат: «Почему вагон с челябинскими детьми прикрепили к хвосту поезда?! Почему не остановили движение поездов по загазованному участку?..». Десятки вопросов, в каждом из них сердечная боль, недоумение, слезы. Огромное горе! Рисуя «картину» беды, я включал магнитофон только тогда, когда требовалось подтверждение моих мыслей.

Едем к месту катастрофы. Поезд из нескольких вагонов доставляет родственников погибших на железнодорожный перегон Улу-Теляк — Аша. Подъезжаем. Низина, по которой еще несколько дней назад весело спешили поезда, выглядит черным обуглившимся пространством. Мы готовим сюжеты для радио и ТВ. Но что значит «готовим», когда мы в эпицентре горя. Саша Красношеин вытирает слезы. Они мешают ему снимать картину трагедии. У меня неровно бьется сердце.

...Безутешно плачет офицер. «Откуда вы?», — спрашиваю его. «Из Курганской области, поселка Лебяжье». Этим поездом возвращалась домой его жена с сыном. Когда рвануло и вагон запылал, жену зажал в купе. Спасти ее не удалось. Проводница пыталась выбросить мальчика из горящего ва-

гона. А он, обжигаясь, упрямо карабкался обратно в вагон и кричал: «Там мама, мама...». Его руки обгорели...

...Прапорщик с покрасневшими от слез глазами ищет хоть какие-то приметы пропавших солдат. Их было двое, и возвращались они после командировки в свою воинскую часть. Но их уже не найти — сгорели. «Хотя бы пряжки от ремней найти, хотя бы что-то...», — словно просит он нас.

Нас везут в парк отстоя вагонов. Некоторые обгоревшие вагоны уже здесь. Поднимаюсь по обгоревшим ступеням и замечаю при выходе груды обгоревших часов. По ним определяли количество пассажиров.

Областная комиссия бережно работает с каждым человеком. Владимир Федорович Чернов — добрый, заботливый. Я благодарен ему за трепетное отношение к тем, кто с болью в сердце приехал в Уфу узнать всю правду о погибших родственниках. Известный хирург, спасший на операционном столе сотни жизней, от огромного душевного напряжения осунулся, почернел — как от собственного от горя. «Какие слова найти, как помочь людям!», — спрашивает он меня, как будто я могу ответить на этот нелегкий вопрос. И сам находит слова каждому. Владимир Федорович организовал поиски пострадавших — а вдруг кто-то из пассажиров в страхе убежал от горящих поездов в лесной массив! Беседует с матерями, отцами, с детьми. После таких разговоров им становится легче.

До сих пор сердце болит и наплывает такая тоска, когда вспоминаю о той уже давней командировке к уральской скале — Змеиной горе.

2007 г.

Как я опекал «лунохода»

В своей репортерской жизни не припомню случая, более грустного и нелепого, чем этот. В 1970-е годы на третьем этаже Шабаловки, которая в те времена была вторым после Останкино студийным комплексом Гостелерадио СССР (его примета — знаменитая шуховская телебашня. — В.А.), я встретил весьма странного человека. Он шел по коридору отдела науки ЦТ необычно хромя и при этом размахивая руками. Тяжелый ортопедический ботинок на высокой подошве словно тащился при ходьбе. Я заинтересовался: кто же этот бедолага? Ведь в среду журналистов Центрального телевидения вряд ли мог попасть человек с явными проблемами здоровья, да еще в такой важный отдел, который готовил программы на тему космоса! Кто-то из журналистов с шуткой и намеком на космос сказал мне: «Это Илья Михайлович Суслов — наш «луноход». Суслов? Михайлович? Может быть, сын Михаила Андреевича Сулова — второго человека в советской партийной иерархии? «Наверное, да», — как-то странно ответили мне.

Можно было забыть об этом случае, не объявись «луноход» летом 1978 года в нашей Курганской телерадиокомпании. Была жара и Юрий Васильевич Хлямков, наш могучий руководитель, вытирал пот с лица. «Тебе до осени будет жарко, — таинственно сказал мне. — Готовься опекать московского гостя». И рассказал, что известный тележурналист из Центрального телевидения приехал в Курган лечиться к доктору Илизарову, что нужна ему наша шефская помощь — познакомить с городом, может быть организовать отдых на природе, иногда кое-что привезти из еды. Что еще? «Он сам подскажет», — резюмировал Хлямков.

Так я стал куратором Ильи Сулова на время лечения его в клинике Илизарова. Знаменитый хирург пообещал привести его в полный порядок: удлинить ногу, выправить походку. Илья с шуткой говорил мне: «Тяжелый ботинок, который мне сконструировали в ЦИТО, оставляю тебе на

память. А что, — мечтал он, — может быть, еще в космос слетаю!»

Чудаковатый мечтатель мне понравился: общительный, веселый, с шутками и прибаутками. Впрочем, говорил тяжело — также как и ходил, но речь была вполне понятная. Спросить о его болезни я не решился, ибо по внутреннему содержанию Илья был здоровее здорового. Хотя кто-то из врачей мне сказал о своем подопечном: все это последствия перенесенного в детстве полиомиелита. «Луноход» всегда был не унывающим: с хитрецей поглядывал на хорошеньких медсестер, пытался заигрывать с ними. А они, красавицы в белых халатах, с удивлением, а то и с недовольством поглядывали на него. Таких хромоногих весельчаков здесь хоть пруд пруди!

До операции времени было еще достаточно. С утра до обеда Суслов проходил медицинские обследования. Зато после обеда частенько звонил мне: приезжай, поговорим. Наши разговоры иной раз заходили о космических полетах. Его рассказы были интересны. Космические истории представляли предо мной во всех красках. Он знал о космосе все: о том, как готовились космонавты и как погибали. Он знал все тонкости полетов и даже мог назвать все условные обозначения космических кораблей, их характеристики и позывные космонавтов. Однажды назвал мне точную дату запуска космического корабля с человеком на борту. Все так и случилось: ракета вышла на орбиту секунда в секунду. Как-то Илья признался, что у него тесные отношения с Главным конструктором космических реактивных двигателей В.П. Глушко, который всегда по-отечески поддерживает его. Он был знаком с другими космонавтами, готовил тексты к телевизионным репортажам о запуске с космодрома Байконур космических кораблей. Одним словом, человек «за кадром», такой вполне земной «луноход» — со своими тайнами и открытиями.

Потом у него неожиданно появилась «Волга». Комфортабельное авто предоставил ему обком партии. Иной

раз Илья проговаривался: был у первого секретаря, тот ему благоволит.

А что, наивно думал я, все-таки сын Михаила Андреевича Сулова. Попробуй, откажи ему! На служебной партийной «Волге» мы катались по городу. Я знакомил гостя с нашими достопримечательностями. Иногда выезжали в районы. Признаться, такие поездки мне были только на руку: мой магнитофон «не остывал». Я записывал людей для областного радио. Илья учил меня журналистским премудростям и, скорее всего, стилистике репортажей. В этом он был мастер. В Каргапольском районе мы заехали к известному аграрнику, депутату Верховного Совета РСФСР Владимиру Федоровичу Придворному. Тот удивился познаниям моего хромоногого друга.

Что еще? Илья поведал о своей московской жизни. Квартира в центре столицы. Молодая жена, ну просто красавица! На фотографии она выглядела голливудской звездой. Илюша не важничал, рассказывал об этом просто, с шуткой, как, возможно, и полагается сыну крупного партийного босса.

Через некоторое время Сулова прооперировали. Я едва ли не ежедневно приезжал к нему. В одноместной палате ему было скучно. Увидев меня, веселел. Читал свои стихи, размышлял о жизни и делился секретами, которые, скорее всего, были из разряда семейных: о малыше, который еще не родился, о новой книжке стихов — она должна была выйти к концу года.

Встав на ноги, Илья потерял привычную тяжелую походку маятника. Я ему привез костыли — они помогали при ходьбе и придавали его беспомощной фигуре некую комедийность. «Смотри, — веселился он. — Похож на бродяжку Шульца в фильме «Праздник Святого Йоргена!». Здесь бы сам Игорь Ильинский отдыхал — так это было смешно! На этой радости мы с ним расстались. Иногда Илья звонил мне. А потом звонки смолкли, и я уже стал забывать о нем, вспоминая лишь тогда, когда видел на телеэкране вялую фигуру Михаила Андреевича Сулова.

Спустя годы случилось такое, от чего у меня по коже побежали мурашки. Открыл газету «Известия» и сразу наткнулся на огромную статью. Что, Илья Суслов? Да, о нем! Прочитал: «Старший научный редактор издательства «Агентство печати и новости» Илья Михайлович Суслов предал интересы Родины, стал работать на западногерманскую разведку». И вслед за этой публикацией Центральное телевидение — сразу несколько передач. Мой бывший опекаемый признавался в таких грехах, которые согласно УПК оценивались как измена Родине и мошенничество. Оказалось, что Илья Суслов продал немецкой разведке ряд документов под грифом «секретно». По всей видимости, это были технические разработки одного из космических кораблей. А по поводу близкого родства с всесильным членом Политбюро мой Илюша просто блефовал. Обещая своим многочисленным просителям оказать им помощь, брал крупные взятки. Вся эта криминальная история обростала фактами и нелепыми слухами. Говорили, что из-за него пострадали космонавты.

Военным трибуналом Илья Суслов был признан виновным в измене Родине в форме шпионажа и подстрекательстве к даче взяток и по совокупности совершенных им преступлений приговорен к 15 годам лишения свободы с конфискацией имущества.

Так закончилась журналистская карьера моего бывшего подопечного — одного из «сыновей лейтенанта Шмидта». Конечно же, он был талантливым человеком, обладавшим мужеством после перенесенного в детстве тяжелого заболевания — полиомиелита — стать известным телевизионным журналистом. Что сказать об истории его падения — «болото» затянуло? Или доверчивые люди просто уши развесили? Говорят, что спустя какое-то время Илья Суслов досрочно вышел из заключения. На свободе он остался совершенно один: без семьи и квартиры, без друзей и любимого дела. Никому не нужный, инвалид первой группы, он уехал из нашей страны и умер на чужбине.

2001 г.

Глава вторая

МИМОЛЕТНЫЕ ВСТРЕЧИ — УЗЕЛКИ ПАМЯТИ

Ираклий Андроников: «Лермонтов! Да!»

Высокий, статный, с седой шевелюрой, взгляд с улыбкой, таящий хитринку, — такое позволительно только мэтру. Голос бархатный, громкий. Человек-эпоха. В первый раз с Ираклием Луарсабовичем меня познакомил Илья Френкель. Короткая, почти секундная встреча произошла в октябре 1973-го перед концертом скрипичного квартета Юрия Ширинского в малом зале консерватории имени Чайковского.

— Иракл, — обращается к нему поэт, по-дружески чудно называя его имя. — Познакомься с моим другом из города детства.

Иракл общается с Ильей в том же духе.

— О-о, Френкл!

Переводит взгляд на меня и пожимает мне руку. Рука мягкая, теплая, пожатие нежное, — так, наверное, жмут руки музыканты-пианисты — чтобы ненароком не повредить пальцы. Я в оба глаза смотрю на знаменитого исследователя творчества Лермонтова. Еще неделю назад видел его выступление по Центральному телевидению. Сейчас он держит мою ладонь в своей. Чудеса!

Потом будет вторая встреча на Шабаловке, где Андроников записывал предисловие к своей давней телевизионной передаче «Загадка Н.Ф.И.». Ираклий Луарсабович душевно расположен и никуда не торопится. Первый и едва ли не последний вопрос я успел задать ему перед тем, как его спешно позовут в студию переписать фрагмент передачи из-за брака звука.

— С чего начинались вы как исследователь творчества Лермонтова?

— Лермонтов начался для меня на одном из семинаров профессора Сиповского в годы учебы в Ленинградском университете. Вместо письменного реферата, который я должен был посвятить судьбе Михаила Юрьевича, я попытался сде-

лать устное сообщение. Я наивно подумал, что профессор по достоинству оценит мой рискованный поступок. В ответ за самонадеянность я услышал от него убийственную фразу, прозвучавшую на всю аудиторию: «Жаль, но Лермонтова вы не знаете и знать никогда не будете».

К счастью, его слова не сбылись. Я много раз выступал на эстраде. Это были афишные выступления. А телевизионный дебют состоялся 7 июня 1954 года.

Кстати, Ираклий Луарсабович успел мне сообщить и о том, что в Кургане он никогда не был, хотя проезжал через Курган в поезде по пути в Омск. Перед Курганом, сообщил Андроников, у него реквизируют часы, которые он оставил в купе под подушкой. Он сказал мягко — реквизируют, а не так, как произнесли бы другие — сперли.

Потом много раз я зачарованно смотрел на Ираклия Андроникова, когда он вел свои изумительные телепередачи о Лермонтове. Лермонтов открывался для меня с новых и новых сторон. Как будто это был мой современник с соседней улицы.

Последняя моя встреча с Ираклием Луарсабовичем была в его доме. Это были тяжелые для него дни. Андроникова мучила тяжелая болезнь, позади остались трагедии: смерть дочери, сгоревшая дача, где хранились многие документы и где ему всегда хорошо работалось. Ираклий Луарсабович всматривался в желтый лист старинной рукописи, пытаюсь ответить на вопрос моего друга Феликса Медведева: чьей рукой начертано на листке известное лермонтовское стихотворение. Рука, держащая листок, предательски дрожала. Казалось Андроников не сможет увидеть все особенности написания. Вот буква «о» с легкой завитушкой — так писал поэт, словно вырисовывал. Он всматривается, произносит: «Лермонтов! Да!» Потом опять всматривается в буквы, которые цепляются друг за друга и, кажется, ничем не выдают себя. Ираклий Луарсабович вздыхает и тихо говорит моему другу: «Нет, это не Лермонтов...».

2001 г.

Татьяна Самойлова. Со «звездой» шел под ручку

Неужели такая робкая женщина, с прекрасными раскосыми глазами, одна из победительниц Каннского кинофестиваля Татьяна Самойлова может приехать в Курган! Не верится! Эту идею мне подбросил старый актер кино Павел Винник. Два дня он выступал с концертами в Кургане. Перед отъездом его в Тюмень мы сидели в тесном гостиничном номере, пили вино «за знакомство и прощание», нам обоим было легко и весело. Павел Борисович рассказывал о своей дружбе с Евгением Самойловым — самым народным и любимым актером в СССР и с его дочерью, кинодивой 1970-х Татьяной Самойловой. А потом неожиданно предложил: «А что если по моим следам в Курган приедет Таня Самойлова. Она тяжело переболела. Ей пора восстанавливаться. Прошу, если приедет — помоги ей!».

Поэтому так восторженно я принял его просьбу. Признаться, я давно был влюблен в Татьяну Самойлову. Вернее, в образ ее Вероники, который она создала в фильме Михаила Калатозова «Летят журавли». Этот фильм потряс меня своей откровенной правдой о жизни советского тыла в годы войны, о том, как ждали любимых и как не дождались.

...Татьяна Евгеньевна уже в Кургане. Ее душевно встречает филармония, размещает в гостинице «Москва», в том самом номере, в котором прежде селился Павел Винник. Она предупреждена: в Кургане тебя будет сопровождать Слава, журналист с радио. Поэтому я стараюсь быть вместе с гостьей. Этим же вечером — первая ее встреча со зрителями. В огромном зале не так много людей. В переднем ряду сидят две бабушки с небольшими букетиками цветов. Татьяна Самойлова читает стихи, отвечает на вопросы. Жидкие аплодисменты, не переходящие в овацию, — концерт окончен. Вместе с администратором Бюро пропаганды киноискусства направляемся в «Москву». Татьяна Евгеньевна выглядит усталой.

— За последние два года это моя первая встреча со зрителями, — говорит Самойлова. — Кажется, я не понравилась...

Пытаюсь успокоить актрису. Она молчит. Потом неожиданно спрашивает:

— Отметим встречу?

На столе появляется бутылочка коньяка. Татьяна Евгеньевна, кажется, душевно отходит от волнений концерта и успокаивается.

Нас уже ждут. Мой друг Светлана Кукарская, самый заядлый театрал, бывавшая на многих громких премьерах в самых знаменитых театрах столицы, готова нас принять. Идем, а вернее сквозим по главной площади города по направлению к гостевому дому. В длинной норковой шубе Татьяна Евгеньевна похожа на императрицу. Я бережно поддерживаю ее под руку и окидываю взглядом пустынную площадь: хоть кто-нибудь увидел бы меня, с кем я иду! Но честолюбие покидает меня — увы, ни людей, ни ветерка.

В уютной квартире Светланы, где кругом книжные стеллажи и нет этим книгам счету, Татьяна Самойлова переводит дух. Есть время спокойно поговорить, вспомнить о жизни. Мои вопросы звучат надоедливо, но наша гостья уже расположена отвечать на них. «Задавайте вопросы», — говорит она.

— Как советская критика восприняла успех фильма «Летят журавли» на фестивале в Каннах?

— По этому поводу я не раз плакала. Необъективность критики, как и мнение чиновников были налицо: моя героиня не вписывалась в советский менталитет и своим поведением напоминала проститутку.

Татьяна Евгеньевна нервно мнет салфетку.

— Меня не знали, какая я актриса, — плохая или хорошая. В фильме я снималась будучи студенткой театрального института. А это было непозволительно. Говорили: или учись, или уходи из института и снимайся на здоровье. Отец был строг, не хотел вмешиваться в этот процесс. Я снималась

тяжело: теряла сознание, переболела воспалением легких. Казалось, все было против меня.

— Кто из высоких гостей первым поздравил вас, когда вручили «Золотую Пальмовую ветвь»?

— Меня поздравил Пабло Пикассо, потом, кажется, Жан Кокто. В жюри фестиваля были также София Лорен, Джина Лоллобриджида. Успех был ошеломляющий. До сих пор я сохранила запах того праздника...

Мы говорили о многом. В том числе и о долгой паузе в кино. И о семейной жизни. Мне показалось, Татьяна Евгеньевна легко сказала о прожитых годах с Лановым — к тому времени все переболело! Но потом она неожиданно произнесла:

— Я бы не хотела, чтобы меня считали «звездой» одной роли. Вероника в прошлом. Журавли улетели. На экране немного моих ярких ролей. Но «Анну Каренину» особенно люблю. Жаль, не смогла по приглашению поработать в Голливуде — Госкино не пустил. Но жизнь продолжается...

Она как-то тяжело произнесла эти слова. На следующее утро Татьяна Самойлова уехала в Шадринск на встречу со своими зрителями. Их было гораздо больше, чем в Кургане. Но опять неприятности: не уложилась в отведенное для концерта время — на 20 минут раньше закончила встречу. И то потому, что упала со сцены в оркестровую яму. И тут же ее московский администратор накатыл в филармонию жалобу: Самойлова, мол, срывает концерты. Вечером Татьяна Евгеньевна позвонила мне: работать тяжело, уезжаю в Москву. С тем я ее и проводил.

2005 г.

Мариэтта Шагинян. Васильки на мальцевском поле

К знаменитой писательнице Мариэтте Шагинян я ехал с надеждой, чтобы она вспомнила о давней поездке к нам, на Урал и в Сибирь. Когда это было? По-моему, в начале 1950-х, когда она, собкор «Правды» по Уралу, работала над

знаменитыми очерками о том, как выполняются сталинские указания по индустриализации страны. Кажется, она заезжала в Шадринск, хотя в своих книгах этот город не упоминала. Но ведь говорил же Терентий Мальцев: «Я встречался с Мариэттой Сергеевной...». Но где и когда?

В Переделкино, где одиноко жила лауреат Ленинской премии и Герой Социалистического Труда, мы приехали втроем: Феликс Медведев, журналист Саша Арцыбашев и примкнувший к ним я. Феликс готовил юбилейный блоковский номер для «Огонька». Задание важное. Писательница знает многое о великом поэте и даже отпевала мертвого Блока по согласию с его вдовой Любовью Дмитриевной.

У двери в деревянном заборе стояли долго. Ни кнопки, ни веревочки, за которую, как в сказке, можно было дернуть. Не лезть же через забор! Три мужика, перелезающих через забор и направляющихся к дому старой писательницы, зрелище не из приятных. И только почтальон, проходившая со своей толстой сумкой, посоветовала: а вы крепче нажмите на дверь, она никогда не закрывается...

Деревянный дом в глубине сада — мы направляемся к нему. Стоим у дверей, обдумывая, как бережно, не испугав писательницу, войти в квартиру. Феликс командует: «Стойте здесь. Я иду один».

Слышим, как наш друг разговаривает с Шагинян, мы уже готовы ретироваться. Далее следует такой диалог:

— Я вас не ждала, голубчик. Почему не позвонили, Феликс?

— Я вам звонил, Мариэтта Сергеевна. Но вы, видимо, не слышали. Мне нужны ваши воспоминания о Блоке.

— Все, что я знала о Блоке, я уже давно рассказала.

Разговор явно не клеится. Но вдруг Мариэтта Сергеевна произнесла:

— Скажите, правда, что Ефремов будет ставить «Целину» по воспоминаниям Брежнева?

Феликс обещает тотчас кому-то позвонить и дать ответ.

Писательница смилостивилась:

— Вы с товарищами? Проходите.

Вот так я оказался в дачном доме знаменитого автора сотен, а может быть и тысяч статей, которые можно было объединить одной глобальной по тем временам темой: как живет и развивается СССР. Какая она — маленькая, сторбленная от старости, но удивительно крепкая верой, наполненная вся романтикой Октября. Говорят, Сталин любил читать ее статьи и жирным красным карандашом подчеркивал важные строки, отвечающие его мыслям.

Нас, не слишком молодых, но нахальных журналистов, Мариэтта Сергеевна сразу предупредила: диктофоны не включать, разговор в блокноты не записывать. «Вы все любите приврать, — ворчала бабушка Мариэтта. — Напишите о том, чего я вам не говорила, а ознакомить с написанным меня не удосушите».

Разговор был долгим. Мариэтта Сергеевна жаловалась на то, что ее забыли и забросили. «Я бы хотела создать в этом доме музей слепого и глухого писателя. Важно показать социалистический дух — не сдаваться ни при каких обстоятельствах. Но никому это не надо. Рядом со мной находится дача редактора «Литературной газеты» Чаковского, он большой писательский начальник, но и он не замечает меня».

Она была действительно глуха и только слуховая приставка, торчащая из уха, напоминала об этом. За это ее прозвали «железное ухо России». Но это не мешало ей знать все и обо всех. В годы индустриализации страны Мариэтта Сергеевна много ездила. Она могла легко собраться в командировку за тысячи километров, лишь бы ехал поезд, летел самолет, не брезговала ехать и в кузове полуприцепа. К тому же в своей старости она была почти слепа: ее глаза прятались под толстыми линзами очков.

Правда, ее частенько посещают молодые писатели. Приносят новости, рассказывают о своих книгах, помогают по дому. Она знает, чем живет СССР — прильнув вплотную

к экрану телевизора, смотрит новостные программы, театральные постановки и через специальный наушник слушает классическую музыку. В своей старости, когда мир ввиду надвигающейся глухоты и слепоты должен был сузиться до миллиметра, она не замечает этого. Лично сама крупными буквами написала фломастером на стекле своего окна: посмотри, как прекрасен мир, в котором ты живешь. Поэтому жадно всматривается в жизнь и радуется каждому дню.

В тот день, когда мы слушали ее громкий голос, Мариэтта Сергеевна говорила о прожитой жизни. Неожиданно вспомнила Марину Цветаеву, которая в 1941-м оказалась беспомощной и никому не нужной. «Если бы поехала вместе с нашей писательской организацией в эвакуацию, трагедии с ней не случилось бы». Одной всегда тяжело. Мне и самой, — отметила Мариэтта Сергеевна, — было нелегко, особенно в период репрессий.

Кажется, это о ней мог так написать Владислав Ходасевич:

*На трагические разговоры
Научился молчать и шутить...*

Великая бабушка в суровые годы репрессий, когда в том числе и писатели становились врагами народа, не любила говорить о том, кого арестовали и судили. Боялась доносов. В этом случае она становилась напряженной и обычно переспрашивала:

— Что вы говорите? Я же плохо слышу...

Но никогда не отказывала в помощи. В годы опалы и сильной нужды Михаила Зощенко она, как и другие неотступные друзья, помогала ему материально и поддерживала морально. Дочери одного из репрессированных писателей Шагинян продолжительное время посылала деньги.

Я долго не задавал ей вопрос о поездке за Урал. К концу разговора Мариэтта Сергеевна устала. И я чувствовал, что скоро она откажет в беседе. Но Шагинян сама первой задала вопросы, которые меня удивили и обрадовали. Она спросила о Терентии Семеновиче Мальцеве: правда ли, что

ему сделали операцию на глазах? Как он себя чувствует? На что я беспомощно ответил: «Ни о какой операции я не слышал». Мариэтта Сергеевна как-то легко пропустила мой вялый ответ и задала новый: «Как поживает костоправ Илизаров?» Она сказала именно «костоправ», а не как-то иначе – хирург, травматолог... Просто это слово больше нравилось ей. Вот на эту тему о «костоправе» Илизарове я мог рассказывать часами. Продемонстрировав эрудицию в области ортопедии и травматологии, я в свою очередь задал Мариэтте Сергеевне свой главный вопрос: приезжала ли она к нам, в Зауралье и встречалась с ли Мальцевым?.. И вот о чем она рассказала:

– Мне всегда была интересна тема культуры земли. Европу я объездила вдоль и поперек, писала много о том, как помогает в жизни культура земледелия, выхоленность полей и лесов. Однажды я сказала немцу примерно так: «Как красивы наши поля колосистой пшеницей, разукрашенные васильками». Когда я перевела ему, что такое «васильки», он от негодования даже покраснел. Он сказал примерно так: «Пфуй, пфуй, ведь это сорняки, вы их у нас не найдете!»

Кажется, в 1954 году об этом я рассказала Терентию Семеновичу Мальцеву на Всесоюзном совещании передовиков сельского хозяйства. Он засмеялся и пригласил меня к себе в гости в село Мальцево, в Шадринск. Я пообещала. И приехала. Но всего на несколько часов, так как должна была в тот же день уехать в Свердловск. Он привез меня на опытное поле и показал новый сорт урожайной пшеницы. Был жаркий июль. Пшеница налилась и чувствовалось, что будет хороший урожай. И вдруг я увидела те самые васильки. Их было немного, но они так украшали золотую пшеничку. И тогда я услышала от известного земледельца о том, как не любит он гербициды, как вредят они всему живому, природе, конечно же. Вот так васильки появляются. Я потом звонила Мальцеву и спрашивала про урожай. Он сказал, что урожай хороший. Но васильки не в счет. И засмеялся.

...Мы просидели у Мариэтты Сергеевны Шагинян до вечера. Уже темнело. Стали собираться домой. На прощание она подписала мне книгу «Товарищу Ованесову на память о переделкинской встрече. М. Шагинян».

1983 г.

Расул Гамзатов мечтал побывать в Кургане

Выдающийся советский поэт, обладатель самых немислимых литературных премий Расул Гамзатов всегда мечтал приехать в Курган, чтобы навестить своего доброго друга академика Гавриила Илизарова.

В 1991 году мне удалось побывать в гостях у Гамзатова в его московской квартире. Он и его жена Патимат встречали меня как родного человека. Расул Гамзатович так говорил мне: «Земляк моего друга – самый почетный гость». Меня угощали сладким дагестанским пловом, я смог оценить качество дагестанского коньяка и на прощание получил в подарок дагестанский кинжал. Но самым дорогим подарком стали две поэтические книги Расула Гамзатова с его автографом.

– Когда-то я дал слово Гавриилу обязательно посетить Курган и познакомиться с тем, как он лечит своих пациентов, – говорил поэт. – Я знаю, что там делают чудеса. По своей кавказской натуре я люблю все необычное и яркое. А мой земляк был именно таким. Мы с ним неоднократно встречались в Москве и как-то уже собрались ехать в наш родной Дагестан. И только моя болезнь помешала осуществиться нашей общей мечте. А жаль...

Рассказывают, что курганский хирург очень любил песню «Журавли». Как-то в день своего рождения он попросил поэта по телефону прочитать это стихотворение. Расул Гамзатович с присущим ему острым кавказским акцентом декламировал в телефонную трубку: «Мне кажется порою, что солдаты, с кровавых не пришедшие полей, не в землю нашу полегли когда-то, а превратились в белых журавлей...».

Поэт с грустью признавался в том, что современный читатель ничего не знает о его творчестве. «Я пишу на аварском, а перевести на русский некому, — сказал поэт. — Все мои переводчики уже в ином мире».

Теперь он сам превратился в белого журавля. Я смотрю в небо, пытаюсь увидеть журавлиную стаю. Может быть, его душа парит там, где летят эти прекрасные птицы. А голос Гамзатова сохранился в памяти и на ленте моего магнитофона. Слышу его слова: «У настоящего мужчины всегда должны быть две женщины. Первая — это его жена. А вторая — все его женщины».

2003 г.

Гулливер в Кургане

В репортерской жизни было немало встреч, которые запомнились особо. Героями моих репортажей были космонавты, великие артисты и писатели, а то и простые люди, которые не выделялись ничем, может, только... своим высоким ростом. А разве этого мало?

Он ехал в поезде и от этого очень страдал. Впрочем, он страдал бы и в салоне самолета, и в кабине самого комфортабельного автомобиля. Из-за своего невероятного роста — почти 2 метра 40 сантиметров, он нигде не мог уместить свои длинные и к тому же большие ноги. Более или менее удобно он чувствовал себя только на верхней полке. Лежа на ней, он мог просунуть свои ноги в багажный отсек. Так и путешествовал.

Гулливер направлялся в Курган к врачам Российского научного Центра «Восстановительная травматология и ортопедия», где творил чудеса хирург Гавриил Илизаров. Знаменитый на весь мир доктор лечил переломы, удлинял ноги, «отращивал» пальцы на руках. Из лилипутов он делал нормальных людей, которые после курса лечения уже ничем не отличались от обычных.

Но чтобы укоротить человека — такого в медицинской практике тех лет еще не бывало. Да и сама клиника Или-

зарова не располагала возможностями для лечения таких уникалов. Впрочем, лечить можно, но где найти кровать, стол или стул, чтобы впору пришелся такому необычному пациенту!

Гулливера звали Аркашей. Он был добр и улыбчив, верил в чудеса и охотно отдал себя во власть врачей. Аркаше иногда приходилось выезжать в город, чтобы посетить магазины, посмотреть на улицы. Здесь ему было нелегко, ибо вслед за ним всегда шли толпы удивленных мальчишек и взрослых. Кто-то даже прочил ему большую спортивную карьеру. Такому, как он, думали некоторые, место в сборной команде СССР по баскетболу. И не иначе!

Врачи вспоминали курьезные случаи пребывания Аркаши в клинике доктора Илизарова. С крыльца старого здания клиники он мог свободно заглянуть ...в окно второго этажа. Девчонки-пациентки, хозяйева этой палаты, при этом весело хохотали.

Но мало кто из любопытствующих знал, что Аркадий был болен. Большая деформация коленных суставов голени и стопы не позволяла ему жить в радости. С таким заболеванием в спорт не пойдешь, ходить бы только по земле, да и то с трудом!

Врачи должны были сделать, казалось бы, невозможное: укоротить ноги, то есть вырезать часть деформированных костей и затем срастить их. Трудная операция к тому же была еще и опасной. При большей резекции сосуды могли тромбироваться, а это грозило потерей ног. Поэтому операция проходила в несколько приемов — дозированно: кости вырезали поэтапно, а это позволило избежать осложнений.

Операции делал главный кудесник-исцелитель Гавриил Абрамович Илизаров. Аркадий мужественно перенес все тяготы лечения, стал короче на 11 сантиметров и затем уехал к себе домой. Обратного уже не возвратился. Что с ним сейчас — никто не знает.

На давней фотографии в моем альбоме великан стоит в окружении журналистов. Удивленная Юлия Сэйл, коммента-

тор Венгерского радио, через своего переводчика – будущего ведущего телевизионной программы «Новости» Центрального телевидения Владимира Стефанова – пытается поговорить с Аркадием. А справа стою я. Рядом с укороченным Гулливером я выглядел лилипутом.

1998 г.

Джуна. Простой массажистке доверял генсек Брежнев

Ее с нетерпением ждал хирург Гавриил Илизаров. Курганскому ученому нравились методики послеоперационного лечения больных, разработанные московской массажисткой Евгенией Давиташвили. Поэтому он позвал ее к себе на работу. Но все планы нарушил Генеральный секретарь ЦК КПСС.

В 1987 году секретарь обкома партии Павел Алексеевич Матвеев показал мне фотографию черноглазой амазонки. Фото завораживало: длинные черные волосы, красивые миндалевидные глаза. «Кто это?», – спрашиваю Матвеева. Он загадочно отвечает: «Джуна». И, прочитав удивление на моем лице, подтверждает: «Да, та самая!».

В то время ее имя с восторгом называли многие в нашей стране. Одна из немногих – легендарная Джуна с иранскими корнями: волшебница, поэт, художник, музыкант. Можно было назвать другие ее пристрастия – к медицине, искусству, политике. Она – ученый, заслуги которой признали почти сто тридцать академий мира, член Консультативного президентского совета. Вот так, да и то неполно. Но все эти звания она получила после того, как ее пригласил Леонид Ильич Брежнев полечить свое застарелое тело. Она владела даром бесконтактного массажа (ее руки излучали необыкновенное тепло, изменявшее структуру крови, способное лечить и вылечивать!). Леонид Ильич на время почувствовал себя лучше. У него прошли боли в спине, и, как ему показалось, окрепли ноги. Он этому был рад. Да и сама Джуна казалась

ему волшебницей. Ее руки словно летали над телом генсека, согревая и убаюкая его. Она рассказывала своему покровителю о своей жизни. Леонид Ильич даже поинтересовался: «Наверное, женихи покоя не дают!» На эту тему Джуна могла бы рассказать многое. Но решила не посвящать в свои тайны Леонида Ильича и с улыбкой сказала: «Мой главный «жених» – сын Вахо. Любимый и единственный». За проявленную заботу о нем генсек помог своей спасительнице, предоставив ей через Моссовет огромную квартиру в центре Москвы и даже выделил ей в этом же доме в переулке Вахангова отдельную мастерскую.

О своей любви Джуна никогда никому не рассказывала. Хотя преданных друзей у нее было немало. Один из таких был Игорь Тальков. Он нравился ей как мужчина и как певец. Игорь помогал ей записывать ее песни, частенько гостил у нее и, как ей казалось, снимал душевные заботы. «Мы вместе боролись за правду в искусстве и в жизни», – скажет потом Джуна. Она предчувствовала его гибель и даже пыталась его отговорить от того рокового концерта. В память о дружбе Игорь посвятил ей стихотворение, в котором есть такая строчка: «Скажи, откуда ты взялась и от какой отбилась стаи...».

Джуне доверяли многие. У нее лечился Андрей Тарковский и другой Андрей – Вознесенский. И третий Андрей – «мосфильмовский» Кончаловский. На ее спасительный «огонек» прилетали Джульетта Мазина и Федерико Феллини, Ричард Гир, Артур Кларк, нобелевский лауреат Габриель Гарсия Маркес и другие известные персоны. Их фотографии с восторженными автографами я увидел на стенах ее мастерской, где Джуна творила свои художественные шедевры.

В то время, когда Джуну знали немногие, с ней случайно встретился курганский хирург – травматолог Гавриил Илизаров. Она продемонстрировала ученому свои необычные способности в области бесконтактного массажа. Илизаров поразился. То, что предлагала волшебница Джуна, было необходимо для лечения травматологических больных! Остеомиелит проходил, раны затягивались, лечение шло быстро.

Илизаров предложил Джуне вакантное место в его институте. Джуна согласилась. И приехала бы, если бы не появился на ее пути сам Брежнев со своими серьезными болезнями, конечно, решивший махом все ее проблемы.

К Джуне меня привел все тот же Феликс Медведев. Ценившая его журналистские способности, она полностью доверяла ему и считала: его друзья – ее друзья. Вот так я оказался в доме Джуны.

Помню, как она принимала своих друзей по случаю приезда ее из Ватикана с Всемирного Конгресса религиозной элиты. Джуна рассказала нам о своей встрече с Папой Римским. Тот тепло встретил ее в соборе святого Петра. За стенами огромного храма лил дождь. Джуна боялась, что ливень помешает ей встретиться с самим заместителем Бога. Беседа была короткой. Карол Войтыла расспрашивал Джуноу о судьбе ее ассирийского рода и о жизни ее земляков в Советском Союзе. Потом протянул гостье свою руку для поцелуя. Смутившаяся Джуна робко произнесла: «Мы, ассирийские женщины, руки мужчинам не целуем».

Я несколько раз встречался с волшебницей Джуной в ее гостеприимном доме в переулке Вахтангова на Арбате. Самая загадочная женщина СССР приглашала меня посмотреть на ее эксперименты в институт морфологии Академии наук. В последний раз, когда я навещал ее перед своим отъездом в Курган, вручила мне видеокассету. «Это для Гавриила Абрамовича Илизарова! – сказала Джуна. – Там записаны все мои медицинские методики. Они помогут ему».

1994 г.

Глава третья

ХРОНИКА ГОЛОСОВ И СОБЫТИЙ

(1971–2001)

Чем интересно записанное для радио интервью? Оно хранит тембр голоса, неповторимую интонацию, стилистику речи. Спустя десятилетия по этим радиоинтервью будут судить об эпохе и о людях. Как им жилось, почему они грустили и чему радовались?

Гавриил Илизаров возглавил КНИИЭКОТ

Правительство СССР приняло решение о создании в Кургане научно-исследовательского института экспериментальной и клинической ортопедии и травматологии. Ранее он был филиалом Всесоюзного НИИОТ им. Вредена. Для директора института Гавриила Абрамовича Илизарова это огромная радость. В новый медицинский центр я приехал вместе с телеоператором Эммануилом Брейтманом. Это мое первое интервью с великим ученым, а для Эммануила далеко не первая встреча.

— Что даст нам институт? Во-первых, это самостоятельность. Мы имеем немало перспективных ученых, которые создали ряд самых прогрессивных методов лечения травматологических и ортопедических больных. Наше направление — это возможность лечить людей щадящим методом, когда не надо травмировать саму кость, а сращивать отрезки кости и затем направлять лечение так, как этого требует современная медицина. Многие наши пациенты из разных городов страны уже свободно работают и позабыли, что когда-то хромали, тем самым испытывали страдания.

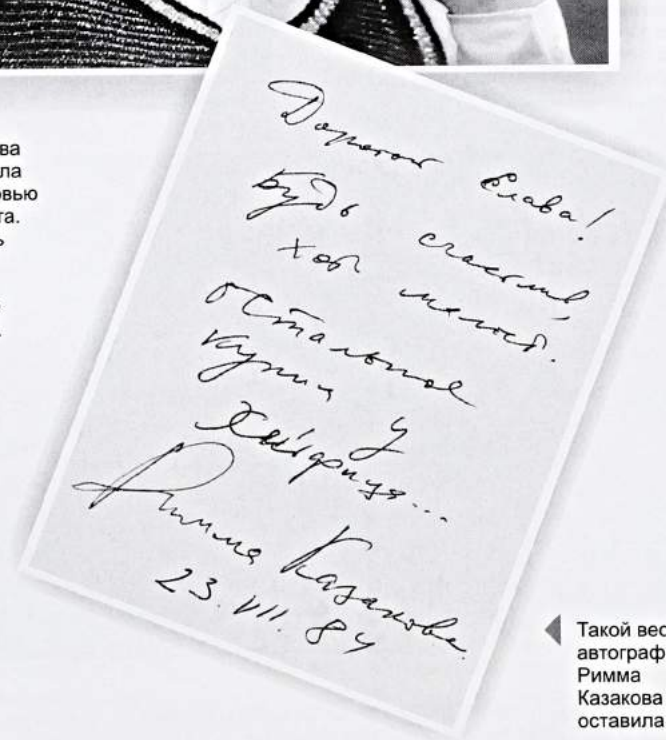
— Как чувствует себя один из первых ваших пациентов Валерий Брумель?

— Он не первый, а, наверное, сотый наш пациент. Но один из тех, кто, имея серьезную травму, горячо поверил в то, что только в Кургане его поставят на ноги. По-существу, после аварии у него не было ноги. А сейчас она есть, и Валерий уже намерен поставить новые рекорды в спорте.

1971 г.

▲ Римма Казакова всегда смотрела на мир с любовью женщины-поэта. Влюбленность помогала ей создавать удивительные стихи и песни.

◀ Такой веселый автограф Римма Казакова оставила мне.

С удивительной исполнительницей романсов Валентиной Пономаревой я познакомился в Кургане, когда в 80-х годах прошлого столетия она выступала в знаменитом цыганском трио «Ромэн». А потом было немало встреч в Москве. Я всегда считаю ее самой прекрасной российской певицей.

Эдита Пьеха никогда не отказывала в интервью и легко рассказывала о всех жизненных ситуациях. В Кургане она гастролировала несколько раз и всегда охотно дарила магнитофонные записи своих песен областному радио.

▲ Актриса Светлана Светличная бросила взор на сцену, где выступает ее муж Владимир Ивашов. В Курган он приезжал на операцию к хирургу Якову Витебскому.

▲ Я был свидетелем последнего выступления прославленной советской гимнастки Лили Назмутдиновой. В интервью она печально сказала мне: «Всё. Ухожу из спорта...».

▲ Любимец курганской публики Иосиф Кобзон не раз выступал в Курганской области. В конце 80-х певец едва не разбился, возвращаясь поздно ночью из Шадринска в Курган на филармонической «Волге». На следующий день об этом печальном событии знала вся страна. «Эй, ухнем!» – мы загоняем разбившийся автомобиль в гараж.

◀ «Спасибо за лечение!»
Итальянский путешественник Карло Маури благодарит академика Илизарова. Слева – Юрий Сенкевич.

Фронтвики Борис Колпаков и Виктор Шадровский стали народными артистами России в Курганском театре драмы. ▶

Смешной актер московского Театра на Таганке Готтлиб Ронинсон после посещения клиники илизаровского медицинского центра радостно воскликнул: «Да здравствует Курган! Да здравствует Илизаров!».

▲ Прекрасный актер Сергей Никоненко играл в кино Есенина и сумел открыть в Москве мемориальный музей Есенина.

Нина Малиновская, правнучка декабриста Повало-Швейковского, в годы войны строила в Курганской области мост через Тобол и не подозревала о том, что ее прадед похоронен у стен курганского храма святого Александра Невского.

▲ Писатель Виктор Астафьев мечтал вновь приехать в Курган, чтобы встретиться со своими читателями.

Шутник и балагур Никита Богословский также весело провел концерты в Кургане, встретился со своими друзьями. А потом звонил в Курган: «Вы еще меня не ждете?».

Актер Анатолий Ромашин был настоящим патриотом России, чутко реагируя на все происходящее в стране.

Друг Сергея Есенина Илья Шнейдер и его ассистент Людмила Саперова в октябре 1979 года гостили у меня. Старый писатель вспоминал об эпохе Есенина и в подробностях рассказывал об Айседоре Дункан. Удивительное время, удивительные люди!

Его книга «Встречи с Есениным», на которой Илья Шнейдер оставил мне автограф, свидетельствует о бурном романе Сергея Есенина и Айседоры Дункан. ▶

Знаменитая вышивальщица Галина Сергеевна Душкина учила этому искусству меня, когда мне было всего 11 лет. Она воспитала сотни мастериц, которые своим искусством прославились на весь мир.

Актриса Клара Румянова всегда с теплотой вспоминала наше Зауралье и родную деревню Большая Погорелка, где во время войны вместе с мамой Анной Петровной и ее воспитанниками она провела больше года. ▼

Народная артистка России Нина Усатова считает, что ее дом в Петербурге, а родная земля – в Кургане. По телефону всегда говорит: «В этом году обязательно приеду, чтобы поклониться родине». Слово держит.

Веселое интервью мне и Юре Асташину дает чемпион мира по акробатическим прыжкам Василий Скакун. Нам хотелось узнать, как он крутит в воздухе тройное сальто.

▲ Для актрисы Екатерины Васильевой наш город – это малая родина ее отца, поэта Сергея Васильева, воспевшего «прямые улочки Кургана».

▲ Имя курганского художника Валерия Хорошаева занесено в международную энциклопедию художников.

▲ «На этой фотографии хорошо видно, как я плечами подпираю Альпы», – делился впечатлениями с родителями о поездке в Швейцарию создатель генеалогического общества Павел Свищев. 26 апреля 1998 г.

▲ Поэт Глеб Горбовский рассказал мне о том, как его судьба тесно переплелась с жизнью Николая Рубцова. «Память радостна и горька», – сказал Горбовский.

▲ Маршал СССР Филипп Иванович Голиков всегда с огромной радостью гостил на своей родине в Катайском районе Курганской области.

▲ В Кургане частенько гостили космонавты. Так торжественно встречали в Кургане Василия Григорьевича Лазарева.

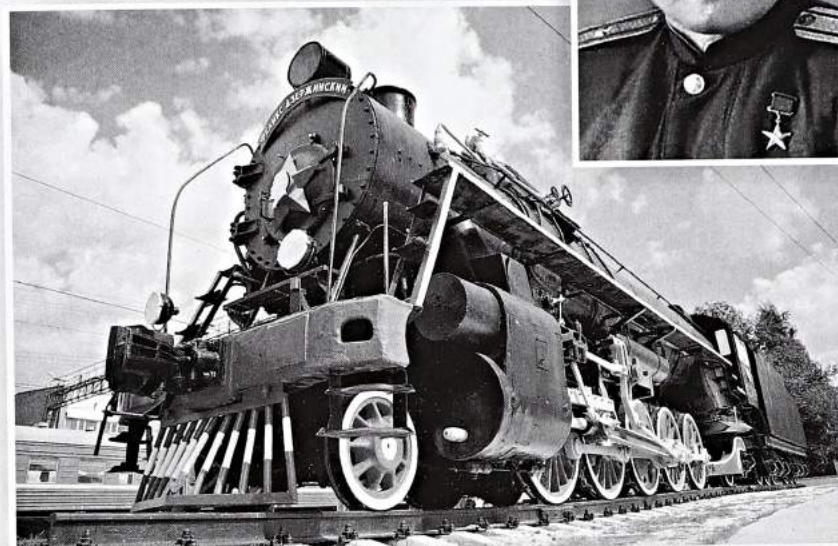
▲ В октябре 1893 года весь Курган пришел встречать первый поезд. Это был великий праздник для всех – купцов, духовенства и простых жителей.

Кургань.—Kourgan. № 4.
Вокзалъ.

▲ Таким запечатлел курганский железнодорожный вокзал фотограф Алексей Кочешев. Писатель Всеволод Иванов вспоминал: «Я назначал свидания на вокзале – так здесь мне было хорошо!».

Железнодорожник Иван Блинов первым в Курганской области удостоился звания Героя Социалистического Труда. ▶

▲ Памятник паровозу «ФД» на привокзальной площади – одна из достопримечательностей Кургана.

▲ Почетный железнодорожник Вениамин Менделевич Слосман руководил Курганским отделением Южно-Уральской железной дороги больше всех – 35 лет – и оставил о себе добрую память.

◀ Герой Социалистического Труда осмотрщик вагонов Надежда Яковлевна Кочнева всегда работала надежно.

◀ В марте 1961 года на железнодорожном вокзале курганцы встречали главу государства Никиту Сергеевичу Хрущева. Я в этот момент сидел на крыше здания, чтобы увидеть всю картину своими глазами.

▲ Курганский вокзал – место встреч и расставаний.

В начале 70-х годов в Курган на лечение к Г.Илизарову несколько раз приезжал выдающийся композитор Дмитрий Дмитриевич Шостакович. На Курганском вокзале его всегда встречали первые лица области и города. ▶

◀ Старейший курганский железнодорожник, ветеран Великой Отечественной войны Лев Львович Жебелев рассказывает о боевом прошлом Владимиру Пястолу и Виктору Гуту.

Курганский НОД Николай Дмитриевич Павлюченков много сделал для сохранения и развития нашего железнодорожного узла. ▼

Командиры-железнодорожники Курганского региона Виктор Грибанов, Сергей Домосканов, Владимир Пястолов, Сергей Мехонцев. ▼

▲ Старый машинист Анатолий Иосифович Мунгалов хорошо помнит те времена, когда все грузы по Транссибу тянули такие паровозы-труженики.

▲ Ветеран-железнодорожник Евгений Степанович Прокопенко великолепно поет и играет на старинной скрипке.

Диктора Курганского железнодорожного вокзала Марию Тихоненко называют душой Южно-Уральской железной дороги за исполнение русских народных песен. ▼

◀ Главный музейщик Курганского региона Анатолий Семенович Андросов – истинный хранитель славного прошлого локомотивного депо.

Курганский железнодорожник Александр Минеев увлекся редким видом спорта пауэрлифтингом. Вскоре Минеев стал устанавливать не только российские, но и мировые рекорды. ▶

Главные книги Южно-Уральской магистрали (автор и редактор составитель А.Л. Казаков), ставшие экспонатами музея ЮУЖД и вобравшие всю историю дороги со времен строительства Транссиба (1891) до наших дней – производственной деятельности ОАО «РЖД».

И здесь мы вместе – Алексей Казаков и я – на презентации книги «Вагонники» в курганском вагонном депо. 1 октября 2003 год.

Иногда из радиокорреспондента я воплощался в героя телевизионных репортажей. А что же, хотелось попробовать себя и в таком качестве. ▶

◀ Курганскому областному радио я отдал 31 год. Это было счастливое время.

▲ На снимке я с Алексеем Казаковым. Наша дружба длится более 40 лет. Сейчас он мэтр: писатель, журналист, исследователь творчества Сергея Есенина и Николая Клюева. И автор многих книг по истории Южно-Уральской железной дороги.

▲ Нас только трое, союз наш крепок! Такими были мы, репортеры Курганского областного радио: Светлана Мехнина, я и Георгий Ефимов в 1980 году.

Борис Колпаков первым получил звание «Народный артист РСФСР»

Моему соседу по дому детства и любимому артисту Курганского областного драматического театра Борису Александровичу Колпакову присвоено звание «Народный артист РСФСР». Яркий драматический артист, за плечами которого сотни ролей. В том числе и Ленина.

– Это ответственнейшая для меня роль. Ведь его образ дорог каждому из нас и соврать, нарисовать его другими красками, обесцветить – нельзя.

– Вы, действительно, народный артист. В театр идут не просто увидеть спектакль, а встретиться с вами. Я видел, как зал горячо приветствует вас.

– Я много лет на сцене. И для меня фраза «служить театру» равнозначна «служить народу».

1972 г.

Художник Валериан Илюшин открыл свою последнюю выставку

Известному курганскому живописцу, ученику великого художника-передвижника Константина Савицкого, Валериану Федоровичу Илюшину исполнилось 85 лет. В залах областного краеведческого музея открылась выставка его работ. Вместе с ним на открытие выставки пришла его супруга Наталья Севастьяновна. Художник болен, ему трудно говорить. Короткое выступление художника я записал на открытии выставки.

– Я считаю необходимым выразить благодарность за чуткое, хорошее отношение и внимание к моей проделанной работе. Все, что я делал, только от чистого сердца, от всей души и с большим интересом. Конечно же, я очень доволен успехами моих учеников. Они, как молодые художники, продолжают творить в области изобразительного искусства.

1973 г.

209

P.S. Двадцать работ, представленных на выставке, художник подарил городу. В 2002 году одну из картин Валериана Илюшина я увидел в кабинете начальника отдела ЗАГС по Кургану Галины Митрофановны Симоновой. «Откуда она у вас?», — поинтересовался я. «Ее нашли в подвале бывшего обкома КПСС. Я попросила — отдали».

Актер Готлиб Ронинсон воскликнул: «Да здравствует Курган!»

Смешной человек в известных фильмах «Берегись автомобиля» и «12 стульев», артист театра на Таганке Готлиб Ронинсон приехал в Курган на встречу с кинозрителями. Любимец многих зрителей дал несколько концертов в Кургане. После посещения клиники Илизарова был настолько поражен увиденным, что захотел приехать в Курган вновь, но вместе со своим молодым коллегой Владимиром Высоцким. «Ему так не хватает роста, — пошутил артист. — А если серьезно — методы вашего хирурга Илизарова — это просто фантастика!».

— Курганцы — очень радушные и приветливые люди. Я сегодня ответил на самые разные их вопросы. И как стал артистом, и какие роли для меня самые любимые.

— *Самые любимые? У вас немало ролей. И для меня вы всегда прекрасный артист.*

— Спасибо. Одна из любимых ролей — начальник Деточкина в фильме Эльдара Рязанова «Берегись автомобиля». Но когда я вспоминаю о других ролях, то сразу начинаю думать о том, что нет ролей не любимых. Это как мои верные друзья.

— *Владимир Высоцкий написал стихотворение, посвященное именно вам. С чем это связано?*

— Мы работаем с ним на одной сцене. Но, кроме того, я занимаюсь общественной работой в профсоюзном комитете театра. Ко мне по разным вопросам идут и артисты, и осветители, и помощники режиссеров. Вот он очень мило пошутил:

*Если болен морально ты,
Или болен физически,
Или периодически.
Не ходи ты к частникам,
Не плати им грошики.
Иди к Гоше, несчастный,
Тебя вылечит Гошенька.*

Готлиб Ронинсон подарил мне свою фотографию и оставил под своим портретом вот такие слова: «Славику Аванесову с большой симпатией и самыми добрыми пожеланиями успехов в его благородном труде. Надо поступать на журналистский факультет МГУ. Запомните пословицу: «Кто всегда идет за другими, тот никогда не будет впереди». Ваш Ронинсон, заслуженный артист РСФСР. Да здравствует Курган! Да здравствует Илизаров!»

1973 г.

Художник Александр Петухов приехал с северного пленэра

С Сашей Петуховым была связана моя юность. Мы жили с ним в одном дворе: я в небольшом деревянном доме на Советской, 105, он вместе с мамой — в подвале соседнего кирпичного дома, бывшем доме родителей поэта Сергея Васильева. Понятно, наши встречи были частыми. Мы вспоминали о том времени, когда занимались в изостудии Дворца пионеров под пристальным оком Валериана Федоровича Илюшина. Саша подарил мне несколько студенческих акварелей. К сожалению, я их не сохранил. Но позже, когда я пришел на областное радио, наши творческие пути стали пересекаться все чаще. Я бывал в его мастерской на улице Пичугина. У Саши была хорошая коллекция пластинок с голосами известных исполнителей. Он сам любил петь и признавался: «Когда работаю на природе — пою».

В июне 1973 года Саша вместе с Сергеем Белоконом побывал на Кольском полуострове и в Карелии. Впечатлений — уйма! Вот о чем он тогда рассказал.

– Север мне давно нравится, привлекает могучей силой, вдохновенным трудом людей. Это очень смелые, сильные люди, которые способны на большие дела. Сама природа созвучна характеру людей. Поэтому сила, могучесть, органное звучание природы меня привлекало и привлекает очень.

– С чего началось твое путешествие по Северу?

– Сначала из Кургана в Красноярск. А оттуда мы наметили добраться до Дудинки – низовья Енисея и дальше до Диксона. В Красноярске мы встретились с местными художниками, которые нам очень любезно помогли и советом, и делом. Встретились мы с начальником речного пароходства Фоминым. Он оказался очень чутким, прекрасным человеком. Он много рассказал нам о севере, о флоте северном и помог документом, с которым мы могли садиться на любой пароход и плыть куда хочется. Мы становились частью любого экипажа.

– Значит, были художниками – стали моряками!

– Конечно! Нам помогал диспетчер в выборе судна. Остановились на таком экзотичном корабле – чешском теплоходе «Поленове». Отчалили от красноярского пирса и поплыли по Енисею, по которому я никогда не плавал и ранее не видел его никогда.

– Что больше всего запомнилось на Енисее: люди, берега...

– Запомнились и берега, и вся эта суровость. Но больше всего поразил размах великой мощной реки. Мне все время думалось: почему такая масса воды течет куда-то туда, а у нас воды не хватает (смеется). А тут такие массивы, просто глазом не окинешь! Огромные заводы медеплавильные, кобальтовые, рудники, на которых мы побывали, где работают огромные экскаваторы, мощные машины. Все это настолько грандиозно. И вот там, где-то на карьере или где-то у станков на заводе, у печей ощущаешь мощное дыхание нашей страны, ритм ощущаешь. И хочется работать, писать эту силу..

Потом в Кургане открылась выставка работ Александра Петухова. Она настолько поразила поклонников акварели

мастерством и философским отношением, что ее пришлось несколько раз продлевать. Ряд северных работ Александра Петухова сейчас можно увидеть в областном художественном музее.

1973 г.

P.S. Жизнь Александра Петухова трагически оборвалась 13 июня 1976 года на озере Левашово, где он отдыхал с сыном и с друзьями. Была чудная погода: солнце, ни ветерка. Неожиданно набежали тучи, поднялся сильный ветер. На озере, где в этот момент на автомобильной камере с подклеенным дном Саша плавал вместе с сыном, поднялись волны. Шквальный ветер перевернул резиновое колесо. Конечно же, Саша спасал сына. Он сумел забросить его в колесо, а сам ушел в воду...

Когда его не стало, я подумал о том, кем для нашего края был Александр Петухов. Большим русским художником.

Клара Румянова читает стихи и сказки Леонида Куликова

В течение 1973 года фирма «Мелодия» выпустила две пластинки курганского поэта Леонида Куликова. Их начитала актриса Московского театра Киноактера Клара Румянова, известная многим по работе на «Мультфильме».

С этой пластинки у меня началось знакомство с Кларой Михайловной. Вернее, с ее первого письма, которое она написала по «наводке» Леонида Ивановича Куликова. Чуть позже я взял интервью у Клары Румяновой, которое прозвучало по областному радио

– Как только мне предложили прочитать эти стихи, я с восторгом согласилась. Согласилась по трем причинам: во-первых, стихи прелестные, необычные; во-вторых, сам автор поразил, удивил своей доброй властью над недугом. И, в третьих, магическое слово стояло внизу книжки: «Город Курган». Во время войны с 1941 по 1944 год мы были эва-

куированы с детьми военнослужащих в Курганскую область, в деревню Большая Погорелка Шадринского района. Жили там в интернате, мама моя была заведующей. Она вывезла 100 детей и все имущество из Днепропетровска, за что получила орден «Знак Почета».

Я так благодарна этому краю за удивительное тепло и широту человеческой души. Люди там необычны, так красивы, и язык их, как говорил ныне покойный директор Погорельской школы Андрей Иванович — «самый правильный». И самый красивый!

Ах, если бы я была писателем, я бы поэтичнейшую повесть посвятила вашему доброму, красивому краю!

1973 г.

Галина Душкина — мастер прикладного искусства

Мой друг Галина Сергеевна Душкина — добрая наставница, внимательная и заботливая! С ее именем связано мое веселое беззаботное детство. В 1950-е годы я был в числе самых активных посетителей Дворца пионеров. Посещал сразу несколько кружков — авиамодельный, изостудию, а потом еще и дворцовый хор под руководством местного композитора Липихина и кружок вышивания. Хотелось объять необъятное. Везде было интересно, кругом друзья. Из хора Липихина меня с Сашей Уваровым выгнали — пели не совсем в унисон, много шутили и — дошутились. Особенно я не расстраивался, так как не обошел еще все кружки. Однажды забежал в комнату, где творилось настоящее чудо. Девочки вышивали цветы болгарским крестом. На глазах рождалась картина, в цвете, со всеми оттенкам. Вот это да! Руководитель студии вышивания Галина Сергеевна Душкина торжественно вручила мне пальцы с белоснежной материей, показала рисунок. И — началось!

Но и здесь я задержался ненадолго. Терпения не хватило на это серьезное дело. Галина Сергеевна постоянно расска-

зывала о моей персоне на всех своих встречах: вот, мол и журналист Слава Аванесов тоже вышивал крестиком!

Каждый раз, когда мой первый мастер в мире прекрасного открывала свои выставки, я бежал, чтобы взять у нее интервью и, конечно, вспомнить о том сердечном событии. На этот раз наш разговор зашел о расшитых полотенцах, которые когда-то висели в каждом храме и в каждой семье над иконами. Вот о чем тогда сказала Галина Сергеевна.

— Христианство и красота — неразлучимые понятия. Христианство всегда призывает ценить красоту, любить ее. Православные традиции храмостроения, иконописания, церковных ремесел бережно хранились в веках. Но вот беда — одна маленькая деталь почти исчезла из наших храмов. В старину над каждой иконой висело расшитое полотенце. Без него не обходился ни один праздник в церкви. На венчании, крещении, отпевании усопших оно было непременным атрибутом. Ведь сам рушник символизирует путь жизни человеческой. Поэтому я всегда выступаю за возрождение этой доброй традиции.

— В своей студии «Кудесница» вы учите этому мастерству многих мастериц. Обязательно ли надо верить в Бога, чтобы создавать эту красоту?

— Просто вышивать — можно, творить — нельзя. Рано или поздно это начинают понимать и мои ученицы. Перед началом большой работы каждая вышивальщица постится, молится и просит: «Господи, благослови!», а завершают работу благодарением: «Слава Тебе, Господи!» Сама атмосфера в студии, когда «без Бога — ни до порога», очень благоприятствует творческому настрою. Так было и в старину. Собирались ли дом рубить, урожай собирать, сено косить, да хоть дитя рожать — все с молитвой.

— С Божьей помощью Галина Сергеевна трудится и сейчас. Каждый день кроме молитвы она при рукоделии произносит ласковые слова, от которых у мастериц поднимается настроение: «колоски», «денежка», «лапонька», «кудряши», «ягодка», да и другие нежности, относящиеся

к труду вышивальщиц. Скажет так и становится понятным суть вышивания, и урок этим самым преподаст своим ученицам. Не случайно Галина Сергеевна считает, что истинная красота всегда возвышает, облагораживает, просветляет человеческую душу.

1974 г.

Нина Малиновская – правнучка декабриста Ивана Повало-Швейковского

Нине Акимовне Малиновской было далеко за 60, когда она решила на поездку в Курган. Воспоминания волновали: когда-то, в годы Великой Отечественной войны, она была здесь в командировке. Ей пришлось проектировать мост через реку Тобол в крупном селе Звериноголовском. Казалось, невелика река Тобол, но теплыми веснами широко разливалась, ломая лед. Тогда десятки сел оставались отрезанными от мира. Задание выполнила: мост был «нарисован», а затем и построен.

— Помнится, город был не велик. Военное время! В Кургане было много заводов. Они работали днем и ночью для фронта. Даже школьники, помню, собирали для фронта бутылки. Запомнилось мне выступление по местному радио отца известного на фронте летчика и, кажется, вашего земляка Кравченко. Он призвал всех жителей вашего города отдать все свои силы для победы над фашистами. Кстати, в то же время я получила письмо из Москвы. Сестра написала мне о том, что на наш дом упала немецкая бомба. К счастью, в этом доме никто не жил из-за сильных холодов. Какое это было жуткое время! И одновременно радостное — ведь мы были едины в том, что обязательно уничтожим врага.

Нина Акимовна Малиновская удивила меня своей памятью. Она помнила о многом: какие были морозные ночи в Кургане, как скупо одевались люди, и как внимательно, порой, со слезами слушали сообщения по радио Информбюро. Повела и своим отце, бывшем Народном комиссаре

почт и телеграфов Акиме Максимовиче Николаеве. Он был одним из тех, кто создавал Нижегородскую радиолaborаторию, откуда пошло наше российское радиовещание.

А потом мы пошли на территорию городского парка, где рядом с храмом Александра Невского когда-то был захоронен ее прадед, декабрист Иван Семенович Повало-Швейковский. Примерное место его захоронения нам указал исследователь декабристского восстания Борис Николаевич Карсонов. И мы поклонились праху ее прадеда.

1976 г.

Писатель Виктор Астафьев: «В Кургане живут близкие мне люди»

Известный писатель приехал в Курган вместе со своей женой Марией Семеновной Корякиной. Мне сообщили: Виктор Петрович через 30 минут приедет к Илизарову в научно-исследовательский институт экспериментальной травматологии и ортопедии. Гавриил Абрамович его уже ждет. Понимаю, что другого случая встретиться с Астафьевым может и не быть. Увы, машины нет. Схватил магнитофон и бегу на автобусную остановку — благо она рядом. Через 30 минут примчался в приемную директора медицинского центра. Вот вместе с Виктором Потаниным появляется чета Астафьевых. Виктор Петрович улыбается, в знак приветствия машет мне головой и направляется в кабинет Илизарова. Потанин успокаивает меня: «Не волнуйся, обязательно возьмешь интервью».

Короткая встреча записана на магнитофонной ленте. Голос Астафьева тихий, доброжелательный, говорит очень доверчиво, словно давнему другу.

— Я закончил 20-летнюю работу, свою книгу — «Последний поклон». Вместе с этим работал еще над «Царь-Рыбой». И у меня получилась такая пауза. Я давно ее ждал. Мечтал съездить к своим фронтовым друзьям. Так оказалось: из нашего взвода уцелело всего четверо. Один живет в Орске. Там побывали. Потом вместе с женой поехали в Темир-Тау, встретились с дру-

зьями. А у меня давно мечта была заехать в Курган. Здесь живут очень близкие мне люди: мой друг Витя Потанин; когда-то мой семинарист, это было в Кемерово, Ваня Яган. Я там определял его рукописи, в Союз рекомендовал. И Вася Юровских — в Шадринске. Это тоже наш подшефный. Мы стараемся следить за всеми, чтобы не потеряться и при случае сказать друг другу доброе слово. С Евгением Ивановичем Носовым мы давали рекомендации Васе Юровских в Союз писателей. Очень рад, что так хорошо у него складывается творческая судьба. Поэтому так хотелось увидиться. Но времени у меня сейчас мало. Мне понравились здесь люди. Я, наверное, выберу побольше времени, чтобы посмотреть здесь землю и в деревне побывать. А вчера я только смотрел в окно. Вижу такой у вас хлебный край, богатый край, красивые западно-сибирские перелески. Я же сам горный человек, но мне здесь все нравится — пейзажи как на картинах! Но, главное, люди здесь удивительные.

— *Увиденное здесь когда-то войдет в рассказы? Ведь любая поездка — это впечатления!*

— Конечно же! Любая поездка — это есть работа. Это только со стороны кажется людям: вот поехал праздный писатель отдыхать. Это работа, набор впечатлений, чувств, волнений. Из этого складывается проза. Как она будет, в каком виде — посмотрим.

— *Над чем вы сейчас работаете?*

— Собираюсь писать о войне. Собираюсь написать еще одну пьесу. Я сейчас дебютировал в двух ипостасях. Пьесу «Черемуха» поставил в Московском театре Ермоловой, она третий сезон идет, второй сезон в Вологде и пошла по областным театрам. Хочу написать «Прошлым летом». В Сибири, на родине, у меня снимали фильм по повести «Перевал». Он называется «Сюда не залетают чайки». Картина скоро появится у вас на экранах — цветная, широкоэкранный. Помоему, симпатичный фильм. Готовлюсь писать о войне. Два раза ездил в Германию, в Польшу, где был ранен в последний раз. Так подспудно идет накопление материала.

1978 г.

Композитор Никита Богословский спел для меня: «А пароход кричит: “Ау”!»

Меня, напросившегося на интервью, Никита Владимирович принял с шуткой: «Э-э, такой молодой человек! А я так ждал девушку». Увидев на моем лице смущение, поправился: «Девушку-аккомпаниатора». Я удобно расположился на филармонической скамейке, ножки которой противно шатались. Богословский предложил: «Садитесь рядом со мной. Рухнем вместе». После чего мне стало веселее.

— В Кургане я в первый раз, хотя мой дорогой друг Гавриил Абрамович Илизаров меня давно зазывал. Но как-то не выходило. В последний раз, когда он был в Москве, напомнил мне: «Ты обещал, руководство области ждет на партконференцию, чтобы ты смог встретиться с делегатами». Я, конечно, вывернулся так, что все свои дела в Москве забросил и — как штык здесь! И артистов уговорил приехать, хотя они были заняты.

— *Фамилия «Богословский» не так давно уже мелькала на афишах областной филармонии!*

— Еще бы! Если не я, то моя частичка в Кургане показывала свое искусство. Недавно здесь гастролировал ансамбль вокально-инструментальной музыки, который исполнил оперу моего сына «Алые паруса». Так что частичка моего существа и сердца уже в Кургане побывала. Теперь то-ли на радость, то-ли на горе жителям Кургана приехал и я сам (смеется).

— *Что бы вы хотели сказать курганцам?*

— А чтобы любили искусство и любили искусство хорошее. А где хорошее и где плохое искусство, у нас народ теперь сможет сам разобраться.

— *Недавно я прочитал о том, что не всем коллегам-композиторам нравятся ваши песни в исполнении Марка Бернеса. Мол, это дурной тон, образец пошлости.*

— Я их понимаю хорошо, так как их песни не поют за праздничным столом или где-то на привале. А мои — да!

Марк Бернес великолепный артист и певец. Вспомните, какие мои песни он пел: «Темная ночь», «Три года ты мне снилась», «Почему ты мне не встретила»... Так, как их спел Марк, никто больше не исполнит!

– *Мы сейчас с вами ведем этот разговор у старенького пианино. Это как то самое висящее на ковре ружье, которое в конце пьесы должно выстрелить.*

– А что – пусть выстрелит! Сегодня я впервые своим непрофессиональным голосом сам исполню песню, которую написал для прекрасного нашего артиста Валерия Золотухина. Эта песня называется «Ау!».

Задрезжал старенький инструмент и Никита Богословский запел:

*А пароход кричит: «Ау!»,
Дымок по ветру стелется.
А та, которую зову,
А та, которую зову,
Решить не осмелится.
А я в ответ на твой обман
Найду еще кудрявее.
И наш роман и не роман,
А так – одно заглавие.*

После интервью Никита Владимирович заторопился в гости к одному из «отцов» области. Зная веселый характер Богословского, я решил пошутить, но шутка, по-моему, была неудачной: «Не задерживайтесь, Никита Владимирович, на ужине. Завтра у вас концерт в филармонии». На что он ответил: «Я как хорошо воспитанный человек уйду из гостей голодным».

1979 г.

Литератор Илья Шнейдер рассказал курганцам о Сергее Есенине

С Ильей Шнейдером меня познакомил челябинский писатель, есениновед Алексей Казаков. Первая встреча меня поразила: по моде одетый интеллигентного вида старик, в

красивом темно-синем костюме с красным платком в нагрудном кармашке. Поразил меня великолепной памятью. Он рассказывал мне о трагическом событии на Ходынке в канун коронации Николая Второго, о встречах с Луначарским, Маяковским, о дружбе с Есениным. С ним и с очередной женой поэта американской танцовщицей Асейдией Дункан Илья Ильич жил под одной крышей почти три года. Накануне 84-й годовщины со дня рождения Сергея Есенина Илья Ильич Шнейдер приехал в Курган. Его выступления не были обозначены афишами. Достаточно было просто пустить слух: такого-то числа там-то выступает друг великого русского поэта Сергея Есенина. Этого было достаточно, чтобы зал был полон.

Илья Ильич был другом Сергея Есенина, мужем знаменитой русской балерины Гельцер, импресарио американской танцовщицы Айседоры Дункан. В молодости Илья Шнейдер великолепно танцевал. Его называли королем танго Петербурга. Две его книги «Записки старого москвича» и «Встречи с Есениным» к моменту приезда в Курган уже были раритетами.

– Первая моя встреча с Курганом произошла в 1948 году, когда я приехал в ваш город на гастроли со студией имени Айседоры Дункан. Ее воспитанники дали концерт, а потом отправились по школам, чтобы показать танцевальные элементы.

– *Когда судьба свела вас с Сергеем Есениным и Айседорой Дункан?*

– В первый день приезда Айседоры в Москву летом 1921 года нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский назначил меня руководителем всего этого обширного дела, организованного Дункан. Я был тогда молодым журналистом, начинающим литератором. Первые месяцы работы с ней свели меня с Есениным.

– *Каким вы запомнили Сергея Есенина?*

– Сергей Александрович был удивительно застенчивым, доброжелательным и очень миролюбивым. Его лицо всегда

просвечивало детской улыбкой, синевой смущенных глаз. Хотя его жизнь была не всегда ровной.

— Известна история любви Сергея Есенина и Айседоры Дункан. Что в ней было больше — страстной любви или непонимания?

— Их любовь возникла на моих глазах. С первой встречи он бросился к ней, склонил свою светлую голову на ее колени, а она гладила ее и говорила: «Золотая голова». А потом были такие страсти, просто безумство. Скандалы, уходы... Как-то он пришел домой в состоянии опьянения, стал скандалить. Вынул из кармашка часы-луковицу, подаренные Айседорой, и с силой бросил их на паркет. Я побоялся развития скандала, схватил Есенина на руки и хотел унести его в ванную комнату, чтобы обмакнуть головой в воду. Айседора напугалась и закричала: «Илья Илич, нет-нет, вы убьете его!» Она прощала многое ему, потому что любила.

...Илья Шнейдер прожил большую жизнь. Он умер в январе 1981 года на девяностом году жизни. Его ассистент и близкий друг Людмила Саперова прислала мне телеграмму с коротким текстом: «18 января скоропостижно скончался Шнейдер. Кремация 23. Людмила».

В квартире Шнейдера хранилось немало реликвий, связанных с Есениным: какие-то кружки и бокалы, которыми пользовался поэт, старая мебель из есенинской квартиры, фотографии и документы. Все это он щедро раздаривал своим гостям. Кое-что, правда, перепало и музеям.

1982 г.

У ленинградского поэта Глеба Горбовского в Кургане много друзей

Беседую с ленинградским поэтом Глебом Горбовским в одном из номеров гостиницы «Москва». За окном декабрьский мороз, слышны шумы проезжающих машин. Беседа идет неспешно вперемежку с чаем и конфетами, которые принес Глебу Яковлевичу заботливый Виктор Потанин — его

товарищ по многочисленным поездкам по стране и писательским съездам.

— С Потаниным меня познакомил Василий Иванович Белов — вологодский писатель. Он и Виктор Лихоносов — все мы друзья.

— Вологда — то самое место, где жил и умер ваш друг Николай Рубцов.

— Да, мы с ним немало времени были вместе. Вспоминать об этом тяжело и уже ни к чему. Но сердце постоянно болит о нем...

— Кстати, о вашей дружбе с Николаем Рубцовым мне рассказал Виктор Петрович Астафьев. Я понял, что в ваших встречах было много горечи — выпивки, страдания из-за невозможности жить дальше.

— Да, чувство невозможности порой приходит ко многим. Но как важно спастись от него. Меня спасла моя жена. Николая жена погубила. В этой трагической истории много слухов, сплетен, промолчу об этом.

— Кто вам не безразличен в нашем крае? С кем бы вы хотели вновь встретиться?

— С Терентием Семеновичем Мальцевым. Конечно, три дня, что я живу здесь, не дали мне проникнуть более масштабно. Но будет возможность, возвращусь и встречу с ним. Мне кажется, так болеть за природу, за пшеничку, так переживать за все, может только Мальцев. Я его видел по телевидению. А потом говорил Федору Александровичу Абрамову — так поразил меня документальный фильм о Терентии Семеновиче. А еще Гавриил Абрамович Илизаров. Я ждал его в приемной и видел, как он не вошел, нет — влетел в свой кабинет, где его ждали пациенты. Мы много говорили о медицине, о проблемах лечения, о человеческой душе. Когда я приеду в Ленинград, я обязательно напишу о встречах в Кургане для Всесоюзного журнала «Аврора».

День уже остывал. Кажется, еще чуть-чуть, и тишина окончательно опустится с небес в этот дом-улей. Я вспомнил старую песенку Глеба Горбовского «Когда качаются

кораблики ночные/ и темной улицей опасно вам ходить». Глеб Яковлевич улыбнулся:

– Все в прошлом, как и эта озорная моя песенка. Ее вспоминают тогда, когда есть желание отвлечься от тяжелых дел. Сейчас в моей жизни давно другие стихи.

1981 г.

Артистка Нина Усатова: «Моя тихая родина – Курган»

Приехавшая в Курган знаменитая актриса из Санкт-Петербургского Большого драматического театра Нина Усатова объехала весь город, со всеми друзьями повстречалась, всех обняла и расцеловала. Она как фонтан, брызги которого и высоки, и так освежающи. Она не приобрела столичного лоска, такая же простая и доступная.

Вечером спешу в филармонию на репетицию ее импровизированного концерта, который она подготовила для курганцев. Встречи ее пройдут в родной железнодорожной школе, филармонии, в училище культуры, где она получила первые азы актерского искусства. Вхожу в зал и слышу удивительную мелодию песни, которую под аккомпанемент гитары поет Нина Усатова. Ностальгические рубцовские строчки...

*Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать здесь моя похоронена
В детские годы мои.
– Где тут погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу.
Тихо ответили жители:
– Это на том берегу...*

– Тихая моя родина так встретила меня, что до сих пор сердце клокочет. Я проехала весь Курган, посмотрела на родные мои улочки, на новостройки. Вчера ездила в Куртамыш на встречу со зрителями. Полный зал был. Такое трепетное состояние души было! И сегодня была в 30-й железно-

ральной школе, которой исполняется 100 лет. Я приехала, чтобы поздравить своих учителей, ребятишек. Эту школу я закончила тридцать лет назад, в 1969-м...

А самое приятное – встречи с моими родными земляками. Я даже не представляла, насколько это волнительно для меня будет! Думаю, надолго хватит моей положительной энергии...

Мне задали вопрос: вы прожили двадцать лет в Санкт-Петербурге, стали ли вы городской? А я думаю: где человек родился, на какой земле он вырос и как напитала та земля своими корнями, – таким и останешься. Это как красивое дерево в горшке – может быть, крона цветет, а вот самое главное – это корни. Здесь мои деды и бабушки похоронены, которые строили железную дорогу на станции Просвет. Отсюда и я, вся как на ладони...

Истории моих героинь близки к моим переживаниям. В «Мусульманине» я даже не подозревала, что сыграла маму свою. Когда на экране увидела все черты моей героини, сразу подумала: это же мама...

Ко мне приходила подружка детства Таня Художиткова, я ее давно не видела. А она стала похожа на свою мать. Я смотрю на нее и думаю: «Это же тетя Катя!». Улыбка, черты лица – все ее...

1999 г.

Екатерина Васильева – дочь поэта Сергея Васильева

Народная артистка РСФСР Екатерина Васильева навестила Курган поздней осенью 1998 года. Время для встречи с родиной отца было не лучшим. Прошли дожди, потом ледок сковал лужи, дул ветер. Везде, куда возили ее по местам жизни ее отца и его родителей, она чувствовала пронизывающий холод, который заставлял ее плотнее укутываться в подаренную курганскими друзьями теплую шаль. Оттого настроение было неважным и, как она отметила, чувствовала

себя потерянной. Потом она сказала мне: «Всюду в городе таятся корешки моей родословной — в доме на Советской улице, где ушел трагически из жизни дед, в тех местах, где стоял храм Святой Троицы, (в нем крестили моего отца!), на сельском погосте вдали от Кургана, где покоятся мои предки. Там же похоронены родные моему сердцу родители отца — Александр Алексеевич Васильев и его жена Екатерина Михайловна. Я ведь названа в ее честь. Постоянно чувствовала в душе горечь: вот жили мои родные люди, радовались, рождали детей, обращались к Богу. И все это ушло безвозвратно. Мне очень жалко их».

— *Вы сейчас отошли от театра и кино и служите Богу. Как это случилось?*

— Я стараюсь меньше играть в кино и театре и нет в этом нестерпимого желания, которое было раньше. В моей жизни не все складывалось, как мы говорим, по-христиански. Также было и в жизни родителей. В 1957-м году они разошлись, и я, и брат Антон, как бы сразу осиротели. Меня отправили в пионерский лагерь, чтобы я не так остро чувствовала горечь того развода. А брат Антон тут же попал в детский сад. Это обычное дело, когда рвутся узы семьи. Но рвутся и сердца детей. Почти все писательские семьи и семьи артистические прошли через разводы. Во времена не так далекие это считалось обычным делом. Даже говорили: как женился, так и развелся. Когда я стала ближе к Богу, я узнала: клеймо распада семьи переносится и на последующие поколения.

Я тоже прошла через развод, как и мои родители. Считаю это необдуманном шагом, когда ушла от Михаила Рощина. Мы долго делили сына, почти рвали его друг от друга. Это тяжкий грех. Потом мы смирились и даже вновь стали ближе друг к другу. Но все прошлое было уже безвозвратным. Сейчас многие мои грехи отмолены и мне легче от этого.

2000 г.

Историк Павел Свищев издал сборник «Зауральская генеалогия»

Не раз размышлял о том: как важно знать свои корни, откуда пошел мой род, кто основал его и как жилось моим пращурам в этой всегда нелегкой российской жизни. А тут узнаю, что Курганский госуниверситет издал сборник «Зауральская генеалогия». Интересно бы увидеть того человека, кто подытожил труд генеалогов Кургана, — людей кропотливых, дотошных, вдумчивых. Встретился с Павлом Свищевым. Он и редактор, и составитель весьма интересной мне книги, преподаватель кафедры истории России, кандидат исторических наук. Разговор был недолгий. Но Павел сумел убедить меня в том, что надо обязательно заняться составлением древа моего рода. «Генеалогия — наука весьма и весьма занятная и во многом важная», — убедительно сказал Павел Свищев.

— Сейчас в моде телевизионные сериалы. У многих из нас есть интерес посмотреть на частную жизнь большой семьи на протяжении многих и многих лет. Переплетаются генеалы, родственные связи. Интересно? Да! Так и в каждой нашей семье, но на более близком родственном чувстве, где все интересно и любопытно.

В этом сборнике также много различного материала. Здесь тексты, перечисление родственников, их биографий, фотографии, схемы, карты, возможно таблицы. Они позволяют лучше сориентировать читателя в истории рода.

— *Что для вас генеалогия? Предмет преподавания, или что-то другое, близкое сердцу?*

— Генеалогией занимаюсь давно. Это моя страсть, моя давнишняя любовь. Сейчас я преподаю курс исторической генеалогии. Представлялось, что у нас в Зауралье подошла пора объединить этих «одинок» — любителей генеалогии. Но для того, чтобы были видны результаты их труда, решили издать такой сборник. Три года жизни ушли на это. Тираж

его маленький – всего 200 экземпляров, в продажу сборник не пойдет, только в библиотеки. Может быть, сейчас многие люди решат заняться генеалогией. Таких у нас немало. Они копаются в архивах в поисках хоть какого-то факта из жизни своих предков. Кто-то прочитает книгу и обязательно займется генеалогией.

– Действительно, в каждой семье есть заветный семейный альбом, где так много различных фотографий, многие из них от давности лет пожелтели. Альбом – это тоже история рода! Вы изучали откуда пошел ваш род?

– Я уже почти 10 лет занимаюсь историей моих предков – крестьян Русаковых из Варгашинского района. Это по маминной линии. Мне удалось вычислить где-то две тысячи персонажей. История нашего рода еще далеко-далеко не закончена.

2001 г.

P.S. К сожалению, жизнь историка Павла Александровича Свищева оборвалась рано – в 35 лет. Все, кто знали его, с теплотой вспоминают молодого ученого. Он был талантлив во всем. С детства увлекался историей. Вылепил из пластилина огромную армию Наполеона, выстраивал боевые редуты и знал, где, в каком количестве и при каком снаряжении проходили сражения. Он знал силу русского оружия и интересно рассказывал своим студентам о прошлом нашей прекрасной России.

Паращютист Юрий Югов – бронзовый призер чемпионата мира

Список его званий и наград может занять не одну страницу: участвовал во многих соревнованиях – самых престижных: побеждал на чемпионате России, выигрывал в личном первенстве на соревнованиях Вооруженных сил и ВВС, был в числе призеров на Кубке и, наконец, завоевал бронзу на чемпионате мира.

Юра с детства любил запрокидывать голову и внимательно, с огромным любопытством смотреть в небо. Что там, в темно-синей бездне, у которой нет ни конца, ни края? Как вблизи выглядят звезды и где еще есть обитаемые планеты. С парашютом начинал прыгать в своем родном Кургане. Аэродром Логовушка для многих спортсменов давно стал родным домом. Здесь начинала путь в авиацию и знаменитая Светлана Копанина. Первый прыжок Юра совершил в 17 лет. Страх практически не было. Разве что волнение небольшое, да и то прошло, как только парашют раскрылся. С тех пор мальчишка дневал и ночевал на аэродроме. В армию уходил с солидным запасом – 780 прыжков. В ВДВ таких любят. Там же и получил звание мастера спорта России.

– Прыжки с неба – это же всегда риск!

– Все было в жизни. 12 раз приземлялся на запасном парашюте. В 2003 году на сборах приземлялся с двумя запутавшимися стропами, куполами. Повезло! Жестко «приземлился» на поле и отделался только лишь разрывом связок.

– Ты увлекаешься купольной акробатикой и собираешься прыгнуть во Флориде в числе многих парашютистов, чтобы попасть в Книгу рекордов Гиннеса!

– Паращютная купольная акробатика чем-то сродни классической акробатике. Только там под ногами – мягкий ковер, а у меня – земля, да и та далеко-далеко! Суть купольной акробатики заключается в том, что после раскрытия парашюта спортсмены создают в воздухе определенную фигуру, которую в течение некоторого времени перестраивают на удивление всем, кто наблюдает за этим небывалым действием с земли. Что говорить! Зрелище захватывающее, а вот для парашютистов требуется только одно – мастерство. Попробуй ошибись один человек – и всё пойдет насмарку, а то и... Но об этом парашютисты не любят говорить.

Сейчас на счету Юрия Югова более шести тысяч прыжков. За свою долгую жизнь в спорте (25 лет «висит» на стро-

пах парашюта!) он завоевал множество титулов и званий. Но сегодня есть у него самая заветная мечта: совершить поездку в американский штат Флорида, где планируется проведение небывалого прыжка: 81 спортсмен в воздухе будут создавать ромбическую фигуру. Если это совершится – данное событие войдет в Мировую книгу рекордов Гиннеса.

Выше только небо...

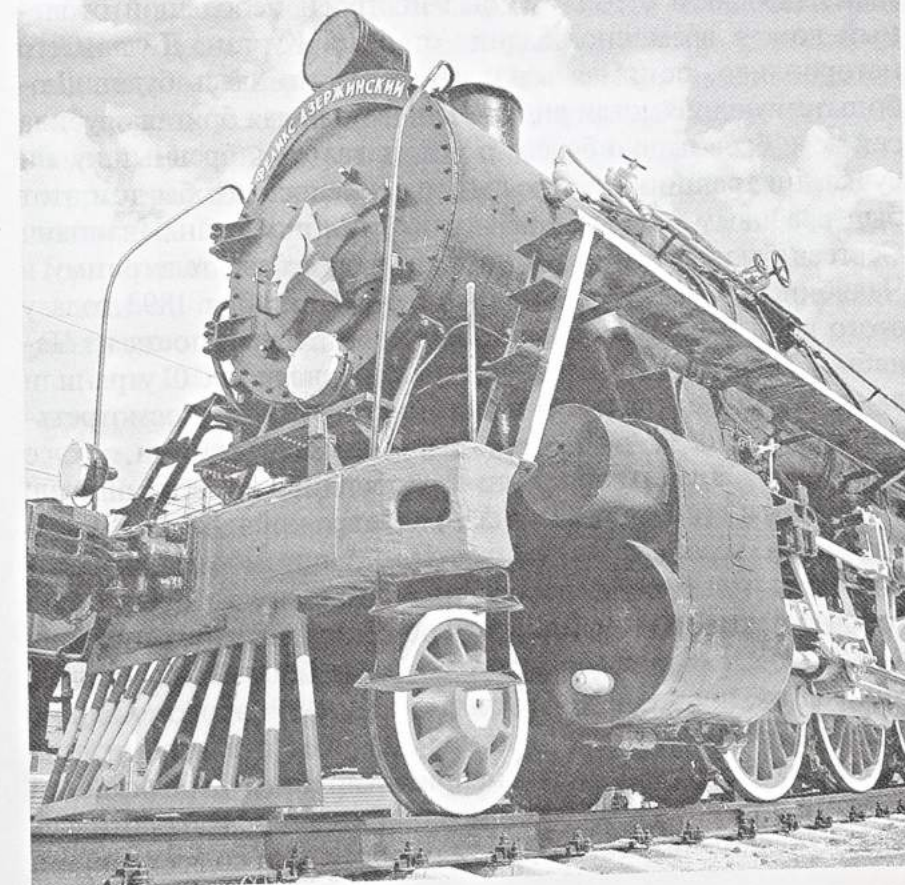
2004 г.

Глава четвертая

МОЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

(2002–2011)

Десятый год мимо окон моего кабинета проходят поезда. Их так много, что можно сбиться со счета: скорые, пассажирские, грузовые. Мне нравится перестук колесных пар, разговоры по громкой связи и голос вокзальных дикторов, объявляющих: «На пятый путь прибывает...».

Кажется, так будет вечно, и от этого мне становится радостнее. Далее — мои друзья и мои герои на фоне родной железной дороги.

Бревнышко к бревнышку, вот и вокзал готов

...Жарким летом 1893 года за городской чертой, на пустыре, заросшем бурьяном, был построен небольшой рубленый дом — временное здание станции Курган. Делали его неторопливо, понимая важность того, что здесь будет. Любопытствующие могли видеть, как небольшая бригада рубила сей дом: бревнышко бережно укладывалось к бревнышку, ни сучка, ни трещинки в дереве. Всем хотелось, чтобы дом этот был красивым. Первый начальник станции Иван Иванович Сергеев был особенно им доволен и даже дал телеграмму в Челябинск: «Здание вокзала готово». 4 октября 1893 года у этого дома был торжественно встречен первый поезд из Челябинбы. Народу по этому случаю набралось много. С утра шли люди, кто с детьми, а кто просто так, налегке — посмотреть-поглазеть, что за чудо это — паровая машина, или как ее — паровоз! Ждали долго, кто-то торопливо переспрашивал: а что, когда прибудет? И узнав, радостно кричали: ура! Было ощущение всеобщего сумасшествия. А потом издали послышались протяжные паровозные гудки, от которых стадо коров, пасшееся неподалеку на огромном зеленом пустыре, разбежалось в сторону большого болота, и бедный пастух долго собирал их, проклиная этот грозно-шумный паровоз. Словно огромный зверь, пыхтя и лязгая, паровоз с вагонами стал медленно останавливаться и, приблизившись к обвязанной флагами огромной арке, затормозил. Толпа горожан бросилась к долгожданному «гостю». Паровоз обступили со всех сторон.

К нему долго присматривались, а наиболее любопытные пытались даже залезть на машину. Всем было весело. Народ на радостях пил брагу, закусывал чем бог послал. К вечеру уже проходило братание и везде были слышны песни...

Прошел еще один год. Работы на станции не прекращались. В мае 1894 года газеты писали: «Железнодорожный вокзал у нас еще не строится, но место для фундамента уже подготовлено». В октябре этого же года газеты писали другое: «Железнодорожный вокзал почти готов». В полосе отчуждения железной дороги быстро вырастали необходимые постройки: товарный и материальный склады, хлебные сараи. Строился железнодорожный клуб. И уже появились новые метки на карте города, составленной Н.А. Юшковым в мае 1906 года: станция, паровозное стойло, вокзал. Станция находилась в 1,5 верстах от города. От него сюда вела накатанная дорога, которая после дождя превращалась в сплошное болото. Ни проехать, ни пройти!.. За 10 лет пристанционная территория железнодорожными рабочими была основательно застроена. Вокруг озер Башняк и Терпигорье возник поселок Терпигорьевский. Застройка велась также в западной части за линией станционного водопровода. За железной дорогой был еще один поселок, называвшийся «служебным», разбитый на 10 кварталов. Улицы названий не имели. Шли под номерами 1-я, 2-я и т. д. Но особой путаницы не было. Все знали, где чей дом и как к нему пройти...

Тот первый деревянный вокзал сгорел. А уже потом на этом месте был построен каменный вокзал, который вошел в историю благодаря снимкам первого курганского фотографа Алексея Кочешева. Говорят, это здание было самой главной достопримечательностью города. Влюбленные назначали здесь свидания. Знаменитый русский писатель, автор романа «Бронепоезд 14-69» Всеволод Иванов когда-то с улыбкой вспоминал, как он бежал сюда на первое свидание.

— Мимо нас гроыхали поезда, а мы чувствовали себя пассажирами, уезжающими невесть куда. За любовью, наверное...

Курганский вокзал: место встреч и расставаний

Здание вокзала трижды реконструировалось: в 1959, 1979 и в 2004 году, когда началась полная реконструкция вокзала станции Курган, в результате чего он стал современным и комфортным. Привокзальную площадь украшают здание старейшего в городе Дома культуры железнодорожников, многоэтажные жилые дома. Отсюда начинаются маршруты городских автобусов и троллейбусов. А сам вокзал, который сегодня стал краше, по-прежнему является главной частью города. Сюда приходят поезда, здесь люди встречаются и разъезжаются. Сколько радости и сколько слез по этому поводу!

6 сентября 2000 года Курганская городская Дума решила по предложению руководства отделения дороги, профсоюзной организации, совета ветеранов переименовать привокзальную площадь в площадь имени Вениамина Слосмана. В его честь в сквере была установлена стела, посвященная заслуженному работнику транспорта РФ, дважды награжденному знаком «Почетному железнодорожнику», проработавшему начальником Курганского отделения ЮУЖД с 1956 по 1992 год.

А вот что пишется в брошюрке о вокзале станции Шумиха. «В 1983 году с оценкой «отлично» сдан в эксплуатацию объединенный вокзал на 300 пассажиров на ст. Шумиха». Со светлыми залами, удобными служебно-техническими помещениями. Здесь есть кафе (сам там обедал!), парикмахерская, медпункт. Сейчас ведется текущий ремонт. Поставлены новые входные двери и что-то еще. Но вокзал довольно симпатичный: с большими окнами, с прекрасным входом, который выполнен архитектурно. Многие поезда делают остановку у вокзала. Из вагонного окна пассажиры с удивлением читают огромные буквы, сливающиеся в одно слово: «Шумиха». С этим именем связывают невероятный скандал в местной газете. Перед очередным партийным форумом на развороте газеты появилась броская надпись «Шумиха – от съезда к съезду». Вот уж была шумиха в местной партийной среде! Не помню, снимали ли кого-то с работы. Но тогда такое бывало не раз.

2008 г.

Когда-то поэт Евгений Евтушенко признался: лучшие стихи рождаются при встречах и расставаниях. А где случаются такие душевные волнения? Конечно же, на вокзалах.

Я провожал поэта на курганском вокзале летом 1998 года. После холодного дождика вновь появилось солнце, стало теплее. Гость моего города Евгений Александрович Евтушенко, еще недавно артистически читавший свои стихи в огромном кинотеатре «Звездный», явно заскучал. А потом, встревоженный гудками маневровых паровозов, неожиданно разговорился. И признался в любви к «железке», объяснив, что многие его стихи заполнены тенями вокзалов, вагонов, шумом станций и полустанков, а лучшие стихи – о прощаниях и расставаниях. И нараспев прочитал:

*Прощанье, похожее на обещанье,
Вселенная над паровозной трубой.
Протиснутый в угол чужими вещами,
Уехал и я от тебя за тобой...*

А потом, когда поезд Новосибирск – Адлер появился на первом пути, мы уже спешили от поэзии к прозе. Я нес к вагону тяжелые сумки, а пожилая проводница, узнав поэта, долго признавалась ему в любви. Тогда я подумал: может быть, и эти проводы на вокзале в Кургане когда-нибудь станут у знаменитого поэта новой поэтической строчкой...

Впрочем, не все курганские встречи на нашем вокзале нашли отражения у писателей. Многие события прошли стороной, позабылись и только коротким сообщением остались в местных хрониках.

В 1920-х годах курганцы встречали на вокзале «всесоюзного старосту» Михаила Ивановича Калинина. Местное партийное руководство с хлебом-солью встретило его у вагона и сразу же повело авторитетного гостя на привокзальную площадь. Здесь с широкой телеги Михаил Иванович в течение трех часов выступал с речью об экономической

политике партии в отношении бедного крестьянства. Кто-то из присутствующих на митинге заметил в речи Михаила Ивановича некоторые нестыковки с мнением тов. Сталина относительно зажиточных крестьян. Однако отметили: до чего смелый этот человек с бородкой и как ловко говорит о крестьянах, просто и с любовью! И тепло проводили гостя из Москвы в поездку по ближайшим курганским селам.

Не так часто курганский вокзал встречал высоких гостей. Но в 1930-х годах видел, как из вагона московского поезда выходил человек из ближайшего сталинского руководства – Валериан Владимирович Куйбышев. У того задача была иная: нацелить курганцев на успешное выполнение пятилеток. Говорят, Валериан Куйбышев зашел в сам вокзал, посмотрел помещения и сказал: «Бедно живете!»

Годы летели. Через вокзал проходили тысячи людей – пассажиры и другой самый разнообразный народ. Звучала медь оркестров, четким шагом проходили военные, в небо взмывали испуганные голуби.

Вокзал помнит Никиту Сергеевича Хрущева, когда тот в марте 1961 года кратковременно посещал Курган. Он должен был вручить Курганской области орден Ленина, которым она была награждена в октябре 1959 года за сданные государству 90 млн. пудов хлеба. За месяц до приезда первого лица в государстве город приводили в порядок – убирали с улиц снег, подметали, подкрашивали фасады. Сам вокзал напоминал улей, в котором беспорядочно летали пчелы. Его красили, отмывали огромные окна, принимали меры безопасности. И вот 4 марта в 9.30 утра поезд привез Никиту Сергеевича в Курган. Он приветственно машет рукой встречающим его курганцам и аккуратно спускается из вагона на перрон. Заметив на фасаде вокзала огромный портрет со своим изображением, что-то недовольно говорит своему помощнику. А потом удовлетворенно принимает хлеб-соль из рук известного комбайнера Ефима Толпышева. Местные обыватели заметили бледность в лице Хрущева, его торопливую, резкую речь и быстрый отъезд из Кургана в Новосибирск. Говорят – недомогал.

В 70-х годах прошлого столетия в Кургане трижды бывал выдающийся композитор XX века Дмитрий Дмитриевич Шостакович. Болезнь рук, а вернее атрофия мышц, привела его к доктору Илизарову. В моем архиве сохранилась фотография: Дмитрий Дмитриевич Шостакович – на курганском вокзале. Рядом с ним жена Ирина и руководители области. Вряд ли в ту минуту композитор всматривался в очертания здешнего вокзала. Он устал, торопился на встречу с Гавриилом Илизаровым, чтобы скорее приступить к лечению. Но в одном из разговоров с Растроповичем Дмитрий Дмитриевич все-таки отметил: «Мне уже на самом вокзале в Кургане стало легче. Так я почувствовал близость к знаменитому доктору Илизарову...».

Потом курганский вокзал будет принимать многих друзей и товарищей Шостаковича. Все они ехали на встречу со своим кумиром.

Курганский вокзал – место встреч многих выдающихся людей и самых обыкновенных. Иные гости летели самолетами и не ведали о нашем вокзале. Другие с комфортом и благополучием доезжали поездами, не жалели об этом... В 2006 году Алла Борисовна Пугачева путешествовала по железной дороге спецвагоном и ранним вечером добралась до Кургана. Свидетелем той встречи был я сам. Полный любопытства, я под прикрытием губернатора Богомолова благополучно добрался до вагона и даже сделал несколько снимков. На одном из них улыбающаяся примадонна выходит из вагона. Мне было интересно: кто же первым поприветствует ее? Первым оказался начальник станции Валерий Зубков – он нежно протянул ей руку и помог спуститься по ступенькам вагона. А уж потом ее приветствовал губернатор.

Такой он, мой вокзал – весь в эмоциях воспоминаний. Особенно люблю его ранним утром, когда день просыпается. Перед красными огнями светофоров стоят поезда. На перроне люди как люди: шумно прощаются, нежно обнимаются,жимают друг другу руки и – вытирают слезы. Мне так близки их волнения, что, порой, самому хочется подойти к ним, чтобы вместе погоревать и порадоваться...

Легенды и были станции Сладкое

На Курганском участке железной дороги немало станций и полустанков, особо отмеченных самой историей. В поисках героев однажды приехал на одну из станций, которая называлась особенно аппетитно.

Ни гор, ни крутых поворотов. Словно по линейке проложили в конце позапрошлого века железную дорогу к здешним зауральским селам. Железка пролегла и через это небольшое село, что издавна называется Сладкое. Пассажира, выходящего из вагона электрички, встречает двухэтажное здание станции, обшитое светлым сайдингом. На первом этаже – небольшой зал для пассажиров. На втором – пост электроцентрали, уютные комнаты для специалистов. На такой постройке взгляд проезжающих пассажиров недолго задержится. Таких немало по ходу Транссиба. А вот этот особняк, чуть левее – старинное здание из белого кирпича с круглыми ажурными окнами – бывший железнодорожный вокзал. Тот самый, построенный в 1905 году.

– Добро пожаловать к нам! – такими словами начальник станции приветливая Светлана Юрьевна Антошина встречала бы каждого пассажира. Но, увы, сегодня их немного. Односельчане, да и сами железнодорожники, в основном, совершают поездки в Курган, что в 80 километрах отсюда, или в соседний городок с выразительным названием Шумиха. Шесть электричек в день останавливаются на этой станции, остальные поезда – грузовые и пассажирские пролетают мимо, обдавая село жаром горячих железных «коней».

Но село, привязанное судьбой к железной дороге, живет своей жизнью и не скучает о мегаполисах. Подумаешь, где-то города, небоскребы, площади и проспекты! «Нам и здесь неплохо», – сказал когда-то мне местный ветеран Николай Александрович Важенин, воевавший в Великую Отечественную, а потом работавший бригадиром путейцев. К сожалению, последний ветеран войны уже ушел из жизни. Он хорошо знал о прошлом села, которое в советские

времена входило в состав известного в этих краях совхоза имени 8 Марта. Знал и о легендах, которые нет-нет, да и всплывали по случаю и без случая. Их много – не то легенд, не то былей. Одна из них такая. В начале века село называли Горьким – не то от горестной жизни, не то еще от чего-то невеселого. Однажды в сильную грозу от удара молнии сторел пристанционный деревянный вокзал. Такая горькая жизнь не радовала жителей деревушки. Тогда послали они челобитную царю: помоги, батюшка, погорельцам... Царь распорядился построить новый вокзал в кирпиче и камне и дал наказ крестьянам: сама станция должна называться иначе, к примеру «Сладкая», нечего, мол, царский строй хаять! И пошло гулять это царево название по окрестностям – сёла: Сладкое, Сладкие караси...

В Гражданскую войну по этому рельсовому пути торопливо проезжали войска адмирала Колчака и белочехи. Через эту станцию скрытно направлялся поезд с золотым запасом царской России. Кстати, и по этому поводу старики вот что рассказывали. Якобы, тот самый «золотой» поезд сделал короткую остановку на той маленькой станции – сломалась рессора одного из вагонов. Вооруженные люди потребовали отремонтировать вагон. Таковых мастеров здесь не нашлось. Не в меру рассерженный белый офицер хотел расстрелять напуганного начальника станции, но не решился – односельчане заступились. Правда это, или быть?..

Еще говорят, что в этих местах совершили побег из арестантского вагона пленные красноармейцы – расковыряли пол вагона и по одному выбрались на свободу. Но не надолго, вскоре были пойманы и расстреляны. В честь героев в этих краях поставлен памятник.

Жизнь многих поколений пролетела здесь. Были горести, но были и радости. Станция росла, технически оснащалась. В 1973 году поставили новое оборудование электроцентрали. Поезда на этом участке побежали быстрее, а машинисты не тревожились за безопасность движения. А еще радость была от здешней неповторимой природы. Леса как в сказ-

ке — полные грибов и ягод, огороды радуют огурцами да помидорчиками, а в озере, что недалеко от села Сладкие караси, водится рыба. С лукошком едут любители сладкого из Кургана. Сама начальник станции Светлана Антошина каждое лето варит на свою небольшую семью варенье из землянички, клубнички, малины, смородины, консервирует огурчики да помидорчики...

В селе Сладкое Светлану Юрьевну считают старожилом — 25 лет здесь. Приехала сюда после окончания железнодорожного училища, потом закончила техникум, создала семью. Сейчас у нее два сына, муж Юрий Викторович — путешественник. Но что удивительно: семья Антошиных проживает в том самом бывшем царском вокзале. В сильные морозы в квартире тепло: толстые стены не дают пробраться холоду. Потолки в квартире высокие, а погреб — глубокий. Привидений, правда, здесь не бывает. Видимо, аура старого вокзала добрая и светлая. А самих железнодорожников в селе осталось немного. Из молодых только дорожный мастер Сергей Гафаров и электромеханик Дмитрий Козелло. Дежурят на станции и контролируют пост ЭЦ приезжие специалисты из Кургана.

Светлана Юрьевна Антошина радуется каждому прожитому дню. Мимо пролетают поезда. Сегодня их все больше — с углем, стройматериалами и автомобилями, с контейнерами. Значит, кризис отступает. При встрече с бывшим начальником станции Галиной Степановной Томиловой обязательно спросит ее о здоровье и пригласит в гости на станцию. Двоим всегда есть о чем вспомнить: о том, как было тогда и как сейчас. Сладкие воспоминания...

Скрипка Циммермана и... железная дорога

Евгений Прокопенко мог стать отличным певцом. Обладателя красивого голоса звали на сцену. А он избрал железную дорогу и более 30 лет руководил одной из самых известных на Южно-Уральской железной дороге станцией Курган.

По истечении многих лет, как он расстался с железной дорогой, Евгений Степанович Прокопенко внимательно вслушивается в тишину. Шумит ли ветер, сигналият ли на дорогах машины, слышатся ли громкие голоса людей — это не так задевает его. Но стоит уловить ухом гудок локомотива с любимой станции, как сразу же этот голосок сладко отзовется в сердце. Железная дорога!

Божий дар — петь и играть на скрипке

Евгений Степанович Прокопенко вырос в музыкальной семье. Отец был певчим в церковном хоре, учился в консерватории, пел, играл на скрипке. Талантливый был человек, — все это отмечали. В том числе и поэт Лебедев-Кумач. При встрече сибирский исполнитель настолько понравился ему, что тот от всего сердца подарил ему вещь, которую сам хранил как зеницу ока, старинную скрипку фирмы Юлиуса Циммермана — старого немца, организовавшего в XIX веке свое музыкальное дело в Санкт-Петербурге. С одной стороны это может показаться легендой. Но вот она скрипка — в моих руках. От старого инструмента веет теплом. Звук ее силен и необычайно красив. Сразу думается: неужели и наши современные скрипки столь хороши, как эта! Музыкальный дар отец передал своему сыну Евгению. Как и отец, он обладал изумительным голосом, превосходно играл на той скрипке. Чем не будущий артист, способный покорить мир! Но суровые отцовские слова отрезвляли: хлеб артиста черств, а повороты судьбы так круты и обрывисты. Потеряешь голос — потеряешь все! Но людям — пой! Таков был наказ отца. Его он пронес с собой через всю жизнь.

Действительно, в те годы стране больше были нужны технари, чем музыканты. Поэтому карьера Прокопенко на железной дороге начала складываться с Новосибирского института военных инженеров транспорта. Здесь он получал солидные знания, но вместе с тем не бросал свое увлечение: пел в хоре, серьезно занимался вокалом у преподавателей филармонии.

В 1957-м году Евгений Прокопенко закончил институт. После того, как вручили диплом, пригласили на разговор... в КГБ: «Не хотели бы вы, комсомолец, продолжить свое образование?».

— Я сразу и не понял, почему в таком солидном ведомстве мне предлагают продолжить железнодорожное образование. Но оказалось иначе: мне предложили учиться в школе КГБ. Я замаялся: позади годы учебы в железнодорожном институте, как вот сразу порвать все и изменить свою профессию! Помотал голосовой: не хочу. А сотрудник КГБ строго продолжил: «Мало что вы не хотите. Вас государство учило и только ему знать, где вам лучше работать. Идите, думайте!» Я ему не мог сказать, что только что прошел конкурс певцов и меня направляют на Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве. Я сказал об этом разговоре своим товарищам, которые меня рекомендовали на фестиваль. Они вмешались через обком и меня оставили в покое.

Все краски московского фестиваля

В июле 1957 года 23-летний Женя Прокопенко поехал в Москву. Впервые он увидел столицу. Она вся пылала от красок: фестивальное знамя, радостные лица людей, какая-то особая торжественность во всем. Его уже ждали. По многочисленным коридорам огромного столичного здания бегали люди. Они кого-то встречали, кого-то отправляли на репетицию. Отовсюду слышалась музыка. Женю пригласили на прослушивание, и он исполнил несколько романсов. Его похвалили. И сказали: «Нам нужен русский характер. Спойте песню «Родина». К своей радости эту песню Евгений хорошо знал. И запел:

*Вижу русское приволье,
Вижу реки и моря.
Это русское раздолье,
Это родина моя...*

Он хорошо брал высокие ноты — не хуже своего кумира Ивана Козловского. Уже потом пел под аккомпанемент оркестра народных инструментов и кто-то из присутствующих

на репетиции в огромном зале даже закричал ему «браво!». Жене Прокопенко было радостно. Несколько раз приезжал на репетиции. Путешествие было не из близких. Жил у дяди в подмосковном Одинцово. Шесть раз в неделю туда и обратно.

— Уставал так, что вечером засыпал как убитый. Я даже выразил свое недоумение: сколько же можно эту песню репетировать! И только потом узнал: песню «Родина» одновременно пели еще пять претендентов. А выбрали одного — меня! Мне сшили русский костюм: рубаху-косоворотку, широкие брюки. Красавец! Вот так меня одели, посадили в автобус и повезли на площадь Пушкина. Я это хорошо запомнил: в гордом одиночестве кудрявый Пушкин и вокруг масса людей. Я спел песню за весь Советский Союз! Легко брал высокие ноты, чтобы вся площадь слышала.

В Кургане он проработал более 40 лет

А ведь в это время Евгений Прокопенко должен был быть на Южно-Уральской железной дороге, куда его направил институт. Приехал в кадры, попросился направить в Златоуст. Здесь работал его товарищ Володя Самойленко. А ему говорят: только в Курган! Он настаивал: никакого Кургана не знаю. Направьте в Златоуст!

— Потом меня выслушал заместитель начальника дороги по локомотивам Константин Петрович Кондаков, — вспоминал Прокопенко. — Он посмотрел на меня как кот на мышь и сказал: «Ты почему на работу опоздал?». Я ему говорю: «Защищал честь Союза Советских Социалистических республик!» — «Как защищал?» — «Пел на фестивале молодежи и студентов!». И выдал ему куплет той самой песни. Он послушал и сказал: «Хорошо, нам подойдет!» А потом добавил: «Вот куда я скажу, туда и поедешь. Кругом! Шагом — марш!»

Так Евгений Прокопенко поехал в Курган делать свою железнодорожную карьеру. Молодого специалиста, самолю-

бивого, как все, отмеченные божьей искрой, привыкшего к аплодисментам, поставили для начала проверяльщиком маршрутов. Учился на синяках и шишках. Где не успел – получал по затылку. Зато школа какая! В это время на станции разворачивалась огромная работа – реконструкция. Евгений Прокопенко на ходу постигал все законы работы движенца и поднимался по служебной лестнице. Поэтому в его табели о рангах были такие записи: дежурный по парку, дежурный по станции, маневровый диспетчер, старший инженер, заместитель начальника станции. Приобретал опыт коммерческой деятельности, постигал все премудрости работы движенца – одной из важных на железной дороге. И вот он уже назначен начальником станции. Показывать на сцене свои вокальные данные уже не приходилось. Утро, день, а то и ночь – заботы о станции. Но одну привилегию все-таки оставил – в День 8 Марта петь для женского коллектива. Одна из работниц в случайном разговоре обмолвилась: «Хуже нет наказания, когда в обиде на нас за неисполнительность или неурядицы начальник скажет нам: «Не буду вам петь на 8 Марта!..» И мы быстро все исправим, уладим. И потом с радостью увидим улыбку на лице Евгения Степановича».

Евгению Прокопенко посчастливилось работать вместе с легендарным руководителем Курганского отделения Вениамином Слосманом. Тот всегда поддерживал его инициативу, желание сделать лучше.

*Хороший голос — улада слуха.
Но на железной дороге ценятся иные качества*

Однажды в Курган приехал на разбор начальник дороги Геннадий Валентинович Виноградов. Разбор закончился, все расходятся и в Доме культуры железнодорожников остались три человека: Виноградов, Слосман и Прокопенко.

– Я не мог уйти, так как мне было важно знать, когда Виноградов поедет, потому что только я как начальник станции смог отследить за всей ситуацией – когда встретить

и когда отправить поезд, притом отправить без задержек. Виноградов сказал Слосману: «Идите работайте». Я тоже заторопился. Но Виноградов, глядя на меня, сказал: «Останься...». У меня было ощущение, что сейчас начальник дороги строго отчитает меня за какую-то провинность. Я был готов ко всему. «Пойдем», – сказал он мне. И мы пошли через коридор, вышли снова в зал и поднялись на сцену. А на сцене стояло пианино. И вот строгий начальник, самый авторитетный на железной дороге, утомленный долгим разговором на совещании, присел к инструменту, открыл крышку и стал играть. Он играл «Лунную сонату» Бетховена. У меня отлегло на сердце. Подумал: сейчас попросит меня что-нибудь спеть. Так и случилось. Он заиграл вступление к романсу «Не искушай меня без нужды» и махнул головой: «Пой!». И я запел: «Не искушай меня без нужды. /Возврата нежности твоей...». Когда я исполнил последние строчки романса и смолкло пианино, повисла пауза. Тут я не выдержал и, вдохновленный нашим необычным дуэтом, сказал – как выдохнул: «Геннадий Валентинович, а что если нам когда-нибудь вместе выступить на концерте!» Строгий начальник, который только что изумительно аккомпанировал мне, положил свою ладонь на мое плечо и устало сказал: «Иди работай».

Евгений Степанович Прокопенко помнит о многом, что на его взгляд интересно и важно для истории Курганского отделения. К примеру, такой случай.

Как легендарный Слосман бросил курить

– Слосман всегда что-то выбивал для железной дороги. То пионерский лагерь, то Дворец спорта, то новый дом для железнодорожников. Поэтому его всегда будут помнить у нас. Он был такой человек: думал прежде всего о людях и безопасности железнодорожных перевозок. Например, пионерский лагерь мы начали с палаток. Вениамин Менделевич распределил все по каждому предприятию. До сих пор стоит в

обжитом нашем лагере дом, который строили мы. А Слосман смотрел уже в будущее. Надо было построить современную столовую, спортивный зал или киноклуб. Для этого нужно финансирование, нужны были материалы. Однажды весной я приехал в лагерь. Слосман нервно курил. И вот он просит у представителя Министерства путей сообщения, который приехал в наш пионерский лагерь, средства для того, чтобы построить деревянный корпус для детей. Тот ничего не обещал, долго молчал, давая понять: денег не даст. Тогда Слосман в сердцах вымолвил такое, на что никогда бы не решился: «Дадите деньги – брошу курить!» И тут же затушил папиросу. Гость стушевался. Он знал, что такое привычка курить и как трудно от нее отказаться. И сказал: «Ладно. Лично пойду к министру, буду просить. Сам понимаю: для детей». Та папироса, действительно, оказалась последней. Больше Слосман не курил. Прокопенко проработал с ним до конца его жизни и больше не видел, чтобы Вениамин Менделевич курил. Его слово было равносильно клятве. Этого же он требовал и от остальных железнодорожников.

Клятва железнодорожников

– Однажды на Всесоюзном соревновании, где участвовали 700 начальников станций, мне посчастливилось выступить, – рассказал Евгений Степанович. – Министр путей сообщения Николай Семенович Конарев сказал: «Выступай. Но только по делу». И я выступил. В конце своей речи сказал своим коллегам: «Все мы с вами в «одной упряжке». У нас много забот. Если кто-нибудь из нас приедет друг к другу и попросит о помощи, давайте поклянемся помогать». Мне заплодировали. И министр меня поддержал: «Мудро сказал!»

Такой случай представился. Мы делаем восточный парк. Все что для плана – есть в наличии. Сверх плана – нет ничего. А нам для реконструкции не хватает стрелочных переводов. Я знал, что нужно станции Курган. Ей нужно развитие для

того, чтобы ничто не тормозило. А для этого, прежде всего, нужны стрелочные переводы. Но где их взять?

И я вспомнил о той клятве, которую мы когда-то дали друг другу. Слосман подписал письмо и поехал в Москву. Министром был уже Геннадий Матвеевич Фадеев. Он расписался под письмом: «Помогите Кургану». А затем я приехал в Днепропетровск, где делали стрелочные переводы. Я знал куда ехать: начальник Днепропетровского отделения был на том совещании в Кургане и хорошо помнил клятву. Приехал, захожу в приемную и вижу глаза секретаря, полные слез. Что случилось? Оказалось, что начальник отделения умер. Я стою перед ней и ничего сказать не могу. С кем же я буду говорить, да и вряд ли кто меня поймет. Я вышел в коридор, стою, думаю: что же делать. А навстречу мне идет человек очень знакомый. Так ведь это тот самый начальник огромной станции Днепропетровск – Узел, который был на том совещании! Мы обнялись. Оказывается, он пошел на повышение и уже работает в управлении дороги в должности заместителя по движению. Я ему рассказал зачем приехал на Украину. Он мне в ответ: «Дал клятву – надо выполнять. Помогу!». Вызвал начальника службы пути и сказал ему: «У нас лето длинное, а у них, в Сибири, короткое. Перебрось наш заказ по стрелкам в Курган!» На завтра 18 новых стрелочных переводов уже были отгружены в два вагона и отправлены на Курганское отделение. Через несколько дней я увидел полные удивления глаза Вениамина Менделевича Слосмана: «Неужели ты это смог сделать!».

Вот что значит клятва железнодорожников!

Евгений Прокопенко, как и Слосман, стал легендой Южно-Уральской железной дороги. 32 года он руководил станцией Курган. Для ее развития, а, значит, и для всего Курганского отделения он сделал многое. При нем велось техническое перевооружение, путевое развитие, что позволило разгрузить станцию и увеличить ее пропускную способность. За годы руководства станцией он воспитал немало учеников, их имена ныне известны многим.

Сегодня Евгений Степанович Прокопенко «Почетный работник транспорта Российской Федерации», Почетный железнодорожник, Почетный ветеран ЮУЖД. Но строгая работа на железнодорожном транспорте не заглушила в нем желания петь. Иногда его просят об этом. И он вспоминает свое давнее увлечение. А старинная скрипка Циммермана также живет с ним, и голос ее нисколько не стал хуже.

2011 г.

Машинист Анатолий Мунгалов на фоне всего мира

Говорят, в пожилом возрасте ярче воспоминания юности. Это подтвердит 82-летний ветеран Курганского отделения Южно-Уральской железной дороги Анатолий Иосифович Мунгалов. Он вспоминает юность в мельчайших подробностях, ярких красках и даже в запахах разнотравья.

Впрочем, жарким летом 1957-го года цветов в Кургане было много — в садах, на личных огородах и городских клумбах. Ими торговали бабушки у входа в городской сад. Букетик полевых цветов Анатолий купил по случаю весьма радостному. Обком комсомола назвал его имя в числе делегатов на Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве. От такого счастья хотелось кричать на весь мир. Шел домой с букетиком, сдержанно держал его у сердца и иногда подносил цветы к лицу — от полевых лютиков доносился легкий аромат. И думал: какое же счастье работать на железной дороге!

К тому времени Мунгалову исполнилось 29 лет. К этим годам он достиг многого: работал старшим машинистом электровоза в локомотивном депо. Неугомонный машинист из Кургана предлагал немало таких идей, от которых у иных просто кружилась голова. И в каждом его предложении были заманчивые конкретности: водить поезда быстрее, увеличивать их вес. А начинал еще на паровозе. Его наставником был легендарный на всю страну Иван Блинов. Он учил

Анатолия экономно расходовать уголек, держать на подъеме скорость и многим другим паровозным премудростям.

Уже была слава, заслуженный почет. За лучшую общественную работу и за заслуги на производстве его и избрали делегатом на Всемирный фестиваль молодежи и студентов.

И вот она, столица! Курганскую делегацию разместили в гостинице «Москва». Из большого окна гостиничного номера Анатолий смотрел на огромный город и удивлялся тому, как он был хорош — весь в красках огромных витрин, с сияющими лицами людей, с фестивальной ромашкой из пяти лепестков и лозунгом «За мир и дружбу!» Красивые венгерские «Икарусы» развозили делегатов из 131 страны по залам и стадионам. Гремела музыка и необыкновенно торжественно звучал гимн фестиваля «Дети разных народов, мы мечтою о мире живем. В эти грозные годы мы за счастье бороться идем». У Анатолия выступали на глазах слезы, когда вместе со всеми пел: «Каждый, кто честен, встань с нами вместе против огня войны!»

А потом были Лужники. В огромной чаше стадиона, как в водовороте океана, проходило открытие фестиваля. Ему сказали: «Всех делегатов 34 тысячи». Неужели! Столько людей!..

Анатолия поразил размах строек. Всюду были краны, город рос вширь, поднимался ввысь. В парке Дружбы заложили аллею из хвойных деревьев. Одно деревце было его.

Когда курганцы совещались с делегациями из стран социалистического содружества — Польши, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Болгарии, — гости задали вопрос: как же молодежь Советского Союза воспринимает идею Всемирного фестиваля молодежи: «За мир и дружбу»? Они отвечали коротко: хотим жить в мире. И это было понятно: Великая Отечественная закончилась всего 12 лет назад. Как самого лучшего оратора Анатолия Мунгалова просили выступить. И он не оплошал: рассказывал о железной дороге, которая как могучая река соединяет берега.

Запомнился банкет в Центральном Доме культуры железнодорожников. Предварительно курганскую делегацию предупредили: выпить только «по чуть-чуть», кушать – пожалуйста! Таких закусок, что были на праздничном столе, Анатолий Мунгалов никогда не видел. Только на картинах мастеров эпохи Возрождения. Дары моря во всем разнообразии, продукция колхозов и совхозов, кулинарные изыски, многочисленные напитки. Расчувствовавшийся от всего этого делегат из Японии произнес самую короткую на банкете речь: «Русский водка крепкий-крепкий!» А в конце банкета раскрасневшиеся делегаты из многих стран мира приняли резолюцию: железнодорожникам всего мира дружить между собой. Одна строчка из этого документа особенно запомнилась курганскому машинисту: «На фоне всего мира мы выглядим серьезной силой движения по железным рельсам».

А потом в Кремле проходила встреча советских делегатов фестиваля с руководителями партии и правительства. В президиуме – Хрущев, Булганин и Ворошилов. Назвали фамилию Мунгалова. Тот на секунду заволновался, занервничал: как бы не споткнуться на пути к высочайшим персонам! Потом Никита Сергеевич вручил ему медаль «За доблестный труд» и пожал руку. Ладонь руководителя партии была мягкой и теплой, а рукопожатие нежным.

3 августа фестиваль завершился. Путь домой проходил под веселые песни. Особенно красиво участники фестиваля пели «Подмосковные вечера». В Челябинске на встрече с руководителями дороги машиниста Мунгалова вызвали выступить. Он так красочно живописал московский фестиваль, что начальник ЮУЖД Дмитрий Митрофанович Калабухов от полноты чувств обнял его. А потом начались встречи в Кургане: на железнодорожных предприятиях, перед активом в обкоме комсомола, в селах.

Московский фестиваль научил Анатолия Мунгалова верить в победы. Перед фестивалем он бросил клич на всю Южно-Уральскую дорогу, который потом подхватили по всей сети дорог СССР: «Каждому машинисту – диплом техника!»

А приехав из Москвы, он подал новое смелое предложение: обезличить поезда, не менять «железных коней» на станциях назначения, а сразу же доверять машины следующим бригадам. Ни минуты простоя! Это позволило машинистам Кургана, Челябинска и Петропавловска сэкономить целый час на каждом электровозе! У дороги появилась возможность быстрее доставлять грузы. Потом он первым открывал электрифицированные участки дороги, как ребенок радовался новизне.

Чуть позже Мунгалов опять станет первооткрывателем почина – курганскими бригадами водить поезда на длинные плечи по маршруту Шумиха – Челябинск. Появилась возможность сократить время в пути еще на 30 минут. А позднее он внесет предложение водить шеститысячные поезда. До 1959 года никто такие тяжелые поезда не водил. После этого на всей Южно-Уральской дороге, а затем и на всех железных дорогах страны с пониманием стали относиться к таким поездам. Тяжеловесники пошли в гору на высоких скоростях!

В 1963-м году на одном из слетов железнодорожников министр путей сообщения СССР Борис Павлович Бешев коротко скажет Мунгалову: «Молодец!»

Сегодня Анатолию Иосифовичу 84 года. Его рукопожатие такое же крепкое. Частенько заглядывает в свое депо, интересуется всем, что там происходит. Не прочь выступить, рассказать, а то и просто посоветовать большому начальству: работайте так, как мы в прежние годы. Ветеран выглядит молодо: в красивой «под соломку» шляпе, в модном темно-синем пиджаке Мунгалов напоминает своего молодого друга из Венгрии Яноша Порташа, который на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве оставил ему короткий автограф в блокноте. Смысл его был в следующем: молодые должны открывать дороги – к странам, городам и сердцам.

2009 г.

Надежда Кочнева. Жизнь под стук колес

Герой Социалистического Труда курганец Юрий Иванович Набатников считает курганскую железнодорожницу

Надежду Яковлевну Кочневу своим другом по одной причине — она настоящая труженица. С ней, что в бой, что на праздник, — говорит он. — Никогда не подведет.

Еще в советские времена они не раз вместе бывали на торжественных собраниях, сидели в президиумах, много говорили о том, что волнует. Юрия Ивановича тревожили проблемы в машиностроении. Сам из заводской среды, много лет отдал заводу колесных тягачей, создавал мощные машины для нефтяников и для обороны. А железнодорожница Надежда Яковлевна Кочнева, Герой Социалистического Труда, всегда рассказывала о своей родной «железке», которой отдала 41 год своей жизни. О том, как идут поезда. И о своей семье.

— По характеру мы как брат с сестрой, — рассказывает Юрий Иванович. — Одни привычки: рано вставать, много работать, дорожить семьей и любить детей. У меня двое взрослых — сын и дочь. У Надежды Яковлевны — сын Виктор, а сейчас пошли внуки и правнуки. Виктор, знаю, много лет работает на комбинате «Синтез», увлекается спортом, гитарист и песенник. Не раз мы говорили об истоках нашей рабочей биографии. Откуда все — настойчивость, желание хорошо работать? Наверное, с детства. Я закончил ремесленное училище в Кургане и работал за токарным станком. А Надежда Яковлевна — потомственная железнодорожница. Родилась в станционном поселке Макушино, в доме, который стоял рядышком с железной дорогой. Всегда грохотали поезда, стучали колеса вагонные. Чем не романтика, которая привлекает молодых!

Трудовая биография ее началась в 1947 году. Сначала пришла на дистанцию зданий и сооружений бухгалтером, а потом перешла к вагонникам. Там было больше живой работы. Быстро освоила профессию слесаря-автоматчика, а в 1961 году ее перевели в Курган осмотрщиком вагонов.

Юрий Набатников сам не раз думал о том, что за профессия у Надежды Яковлевны. И всегда сходил к мнению — уж очень трудное, но и ответственное дело: в ночь, в полночь, в грозу и мороз надо проверять вагоны, внима-

тельно следить за исправностью колесных пар, тормозных колодок. А если пропустишь неисправность — жди беды. Но у Кочневой такого не бывало.

— Я не раз спрашивал ее: Надежда Яковлевна, что вот так всю жизнь — с молоточком? Стук-стук, стук-стук. А она всегда с улыбкой: для кого-то и стук-стук, а для меня это музыка. Любой звук мелодичен. Если что-то не так — мелодия другая. Сразу слышна неисправность! Такой вагон отцепляют и — в ремонт.

Потом на дороге появилась новая техника — специальные тележки с набором инструментов, которые ходили вдоль эшелонов. Стало легче работать. Помощником стала громкоговорящая связь. Появились ПТО, где можно было отдохнуть и обогреться.

— Почему я об этом говорю? — задает себе вопрос Юрий Иванович Набатников. — Потому что сам прошел через это. Бывало, отстоишь смену за станком, в цехе все грохочет, сквозняки, порой, гуляют. Вот и захочется отдохнуть хоть минуту. Но я работаю в помещении, а Надежда Яковлевна — на улице. Ей, конечно, труднее.

Юрий Иванович знает Надежду Яковлевну и с другой стороны — общественной. В смене старшего осмотрщика вагонов Алексея Дмитриевича Сутормина была партгруппоргом, а потом — заместителем секретаря парткома депо. Сейчас все в прошлом, нынешняя молодежь, порой, воспринимает прошлую жизнь неоднозначно. Для блага депо, значит, и для всей железной дороги.

От Надежды Яковлевны всегда веет простым человеческим теплом. К ней тянутся люди, кто за советом, кто просто за сочувствием и пониманием. Спокойно и надежно рядом с ней.

Надежда Яковлевна награждена орденом Ленина и Золотой звездой Героя Социалистического Труда, орденом «Знак Почета», медалями, знаком «Почетному железнодорожнику».

Юрий Набатников вместе с Героем Социалистического Труда бывшей швей-мотористкой Людмилой Степановой

Бяковой был приглашен на 80-летний юбилей Надежды Яковлевны Кочневой. Сколько было людей на том празднике — и все вагонники. Многие говорили речи, поздравляли, обнимали ее и дарили подарки. Он поднял бокал с вином и произнес тост за дружбу. Увидел, как увлажнились глаза у его старшего друга. Потом Надежда Яковлевна призналась: как хороша была наша прожитая жизнь — без обид и разочарований. Но с обязательным стремлением, чтобы все в жизни было хорошо. И чтобы всегда стучали колеса вагонные.

2009 г.

Фотограф Юрий Артемин. Станция далекая и близкая

Помню, фотограф Юрий Артемин показал мне свои фотоснимки. Вернее, раскидал их по огромному столу в фотостудии: на, мол, любуйся! А я, признаться, оторопел! Какие-то чудные птицы, в ярком оперении, с длинными и короткими клювами, с изумительными формами тела, недоверчиво, а то и гордо смотрели на меня. «Где ты их сфотографировал? В Южной Африке?». «Нет!, — отвечает он, — На наших озерах и в курганских лесах».

Его часто волнует один сон: в своем маленьком пристанционном домике он ожидает поезд. Мимо друг за другом пролетают пассажирские и грузовые. А его поезд так и не останавливается...

И сейчас в том самом месте, где он прожил двенадцать лет, поезда тоже не останавливаются. Бывшая крохотная железнодорожная станция Жарниково, которой когда-то командовал его отец Александр Константинович Артемин, давно ликвидирована. Несколько домов, в которых жила его семья и семьи работников станции, уже давно растащили на дрова. Но память о той далекой жизни осталась. Запах трав с оттенком креозота — это от свежих шпал, до сих чувствует. Значит, память детства крепко держит его и не дает забыть о том времени. Однажды он взял свой фотоаппарат и стал

регулярно зимой и летом ездить на свою родину, где стоял отчий дом. Снимок за снимком, десятки фотографий, где самые волнующие уголки его детства обрели состояние полной картины зауральской природы — флоры и фауны, богатейшей и красивейшей во всем мире. Так считает Юрий Артемин, житель Кургана, известный в России фотохудожник.

— Толчок к творчеству дала мне жизнь на станции Жарниково. Здесь я увидел то, чего не увидишь в самых популярных фильмах о природе. Уголок моего детства — озера и речки, в которых до сих водится рыба и где летом царственно отдыхают лебеди и цапли...

Действительно, эти прижелезнодорожные края экологи называют энциклопедией природы Зауралья. Смешанные березовые и хвойные леса, многочисленные холмы и таинственные глубокие согры, спокойная пойма реки Миасс, целебные травы, — всего здесь в изобилии. Не случайно в 1930-х годах строители железной дороги с особой радостью проходили здесь со всей своей техникой, прокладывали железнодорожное полотно и душевно отдыхали.

Сегодня российский «Зеленый крест» часто обращается к фотографическому творчеству Юрия Артемина. Изданные им многочисленные календари давно «гуляют» по странам Европы и даже в Америке. Спрос на них настолько большой, что фотомастеру приходится вновь и вновь возвращаться к теме природы Курганской области, запечатлевать своим «Никоном» живописные уголки природы и ее обитателей, открывать фотовыставки и готовить к выпуску новые календари природы.

— Это божественное дело — радовать людей, рассказывать им о том, насколько красива природа и призывать беречь ее, — говорит Юрий Артемин.

А люди благодарны ему за то, что он сумел языком фотоснимка рассказать о живой природе и напомнить им о далеком историческом факте, когда в прошлом веке строители железной дороги бережно укладывали стальное полотно, не нарушая равновесия в природе.

2009 г.

Владимир Зорин. Очарованный жизнью

Художник Владимир Зорин, двадцать четыре года отдавший Курганскому отделению ЮУЖД, воспел Камчатку, паровозы и корабли.

Его называли последним романтиком Камчатки. Отслужив часть своей жизни на Тихоокеанском флоте, Владимир Зорин вернулся к вполне земным делам: работал художником в Доме офицеров флота, в краеведческом музее Петропавловск-Камчатского, создавал новые экспозиции, которые по истечении лет смотрятся так современно, как будто были созданы совсем недавно. Он был влюблен в океан, сопки, вулканы, суровые стойбища, в местных аборигенов. Вся эта неземная красота будила в нем дух любопытства, рождала желание рассказать об увиденном на своих полотнах. Так родилась удивительная коллекция картин, объединенная темой Севера. Уникальность работ признавали самые маститые художники. В его картинах парил город над бухтой, северный мираж воспринимался необычной сказкой, а спящие камчатские вулканы с высоты птичьего полета были так верны и созерцательны, что по ним ученые-вулканологи могли точно предсказать время их пробуждения.

Когда в 1974 году Владимир Зорин со своей семьей возвратился на свою родину в Курган, то работа нашлась сразу же. Легендарный Вениамин Слосман, руководивший тогда Курганским отделением, увидел в нем того самого человека, который ему был очень нужен. Он сразу же выделил ему мастерскую и квартиру. Вполне налаженный быт не усыплял художника: он также грустил по сопкам, писал картины, полные философского жизненного смысла. Но вместе с тем постепенно влюблялся в железную дорогу. Вениамин Слосман, встречавшийся с ним как с главным оформителем всех производственных и бытовых помещений отделения, направлял его деятельность в нужное русло. «Володя, зайди в столовую локомотивного депо, посмотри

на нее глазами художника», — советовал Зорину Вениамин Менделевич. Зорин шел в столовую, смотрел на скучные стены и разрисовывал их так, что, глядя за обедом на чудесные настенные изображения, машинисты и их помощники с великолепным настроением отправлялись в дорогу. Сейчас плоды его фантастического творчества украшают многие предприятия и коридоры железнодорожной поликлиники. В детском оздоровительном лагере «плыли» зоринские корабли, а огромная модель паровоза до сих пор очаровывает мальчишек.

Порой художник спешил в свою мастерскую в 3 часа ночи. «Чего не спится? — спрашивали его железнодорожные охранники. — Жена выгнала?» Володя отвечал: «Спать скучно. Работать надо». Его общий стаж на железной дороге составил 24 года. Вершиной творчества стала серия линогравюр «Паровозы». Он немало поработал в архивах и музеях, прежде чем в 1978 году приступил к выполнению своей давней мечты — показать все самые известные паровозы, которые тянули вагоны с грузами и пассажирами по длинному и могучему Транссибу. Его товарные и пассажирские паровозы, от самых первых — сухопутного паровоза Черепановых (1834 г.), сочлененного паровоза «Фита» 01301 (1897 г.) до «Танка-паровоза» 9П 2000 (1936 г.), «Серго Орджоникидзе» (1934) и других могучих локомотивов, стали героями графических листов художника Зорина. Одна из таких картин долгое время украшала кабинет Слосмана. Говорят, Вениамин Менделевич частенько рассматривал ее и мудро замечал: «Вот это сила, вот это размах!».

Уйти с насиженного места, где ему так хорошо работалось, заставила болезнь. Он не хотел обременять новое руководство отделения, которое не знало его так хорошо, как прежний руководитель Вениамин Слосман. Написал заявление — тихо ушел. Но до конца своей не длинной жизни вспоминал железную дорогу. Гудки локомотивов ему еще долго снились...

Владимир Зорин не только был увлечен живописью и графикой. Он создавал модели исторических кораблей, судов, участвующих в освоении и охране северо-восточных земель России, акватории Тихого океана и американского побережья. Эта уникальная коллекция, оцененная Международной независимой экспертизой в баснословные суммы, не ушла за границу и после смерти художника (2005 г.) была приобретена частным лицом и предоставлена на долгое пользование художественному музею. Владимир Зорин оставил большое художественное наследие — около 1000 произведений различного плана: от живописи и графики до моделей кораблей и самолетов.

А как сложилась судьба коллекции графических листов «Паровозы»? Недавно вдова художника Лариса Ивановна Зорина передала ее в дар Курганскому региону. Каждую картину «одели» в красивые рамы, и теперь коллекция под названием «Паровозы русской мечты» разместилась в центральном коридоре, соединяющем два административных здания. Ежедневно эту постоянную выставку могут видеть сотни железнодорожников.

Лев Жебелев. Мой великий старик

Признаюсь, как поднадоела эта печальная строка, о которую я спотыкаюсь каждый раз: «Старость не в радость!» А мне думается иначе. В свои 94 года мой герой радуется каждому прожитому дню и еще мечтает о том, чтобы прожить бы побольше.

Лев Жебелев не коренной курганец, хотя в нашем городе ему все мило и знакомо. В своей домашней округе его знает каждый. Спросил мальчишку: «Кто этот дед? Знаешь?». Тот не задумываясь ответил: «Он садит у нас деревья». Все верно! Сам видел, как однажды Лев Львович рыхлил земельку вокруг березки недалеко от своего дома на улице Красина.

Но это все лирика. А если вернуться назад, к тем годам, когда Лев Жебелев становился железнодорожником, мож-

но понять, откуда началась его ниточка-веревочка жизни! Дед — путеец. Отец с 1905 года был паровозником. Жили рядом с депо в поселке Железнодорожном. А там всегда суета: идут на работу машинисты, ремонтники, гудят паровозы. Атмосфера самая рабочая. Разговоры дома — о работе. Отец по гудкам узнавал все паровозы. «Слышь, — говорил он матери, — Тимофеич пришел». Мать встречала отца домой тоже по гудку его паровоза — немного хриплому, словно простуженному, и сразу же принималась разогревать обед, ставила на печь бадью с водой, чтобы отец мог помыться.

Понятно, что их сынок Левушка захотел также работать на «железке». Поступил в Гомельский железнодорожный техникум, а потом по направлению приехал в локомотивное депо Челябинск. Вот так Южный Урал пришел в его жизнь. Начинать помощником машиниста, а потом доверили «правое крыло». Когда пришла пора служить в Красной Армии, его милая женушка Нина с только что родившейся Лиличкой проводили в армию. Думали, что ненадолго.

А вскоре война. Воевал Лев на Украине. Поначалу все складывалось удачно: его дивизия отбивала у фашистов села одно за другим. А потом пошли неудачи. Немцы взяли дивизию в окружение. «Вместо наступления стали с бойцами выходить из окружения, — вспоминает Лев Львович. — Кончились боеприпасы. А потом оказалось, что мы потеряли три четверти личного состава и почти всю технику».

Когда вышли из окружения, Лев сразу же написал письмо своей Ниночке и признался, что все эти серые дни жил одной мыслью: выжить и когда-нибудь увидеть их с доченькой.

В боевой биографии Льва Жебелева был и такой факт. После того, как черная полоса окружения осталась позади, он получил назначение механиком-водителем в 16-й отдельный взвод техники особой секретности (ТОС), который подчинялся штабу фронта. Техника была серьезно засекречена. Она выполняла задания по уничтожению объектов врага с радиосигнала. Выбор таких объектов определяла Москва.

Один из таких эпизодов впоследствии стал широко известным. Он вошел во многие книги. В ноябре 1941 года взводом, где служил Жебелев, был заложен радиоуправляемый фугас в одном из харьковских особняков. Кодовый сигнал для приведения в действие мощного фугаса был послан с тыловой радиостанции. Взрыв произошел во время крупного офицерского совещания. Под обломками разрушенного здания нашли свою могилу командующий немецким гарнизоном, командир 68-й пехотной дивизии генерал Георг фон Браун и еще много крупных чинов немецкого штаба.

Управляемые по радио мины принесли фашистам немало бед, создавали нервозность. Никто не знал, где произойдет следующий взрыв. Немцы признавали превосходство русских в создании управляемых радиофугасов.

Победу Лев Львович Жебелев встретил в Чехословакии. А скоро опять вернулся к своей работе на железнодорожном транспорте. В Министерстве путей сообщения получил назначение на Южно-Уральскую магистраль. Получил два высших железнодорожных образования в Томске и Москве, много лет работал главным инженером Курганского отделения. При нем значительно увеличились пропускные способности Курганского железнодорожного узла, а локомотивное хозяйство стало одним из передовых на сети железных дорог страны.

Казалось бы, на пенсии все просто — живи спокойно и радуйся. Но не проходит и дня, чтобы Жебелев не появился бы на железной дороге. С ним все чинно раскланиваются — как с самой знаменитой персоной. Он задает много вопросов и сам на них отвечает. Он предлагает, советует — и все по делу. Например, сетует о том, что незаслуженно забыты дела железнодорожных политотделов, которые поднимали народ на строительство целинной ветки железной дороги. Или еще вот о чем: как достойно преподнести Транссиб к открытию в 2014 году Дальневосточного форума, на котором в очередной раз будет подчеркнута значимость магистрали для освоения и развития восточной части России. Мысли глобальные. Но как их подать, чтобы услышали их наверху?

Так живет Лев Львович Жебелев. Кто посмеет назвать его старым? Ветераном — да! Знатком железной дороги — конечно же! С 1990 года он выполняет обязанность заместителя председателя областного Совета ветеранов. Создал в нем секцию ветеранов войны, которая стала одной из самых деятельных и авторитетных в этой общественной организации. За эти и многие другие заслуги Лев Львович Жебелев удостоен звания «Почетный гражданин г. Кургана».

2011 г.

Душа дороги — Мария Тихоненко

Кажется, на курганский вокзал никогда не опускается тишина. Правда, на минуту все затихает и тогда слышен только шум ветра или торопливые голоса пассажиров. Эту кажущуюся тишину нарушает голос вокзального диктора. Узнаю этот голос. Это Мария Тихоненко. Много лет она встречает и провожает поезда. Она «звезда» на сцене местного Дворца культуры железнодорожников и автор небольшого поэтического сборника.

Мария любит всматриваться в небесную высь. Из высокого окна дикторской комнаты небо всегда живое — в красках, оттенках, волшебных рисунках. Проводит поезд, встанет поближе к окну и смотрит ввысь.

— Любуюсь небом, — говорит Мария. — Словно, какой-то великий художник рисует необыкновенные картины. Облака напоминают цветы, людей и зверей. Просто фантастика! Небо — часть моей любимой природы. Я не устаю любоваться ею и в своих стихах стараюсь об этом рассказать.

Как ребенок, я любуюсь чудом.

Если б замечали это люди,

К жизни был бы другой интерес.

— Что волнует мою душу — о том и пишу, — признается Мария. — В них и наша бабья доля, и неотразимая природа, и мои друзья. И, конечно, родная железная дорога.

На «железку» ее привела когда-то свекровь, которая, как и свекор, работала на железной дороге. И муж — на железной дороге. Настоящая трудовая династия, стаж которой перевалил уже за 100 лет. Вот так и прижилась и считает — лучшей работы не найти. Сначала поработала в справочном бюро вокзала. Потом предложили диктором. И вот уже четверть века здесь, на вокзале, в гуще человеческих страстей, переживаний. И стихи, конечно же, о родной железной дороге.

Стихи у Марии Тихоненко рождаются сами по себе. Идет по улице, замечает все на свете: настроение людей, перемены в природе и погоде. Из окна дикторской хорошо видны поезда. Когда объявляет о них по радио, голос Маши меняется. В общении — он мягкий и слегка торопливый. Но из динамиков вокзального радио голос звучит строго и уже немного отчужденно. Зато пассажирам понятно, какой поезд, на какую платформу приходит и когда отправляется. Для тех, кто уезжал с вокзалов, важна такая информация.

Маша любит наблюдать из окна, как на перроне вокзала встречаются люди, обнимаются, целуются, радуются. В этот момент она сама радуется, на лице ее появляется улыбка. А когда при расставании люди плачут, вытирают слезы, тогда и ей самой хочется всплакнуть. Но поезда приходят и уходят, надо объявлять об этом по радио.

В начале 2010 года Марию Тихоненко чествовали на сцене Курганского Дворца культуры железнодорожников. Событие было таким волнующим. 25 лет назад она пришла на железную дорогу и все эти годы поет на сцене ДКЖ. В красивом красном платье Мария выглядела настоящей «звездой». Каждую исполненную песню зал встречал бурными аплодисментами. Казалось, можно оглохнуть от них! В эту минуту думалось: вот оно — признание! Но в конце бенефиса Маша неожиданно расплакалась. Ох, уж эта ранимая женская душа. Кто-то из дорогих ей людей не пришел на ее концерт — и сразу слезы. А потом неожиданный звонок: «Извини, Машенька, не смогла быть с тобой. Сегодня я в дороге, заменяю подругу...».

Ее песенное творчество — в народной песне. С детства впитала все оттенки русского песенного искусства. Слушала свадебные песни, прислушивалась к тому, как поют в народе застольные песни, записывала и запоминала. Теперь она знает столько веселых и грустных песен — позавидовал бы любой знаток фольклора! Как-то мы ехали с концерта вместе с фольклорной группой «Цветень». Еще «не остывшие» артисты до самого Кургана пели на все голоса. А Мария была душой нашей компании. Она напела столько песен, что руководитель ансамбля Стас Белинский удивленно произнес: «Даешь ты, Маша!» А Маша пела так, что впору слезам пролиться. Вот так!

Еще одно увлечение Маши — стихи. Она их пишет поздними вечерами, когда на душе спокойно и ничто не тревожит. А сейчас мечтает о настоящей книге своих стихов — основательной, в твердом переплете. Но издать такую книжицу так трудно, особенно сейчас. Нужны деньги. Хотя первая книга ее стихов «Не молчи, душа!» уже вышла, но — в «самиздате». В мягкой обложке, 150 страниц и на каждой из них — ее чувства. Одни подзаголовки что стоят — «Живу и верую», «Язык природы мне так близок и понятен», «Русская женщина с тайной повенчана»!

Некоторые ее стихи стали песнями. Причем, музыку Мария Тихоненко пишет сама. Два года назад родилась песня «Моя мечта — железная дорога», которая участвовала в дорожном конкурсе.

*Моя мечта — железная дорога.
Люблю тебя я с детства всей душой.
Ведь у тебя так романтично и так строго.
Не мыслю без тебя судьбы иной.
Мелькают степи, речки, перелески —
Родимая российская земля.
Ты часть меня, я часть тебя.
Мы вместе —
Железная дороженька моя.*

Мария пропела эти стихи, а я действительно услышал в них дыхание родной железной дороги.

Силач Александр Минеев – «Подъемный кран» РЖД

Он выглядит как богатырь. Могучие плечи, крепкая шея. В старину такие силачи выигрывали на борцовских сходках. Но он занимается не борьбой, а другим видом спорта – пауэрлифтингом.

Курганский железнодорожник Александр Минеев стал чемпионом Уральского Федерального округа по пауэрлифтингу в жиме лежа.

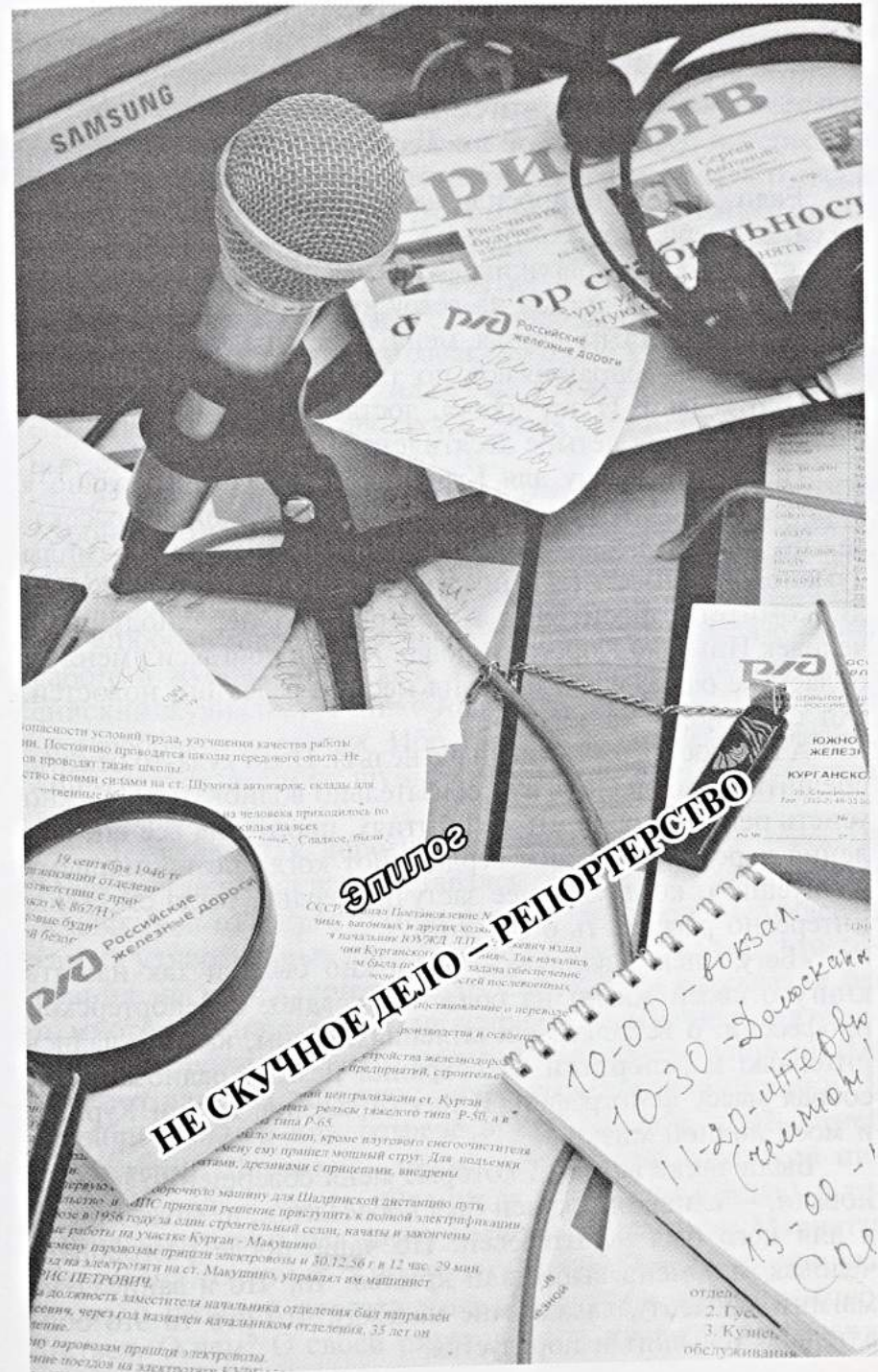
Представителей этого вида спорта называют силачами. Они выжимают штангу, показывая высокие результаты. Александр Минеев лежа выжал штангу весом в 110 килограммов и завоевал золото в возрастной группе 55-59 лет. С таким же результатом Александр Минеев выиграл в прошлом году чемпионат России и мира.

Александр Минеев работает механиком Курганской механизированной дистанции погрузочно-разгрузочных работ. Он не случайно увлекся пауэрлифтингом – ранее легко выжимал двухпудовые гири и даже выполнил норматив кандидата в мастера спорта. Силовое троеборье стало семейным видом спорта. Этим спортом увлечены дочь Наталья и ее муж Сергей, кстати, рекордсмен России, который и сподвиг тестя заняться столь редким видом спорта.

– В моей возрастной группе и весовой категории не так много соперников, – объясняет он. – А те, что имеются, не могут составить мне конкуренции. Поэтому золотую медаль я не считаю серьезным достижением. Для меня это так, очередная игрушка для внуков.

Это звание Минеев регулярно подтверждает в Кургане. Он достойно представляет дистанцию в отделенческой спартакиаде, где завоевывает медали. В общем, «игрушками» внуки Александра Георгиевича обеспечены.

2008 г.

Лучшее впереди!

(Лирическое послесловие автора)

Если бы меня попросили нарисовать дружеский шарж... на самого себя, я, не сомневаясь, изобразил бы свою персону так: стремительно бегущий человечек, с магнитофоном на плече, с развевающимся на ветру чубчиком...

Впрочем, иным друзья меня и не представляют. «Где Аванесов?», — спрашивают по телефону. «Где-то в дороге», — отвечают. И эта дорога, доставляющая мне удовольствие, составила четыре десятилетия.

Первую передачу для Курганского областного радио я подготовил ровно 40 лет назад. В 1971 году, когда я рассказал по радио о песнях никому неизвестной тогда Людмилы Тумановой, заместитель председателя Курганского телерадиокомитета, фронтовик и совершенно равнодушный человек Николай Константинович Жиров пригласил меня на областное радио и предоставил место в редакции новостей. Вот с тех пор я «в дороге».

А в новостях работать иначе нельзя. Надо куда-то бежать, спешить, надо звонить и — обязательно волноваться. Важно успеть первым сообщить о событиях, пропустив все впечатления через собственное сердце. Вот когда по-настоящему волнуешься, когда сильнее застучит сердце, тогда сможешь интересно рассказать о событии.

«Бегу, спешу, волнуясь» — можно было и так назвать книгу о своей жизни на областном радио, о репортерской профессии: о встречах, впечатлениях, о том, как рождались интервью и репортажи. Я сохранил немало радиозаписей, собрал массу фотографий. В них отражение жизни Кургана и моей личной жизни.

Были такие встречи, которые меня совершенно не волновали, — слишком скучен был собеседник, а, может быть, я для него был неинтересен. Но чаще после разговора с человеком у меня вырастали крылья. То, что я записал на магнитную ленту, давало мне надежду, что кто-то это обязательно услышит и порадует.

Моя дорога пролегла через все районы, многочисленные деревушки и поселки. И везде было много интересных людей, добрых лиц. Мне раскрывали сердца, ведали о своей жизни, не скрывая ничего. Это были рабочие и землепашцы, милые студентки и строгие ученые, артисты и художники. Какой калейдоскоп лиц и событий — удивительно яркий, со всеми оттенками красок! Помню, как мама погибшего в Чечне сына со слезами рассказывала о нем и читала его школьные стихи. В них жил ее сын и, казалось, был слышен его голос. Я вытирал на своих глазах слезы. В эти минуты нам одинаково было тяжело.

Я немало поездил по стране — и всегда был с магнитофоном. Только занесенный на пленку разговор можно считать психологически точным. В нем сохраняется все: голос, манера говорить. И даже улыбка...

«Любовь моя — интервью», так когда-то сказал о своей работе в журналистике мой давний друг, знаменитый российский журналист Феликс Медведев. Вслед ему скажу так: моя любовь — репортаж. Ибо в нем присутствует все: время, лица, голоса, эмоции, шумы — все, что обычно присутствует в событии.

Меня звали в дорогу интересные факты и люди. В Москве, где я был часто, старался обойти всех знаменитых земляков, а то и просто (при помощи Феликса Медведева!) самых удивительных людей нашей страны. Жалею, что сохранил не все радиointerview. Сейчас они рассказали бы о многом. Какие это были встречи! Необычные интонации, повороты, какие-то неизвестные факты, упомянутые при тех далеких встречах, дополняли портрет истории. В октябре 1980-го при встрече в Переделкино с 92-летней Мариэттой Шагинян — самой неутомимой советской писательницей — мы (я, Феликс и Саша Арцыбашев) в течение почти четырех часов слушали ее рассказ. Мариэтта Сергеевна говорила о прожитых годах. Она была одинока в своей поздней переделкинской жизни и хотела выговориться. О чем? О своей писательской жизни, о встречах и

расставаниях. О Терентии Мальцеве, с которым когда-то она встречалась. И о Марине Цветаевой, которая, по ее мнению, была беспомощной и одинокой, и это привело ее к гибели.

Вспомнила она и о телефонном разговоре со Сталиным в 40-х годах, когда вождь проявил к ней неожиданный интерес. Тогда он спросил испуганную писательницу: «Почему мало пишете?» Мариэтта Сергеевна пожаловалась: «Меня не печатают, Иосиф Виссарионович». «Хорошо, я разберусь», — ответил Самый Главный. На следующее утро в ее квартире беспрерывно звонил телефон, ею интересовались издательства и газеты. Одна за другой стали выходить книги. Вот что значит всего один звонок Всемогушего.

В 2002 году судьба свела меня с Южно-Уральской железной дорогой. Мне предложили работу пресс-секретаря. Я не отказался. Более зрелый период журналистской работы стал для меня самым счастливым. Я освоил компьютер, цифровой фотоаппарат, принтер, сканер, — все для души и творчества. Только работай! Если раньше были репортажи на радио, то теперь стали репортажи и интервью на страницах газет. Если раньше у меня были свои радиослушатели, теперь стали свои читатели. Мои лирические повествования часто появляются на страницах российской газеты «Гудок», железнодорожной газеты «Призыв» Южно-Уральской магистрали. Открылось второе дыхание.

Моя жизнь — репортерство. Разве это скучное дело!

Я удивляюсь тому, как мгновенно пролетели мои годы. Для людей, у кого жизнь скучна, они тянутся бесконечно долго. Для меня они пролетели быстро. У последнего поворота судьбы хочется сделать передышку, вдохнуть полной грудью и подумать о том, что еще надо успеть сделать. Написать новую книгу? А зачем и о чем? Да и кто будет ее читать! Может быть, лучше оставить в душе все былые радости и переживания, направить свои силы на вполне реальные земные дела: копать в саду, радоваться цветению яблонь, воспитывать внушек.

Возможно поэтому, не собираясь больше сесть за письменный стол перед чистыми листами бумаги, я спешу сказать спасибо тем, с кем я работал долгие годы на областном радио. Мои коллеги помогали мне в работе, подсказывали, вместе со мной шутили и смеялись. Мне было так легко с ними! Вот они, мои милые друзья. Они давали мне мудрые советы, бежали вместе со мной на репортаж, брали интервью и создавали передачи на Курганском областном радио.

Николай Жиров — фронтовик, зам. по радио. Исключительно требовательный к себе и ко всем нам. Прослушивал все радиопередачи, чтобы не допустить вольностей и неточностей. Отмечая суровый характер Николая Константиновича, журналисты вспоминают о нем как о порядочном человеке.

Юрий Хлямков — председатель телерадиокомпании, ленинградец, для кого Курган стал второй родиной. Похвалу из его уст мы принимали как самую высокую оценку. Мастер коротких стихотворений «по случаю». Всем нам «телерадиор ребятам» Юрий Васильевич на дни рождения подарил такие веселые памятные стихи.

Геннадий Артамонов — зам. по радио, председатель телерадиокомпании. Прекрасный журналист, поэт. К нему в кабинет мы шли просто так — поговорить о жизни. Он всегда писал стихи, любил читать нам только что рожденные строчки. Первая поэтическая книжка Артамонова вышла, увы, после его смерти.

Алексей Пляхин — корреспондент, фронтовик, известный поэт. Дошел до Берлина и в мае 1945-го расписался на стене Рейхстага. Мы всегда гордились Алексеем Михайловичем, говоря при этом: «А что? Пляхин у нас работает!»

Виктор Драгомирецкий — зам. по радио. Рассудительный руководитель, доверял нам полностью, не терзая грубым словом и не обещая пряников. При нем мы исправно крутились, правда, зная демократичный нрав Виктора Серафимовича, мы иногда выпрягались. Он великодушно прощал.

Лев Садовский – корреспондент Всесоюзного радио. Фронтвик. Первым на Всесоюзном радио рассказал об открытии в Тюменской области месторождения нефти.

Тамара Солонина – старший редактор. Мастер репортажа. Незаменимый человек в семье, коллективе, в общественных делах.

Владимир Иванов – ленинградец, переживший блокаду. Его репортажи и интервью звучали артистично. Учил этому искусству молодых радийцев.

Адольф Алферов – редактор молодежной редакции в 1970-х годах. С дипломом МГУ и знаниями на «пять» мог бы легко работать в самом престижном информационном агентстве. Но он избрал областное радио, а затем и многотиражную газету завода имени Карбышева.

Валентина Галицкая – корреспондент детской редакции, самый добрый человек на свете, красавица. Как-то в нее влюбился приехавший в командировку в Курган капитан первого ранга Тимур Гайдар.

Яков Кудрявский – старший редактор. Спокойный, рассудительный. Нам, молодым, казалось, что промышленное производство Зауралья живет и развивается благодаря передачам Якова Борисовича.

Евсей Славников – председатель радиокомитета, корреспондент Всесоюзного радио. Родом из Белоруссии. Призывая нас к простоте изложения своих мыслей, советовал нам с присущим ему белорусским акцентом: «Тшитайте Тшехова». Конечно же, Чехов радиожурналистам долго снился.

Дина Кривцун – корреспондент радио. Ее передачи на тему культуры были хороши, в них участвовали знаменитые деятели культуры СССР, а также простые работники сельских и городских Домов культуры. Она всегда по-доброму поддерживала всех, находила для нас такие слова, от которых хотелось работать. Ее смерть была огромной потерей для нас.

Валерия Малофеева – диктор областного радио на протяжении 30 лет, эталон произношения. В ее прочтении

наши, порой, сухие тексты «оживали», наполнялись особым смыслом. Ее голос знали тысячи жителей Курганской области. В течение многих лет Валерия Никифоровна открывала утренний и вечерний эфир областного радио. Ее можно сравнить с легендарным диктором Всесоюзного радио Ольгой Высоцкой.

Виктор Короткий – диктор, обладатель удивительного бархатного голоса.

Галина Быбина – ее партийность не отражалась на передачах, в них были настоящие герои нашей жизни. Радиослушатели любили ее за принципиальность. При встречах они обычно просили: «Покажите нам Быбину!». Поэтому письма по ее передачам шли на ее адрес, и каждому радиослушателю Галина Павловна старалась уважительно ответить.

Александр Быбин – выпускник журфака МГУ, ученик знаменитого Ясена Засурского, старший редактор, в течение многих лет автор одной из самых популярных на радио передач «Давайте разберемся». Излагал свои мысли понятно, поэтому его передачи были своеобразным эталоном радиоклассики.

Виктор Блынских – корреспондент редакции сельского хозяйства. В армии служил на Байконуре, был свидетелем запуска в космос первых советских космонавтов. Увиденное так впечатлило, что он решил стать журналистом, – как он говорил, чтобы «рассказывать о жизненных удивлениях». Ему это удавалось. К сожалению, жизнь Виктора оборвалась трагически.

Тамара Кавешникова – один из первых дикторов курганского телевидения, диктор радио, корреспондент молодежной редакции. Веселая, романтическая, обладавшая красивой речью и особым талантом весело задавать вопросы. Ее заразительный смех придавал нам силы. Тамара Федоровна была великолепным наставником. Бывшие ее «птенцы» стали известными журналистами.

Ольга Нарожная – корреспондент, автор передач на сельскохозяйственные темы. В Курганской области нет

такого села, в котором бы не побывала Ольга Михайловна. Ей доверяли свои мысли наши знаменитые аграрники Терентий Мальцев, Григорий Ефремов, Умирбек Бимаканов и другие легенды сельского хозяйства. От нее я узнал, для чего пашут зябь, что такое варроатоз пчел и как бороться с колорадским жуком.

Юрий Баландин — корреспондент редакции сельского хозяйства областного радио, а затем — Всесоюзного радио и Центрального телевидения. Красиво писал на скучные, казалось бы, темы. О нем говорили: «Мимо Баландина ни одна «кривая строка» не пролетит». Критически распекал нас на летучках. А что? Иногда от этого бывает польза!

Эрнст Палешкин — корреспондент. Всегда умел удивляться. Это помогало создавать прекрасные радиоочерки. Известный писатель-сатирик Леонид Ленч назвал Э. Палешкина лучшим очеркистом страны. Мог бы еще пожить и написать хорошую книгу о героях нашего региона. Не успел...

Майя Котова — звукорежиссер радио на протяжении десятков лет. Начинала свою жизнь под «крылом» Льва Толстого в заповедном селе Ясная Поляна Тульской области. Хранительница огромной фонотеки. Она находила для передач такую музыку, которая поднимала наши творения ввысь.

Светлана Мехнина — старший редактор радио, автор и ведущая телевизионной программы «Факт» на курганском телевидении. Талантливый журналист, хороший организатор. В течение двух созывов была депутатом Курганской областной Думы. К сожалению, рано ушла из жизни.

Сергей Брюханов — корреспондент редакции сельского хозяйства, старший редактор службы новостей. Умел прокомментировать факт так, чтобы было понятно все — до последнего винтика. Был увлечен музыкой. Высоко ценил дружбу.

Александр Гарифуллин — корреспондент редакции сельского хозяйства. Ироничный, рассудительный, он и в работе старался докопаться до истины, чтобы слушатели могли зри-

мо представить картину нашей непростой жизни. После ухода с радио он не потерялся. Познания в экономике помогали ему в работе директора Боровлянского стеклозавода.

Нина Рябинина — корреспондент детской редакции. Милая и обаятельная девушка, мимо которой спокойно не мог пройти ни один журналист мужского пола.

Юрий Тюрин — старший редактор. Обладал поистине энциклопедическими знаниями, знал все об экономике могучего советского государства, предвидевший крах экономической политики и первым рассказавший нам об этом после очередной командировки с московских курсов.

Галина Алексеева — корреспондент радио. Умела брать интервью, задавая совершенно непростые вопросы. Знание французского языка помогло ей съездить в Париж вместе со знаменитым в стране трио курганских баянистов на международный музыкальный конкурс и подготовить великолепный репортаж. После чего мы с гордостью говорили: «Курганское радио теперь знают и во Франции!».

Анатолий Львов — корреспондент редакции культуры. Единственный их курганских, а может быть и российских журналистов, являвшийся членом четырех творческих союзов — журналистов, писателей, художников и театральных деятелей. Его познания в художественном, музыкальном и театральном творчестве были поистине велики. Успел издать два поэтических сборника. Последняя книга «Детский парк» вышла незадолго до его смерти.

Николай Кузнецов — диктор радио. Читал наши новости, различные передачи. Его великолепный голос напоминал чтение легендарного диктора Всесоюзного радио Юрия Левитана. Коронная фраза в исполнении Кузнецова: «Говорит и показывает главная площадь города Кургана» заставляла вздрогнуть каждого радио- и телезрителя и понять глубину торжества события. Спустя годы голос Николая Кузнецова можно было слышать на больших городских праздниках.

Георгий Ефимов — репортер редакции новостей. Вместе с ним мы не раз спешили поздней ночью в аэропорт, чтобы

встретить из Москвы делегатов партийных съездов, а затем спешно готовили репортажи в утренний выпуск последних известий. Порой, вместе получали выговоры, когда в спешке перевертали фамилии героев. Впрочем, можно было и не мчаться ночью за новостью, а в течение дня спокойно взять обычное интервью. Но нам хотелось удивить радиослушателей своей сверхоперативностью и особым динамизмом события: стихающим гулом моторов самолета, взволнованными голосами и теплыми поздравлениями. Георгий рассказывал обо всем – о сельском хозяйстве, природе, о новостях культуры, об удивительных людях и даже о спорте. Это была не всеядность, а его вечный репортерский девиз: «Кто как не мы!..». Знаю: Георгий пишет свою репортерскую книжку о встречах. Думаю, она будет лучше моей.

Елена Подкопаева – корреспондент детской редакции. Она была влюблена в жизнь, в работу, в свою семью. Немногим из нас Леночка могла доверить свои потаенные мысли. Ей отвечали взаимностью, советовали и, порой, успокаивали, когда что-то не складывалось в ее девчоночьей жизни. После курганского радио Лена успела поработать на Сахалинском радио, вкусила все прелести Севера: прочувствовала суровые морозы и пронзительные ветра, поняла, что такое кислородное голодание. В первый свой отпуск Елена радостная приехала в родной Курган. Затем поехала лечить зрение в столицу. Во время поездки в обычной московской маршрутке «Газель» столкнулась с грузовой машиной. Мы потеряли нашу Леночку во второй раз. На этот раз – навсегда...

Владимир Костарев – корреспондент радио. Выпускник УрГУ с дипломом филолога, восторженно писал об экономике нашего края, успевая побывать на всех презентациях, фуршетах и брифингах. Любил выкурить сигарету за рабочим столом, за что мы не раз выговаривали ему. Он соглашался, шел покурить на улицу. Возвращаясь, опять дымил в кабинете. Впрочем, мы прощали его табачное пристрастие, уважая его за главное журналистское качество: профессионализм и за особую уважительность к каждому из нас.

Анатолий Слесарев – корреспондент радио. Его прошлая жизнь была наполнена яркими событиями: бывший суворовец, затем студент театрального училища, работал режиссером народного театра. Много лет был диктором Курганского телевидения. Для него это было «золотое» время, когда популярность дикторов была особенно высокой. Анатолия узнавали в лицо и даже просили дать автограф. В конце 1990-х годов должность диктора на ТВ сократили. Так он стал корреспондентом радио. Освоился быстро: научился брать интервью, старательно делал передачи. Для нас Анатолий Слесарев был «своим парнем», с которым можно было пошутить, посмеяться и даже выпить в кабинете просто так, за дружбу! За кем этот грех не водился! Порой Анатолий делал нам справедливые замечания на неправильное произношение, советуя чаще обращаться к словарю ударений. Нас это не обижало. Сейчас, когда Анатолия не стало, многие из нас вспоминают его с грустью, думая о нем, как о талантливом человеке, искавшем свою нишу в радиожурналистике.

Александр Скорбенко, Анатолий Чембаев – корреспонденты радио, прошедшие «школу» Тамары Кавешниковой. Несмотря на то, что оба – выпускники технического вуза, они с огромным интересом работали над репортажами, создавали передачи, которые всегда отличались новизной. Оба друга сейчас продолжают свою журналистскую деятельность вдали от Кургана: Анатолий Чембаев – заместитель генерального директора Московской радиостанции «Шансон»; Александр Скорбенко – главный редактор газеты «Тюменская область сегодня».

Елена Овсянникова – редактор литературно-музыкальной редакции. Пришла на радио после окончания журфака УрГУ. Милый, веселый человек с задатками лидера. Ее нельзя было уличить в непрофессионализме – грамоты у нее хватало на всех. Она знала о многом в журналистике: как выстроить передачу и как работать в радиоэфире. Первой вышла в прямой эфир на радиостанции «Ностальжи», а затем и на «Автордио-Курган», открыла пилотный проект

программы «Доброе утро, Зауралье!», тем самым доказав: прямой эфир — самое лучшее и демократичное в работе с радиослушателями.

Елена Вильцева — редактор детской редакции. Пришла на радио совсем девчонкой. В те годы Лену было трудно отличить от героев ее программы — школьников. Юная мечтательница настойчиво осваивала азы радиожурналистики. Ее передачи со временем стали хорошо выстроенными, с веселыми детскими голосами и поучительными комментариями старших. В редакцию новостей радио пришла уже с солидным багажом знаний.

Людмила Пожарищенская — звукорежиссер, редактор радиопрограммы для детей «С нами не соскучишься!». В нее влюблялись многие — мои коллеги, и те, у кого Людмила брала интервью. Свою любовь к звукорежиссуре она привила старшей дочери Евгении Пожарищенской, которая сейчас является известным звукорежиссером на Российском телеканале «Культура».

Алла Шулепова — звукорежиссер. С ней было всегда легко работать. Я благодарен ей за поддержку, выразившуюся в добром слове, улыбке, и — за легкий, как у балерины, взмах руки, по которому перед микрофоном я вступал в беседу с радиослушателями.

Пусть простят мне коллеги, кого в спешке не вспомнил и не записал в этот длинный список моих товарищей по микрофону. Радуюсь тому, что ветеранов до сих пор с благодарностью вспоминают радиослушатели. Жаль, что жизнь некоторых из них уже завершилась. Остальные продолжают работать, иные стали пенсионерами. Мы созваниваемся, желаем друг другу здоровья и также торопимся жить в ожидании лучших дней. А лучшее, как мы всегда считали, еще впереди. Пусть будет так!

г. Курган

2012 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Владимир Пястолов.</i> Слово об авторе	4
<i>Феликс Медведев.</i> Его голос знаком многим курганцам	5
<i>Юлия Васильева.</i> «Открой в минувшее окно»	7

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Жизнь-продолжение: встречи, свидетельства, легенды (1971–2001)

Коридоры детства. Мой дом на Советской	10
С магнитофоном наперевес	17
Всеволод Иванов. Время и Литература.....	23
Гавриил Илизаров. Гений — великий и обидчивый	31
Дмитрий Шостакович. На фоне курганской жизни	35
Мстислав Ростропович — земной и вечный	43
Клара Румянова. Ее голосом говорили птицы и звери	47
Нина Высоцкая. Жила памятью о сыне	52
Нина Турбина. Крестная дочь Ивана Бунина	58
Феликс Медведев. Его герои — кумиры эпохи	62
Валерий Хорошаев: «Готов убрать все «морщины» Кургана»	76
Илья Френкель. Песня — пароль дружбы	84
Прилетали в Курган герои	88
Василий Шатилов. Победное — пятое знамя!	90
Григорий Криволапов. Профессия — защищать Родину	93
Георгий Флеров: «Сибиряки сильнее атома»	96
Яков Витебский. Феноменальная личность	102
Анатолий Рыбаков: «Переживал за все, что творится в России»	106
Виталий Севастьянов: «В детстве я жил рядом с Курганом»	110
Андрей Вознесенский. Несостоявшееся возвращение	114
Терентий Мальцев: «Матушка-земля покоя не дает»	118
Мария Ковригина. Министр времен Сталина и Хрущева	123
Валерий Брумель. Последняя победа	129
Олег Бухтояров. Сталь для оборонки	133
Григорий Пушкин: «Стихов никогда не писал»	138
Карло Маури: «После Кургана мечтаю подняться в горы»	142
Алексей Казаков: «Все мои встречи шли через Есенина»	145
Моя коллекция. Прощальный дар Пушкина	152
Марина Цветаева «погрозила» мне пальцем	157
Анатолий Кисличко. Пчелиный бог	160
Людмила Туманова. Песни, как весенние букетики	170
Римма Казакова: «Вспоминай меня без грусти»	173
Леонид Бендик. Читают женам о любви поэты	176
Юрий Сенкевич. Он ушел в последнее путешествие	181
Юлия Травникова. Птица счастья на мольберте	182
Трагедия у Змеиной горы	184
Как я опекал «лунохода»	187

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мимолетные встречи – узелки памяти

Ираклий Андроников: «Лермонтов! Да!»	192
Татьяна Самойлова. Со «звездой» шел под ручку	194
Мариэтта Шагинян. Васильки на мальцевском поле	196
Расул Гамзатов мечтал побывать в Кургане	201
Гулливер в Кургане	202
Джуна. Простой массажистке доверял генсек Брежнев	204

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Записано на магнитофонной ленте: хроника голосов и событий (1971–2004)

Гавриил Илизаров возглавил КНИИЭКОТ	208
Борис Колпаков первым получил звание «Народный артист РСФСР»	209
Художник Валериан Илюшин открыл свою последнюю выставку	209
Актер Готлиб Ронинсон воскликнул: «Да здравствует Курган!»	210
Художник Александр Петухов приехал с северного пленэра	211
Актриса Клара Румянова читает стихи и сказки Леонида Куликова	213
Галина Душкина – мастер прикладного искусства	214
Нина Малиновская – правнучка декабриста И. Повало-Швейковского	216
Писатель Виктор Астафьев: «В Кургане живут близкие мне люди»	218
Композитор Никита Богословский спел для меня: «А пароход кричит: “Ау”!»	219
Литератор Илья Шнейдер рассказал курганцам о Сергее Есенине	220
У ленинградского поэта Глеба Горбовского в Кургане много друзей	222
Артистка Нина Усатова: «Моя тихая родина – Курган»	224
Екатерина Васильева – дочь поэта Сергея Васильева	225
Историк Павел Свищев издал сборник «Зауральская генеалогия»	227
Парашютист Юрий Югов – бронзовый призер чемпионата мира	228

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Моя железная дорога (2002–2011)

Бревнышко к бревнышку, вот и вокзал готов	232
Курганский вокзал: место встреч и расставаний	235
Легенды и были станции Сладкое	238
Скрипка Циммермана и... железная дорога	240
Машинист Анатолий Мунгалов на фоне всего мира	248
Надежда Кочнева. Жизнь под стук колес	251

Фотограф Юрий Артемин. Станция далекая и близкая	254
Владимир Зорин. Очарованный жизнью	256
Лев Жебелев. Мой великий старик	258
Душа дороги – Мария Тихоненко	261
Силач Александр Минеев – «подъемный кран» РЖД	264

ЭПИЛОГ

Не скучное дело – репортерство

Лучшее впереди! (Лирическое послесловие автора)	266
---	-----

ВЯЧЕСЛАВ ГРИГОРЬЕВИЧ АВАНЕСОВ
ВСТРЕЧИ В ПУТИ

Книга о репортерских буднях и праздниках

Редактор — *А.Л. Казаков*
Корректор — *Г.И. Казакова*
Компьютерная верстка — *С.Г. Казанцева*
Художественное оформление — *Т.В. Задворных*

Подписано в печать 30.01.12. Формат 60×90¹/₁₆.
Усл. п. л. 19,5 л. Тираж 500 экз. Заказ № 3539.

ОАО «Челябинский Дом печати»
г. Челябинск, Свердловский пр., 60.

Вячеслав Аванесов

Встречи в пути

Автор книги – известный в Курганской области журналист, заслуженный работник культуры России. Большую часть жизни работал на Курганском областном радио корреспондентом, старшим редактором редакции новостей. Встречался со многими героями своего края, а также известными в нашей стране людьми.

Вячеслав Аванесов, по своей сути, репортер, таковым он себя всегда считает. Его интервью и репортажи звучали в программах областного и Всесоюзного радио, публиковались во многих областных и центральных газетах. Многие его интервью составили аудиокolleкцию «Голоса Кургана», запечатлевшую главные события жизни зауральского региона на протяжении тридцати лет.

Герои книги – известные в стране люди, которые бывали в Кургане и оставили здесь частичку своего сердца.

